

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ТЕПЛОВА СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА

**«ПУБЛИЦИСТИКА ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ 1992-1997 гг.»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.10 – журналистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Муллоев Шариф Бокиевич

Душанбе – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-14
ГЛАВА I. Истоки и специфика русскоязычной публицистики в информационном пространстве Республики Таджикистане.....	15-64
1.1. Публицистика как особый вид творчества.....	16-36
1.2. Ретроспектива формирования и совершенствования русскоязычной публицистики Таджикистана.....	37-64
ГЛАВА II. Состояние и особенности русскоязычной публицистики Таджикистана в годы гражданского противостояния.....	65-101
2.1. Объективные факторы воздействия на публицистику 90-х годов Таджикистана.....	65-82
2.2. Степень идентификации действительности в русскоязычной публицистике Таджикистана периода гражданского противостояния.....	83-101
ГЛАВА III. Жанровое воплощение русскоязычной публицистики Таджикистана в годы гражданского противостояния.....	102-143
3.1. Художественная публицистика и её актуальность в русскоязычных изданиях республики 1992-1997 годов.....	102-108
3.2. Особенности жанра очерка в русскоязычных печатных СМИ периода 1992-1997 годов.....	109-125
3.3. Сатирические жанры на страницах русскоязычных печатных СМИ периода 1992-1997 годов.....	126-143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	144-148
Библиография.....	149-165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Последнее десятилетие XX века в истории Таджикистана характеризуется как период коренных изменений, перестройки, затронувших многие сферы общественной жизни. Глубокие социально-политические потрясения обусловили фундаментальные изменения в миропонимании и мировосприятии нации, что в свою очередь, отразилось на ее ценностных ориентирах, определивших главное направление реализации национальной идеи – создание независимого таджикского государства. Преобразования глобального масштаба, стали причиной тяжелых последствий, существенно отразившимся в экономической, социальной и политической сферах, что породило одну из серьезных проблем для народа Таджикистана – угрозу его существования. В связи с этим остро встала необходимость борьбы за сохранение и развитие своего национального сознания, единства и укрепления своей государственной независимости. Вполне естественно, что одним из наиболее эффективных инструментов в реализации этих стратегических целей в сложной политико-экономической и социальной ситуации явились СМИ и отечественная публицистика, которые в новых условиях взяли на себя роль проводника демократических ценностей, став механизмом реализации и утверждения национальной идеи и самосознания таджикского народа.

Ослабление тоталитарного государственного контроля в информационном пространстве стало благоприятной почвой в деле формирования СМИ «как самостоятельного общественно-политического института, влияющего на деятельность органов государственной власти и управления» [119, с.3]. В начале 90-х годов, когда произошло мощное и активное включение независимых изданий и печатных органов различных партий и движений в процесс освещения трансформации общества, в демократизацию социума, появилась когорта журналистов-новаторов, которая внесла значительный вклад в разви-

тие страны и формирование новых направлений в области отечественной журналистики, в особенности публицистики.

На сегодняшний день изучение особенностей развития и становления отечественной публицистики приобретает особую значимость. Значимость эта проявляется ещё отчетливей, если учесть, что в формировании в таджикском обществе ценностных ориентаций далеко не последнюю роль сыграл русский язык, явившийся единым и традиционным стандартом общения между разноязычными народами на пространстве Советского Союза. Несмотря на то, что политическая и экономическая нестабильность и гражданская война послужили причиной массового оттока многих профессиональных русскоязычных журналистов – элиты таджикских СМИ, русский язык не потерял своих позиций, смог адаптироваться в новых социально-политических условиях. Именно посредством русского языка видные отечественные публицисты в начале 90-х годов предложили взглянуть на многие социально-значимые проблемы жизни общества и духовное состояние своих современников совершенно с других позиций, сделав их объектом своего анализа и художественного отображения.

Публицистические произведения данного периода характеризуются широтой тематики, многообразием жанров и ярко выраженной индивидуальностью восприятия действительности. Однако многие публицистические произведения, которые в начале 90-х годов прошлого века издавались на страницах русскоязычных печатных СМИ, вследствие тяжелого экономического положения, затруднявшего издание газет и журналов, не были представлены широкой читательской аудитории и поэтому в настоящее время не исследованы должным образом. В этой связи изучение закономерностей и особенностей развития русскоязычной сферы отечественной публицистики, а также определение ее роли, места и значения в формировании современной таджикской журналистики заслуживает особого внимания. Более того, изучение опыта и наследия отечественных русскоязычных публицистов ценно тем, что пик развития художественно-публицистического направления деятельно-

сти печатных СМИ совпал с периодом гражданской войны и тяжелого экономического положения в стране, когда «вооруженные противостояния приобрели региональный и порой этнический характер, что усугубило ситуацию политического кризиса» [119, с.4]. Актуальность и обоснованность темы также состоят в том, что нами предпринята попытка определения предмета и особенностей таджикской публицистики. Все вышеперечисленное свидетельствует о непреложной серьезности и многоаспектности рассматриваемого вопроса.

Степень научной разработанности проблемы. С точки зрения теоретических постулатов и наработок публицистика, как особый вид творчества, изучена, достаточна широко и представлена в самых различных аспектах. В то же время, российские и отечественные исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, точно и четко, определяющему предмет и природу публицистики. Все это указывает на чрезвычайную сложность и многоаспектность рассматриваемого явления: «Не очень-то ясно, - отмечает Ю. О. Суровцев, - что же оно такое: публицистика и что же оно такое: публицистичность» [171, с.209].

Таким образом, по причине отсутствия общепринятого, унифицированного понятийного аппарата, значительно усложняется проблема определения границ предмета исследования и критериев его выделения.

В рамках науки о СМИ произошло становление таких направлений исследования, которые связаны с формированием различных аспектов публицистики, например, проблемы формирования нового общественного сознания в таджикской публицистике, выявления роли публицистики в достижении и укреплении суверенитета Республики Таджикистан, рассмотрения гуманистических идей в современной таджикской публицистике и т.д.

В то же время множество теоретических постулатов, применяемых для современного концептуального обоснования сущности публицистики, не дают исчерпывающего, целостного и объективного представления о природе данного жанра. Современное научное сообщество акцентирует внимание на

множестве второстепенных явлениях в русле публицистики, в то время как она, безусловно, являет собой разноаспектный феномен, не имеющий жестко очерченных границ предметного поля, и потенциально может подразумевать широкий спектр явлений действительности. Поэтому на сегодняшний день в целом отсутствуют комплексные научные работы, в которых были бы представлены и систематизированы результаты изучения особенностей и специфики русскоязычной сферы отечественной публицистики.

Основанная Ахмадом Донишем, таджикским просветителем второй половины XIX, и получившая дальнейшее развитие в творчестве С. Айни, таджикская публицистика прошла достаточно долгий, по своей временной протяженности, путь становления и развития. Ее элементы современные отечественные ученые журналистской науки выявляют в проповедях средневековых суфиев, X-XII вв., в поэзии и прозе Фирдоуси, Носира Хусрава, Низомумулька, Саади, Убайда Зокини и других представителей классической персидско-таджикской литературы. Кроме того следует выделить деятельность выдающихся исламских факихов-правоведов, которые провели большую работу, направленную на внедрение исламских правовых норм классической эпохи в постоянно преобразующуюся систему общественных отношений. Значительный пласт отечественных работ по теории публицистики был наработан в период существования Советского Союза, когда публицистику общепризнанно воспринимали в качестве одного из периферийных жанров художественной литературы. Научным рассмотрением проблемного поля публицистики занимались в основном литературоведы, в частности С.Табаров, Л.Н.Демидчик, М.Шукуров, А.Маниязов, А.Сайфуллоев, Дж.Бакозаде и другие. Так, А.Маниязов в монографии «Публицистика и поэзия устода Айни» затрагивает проблемы, относительно специфики публицистической прозы и поэзии основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни. Следует отметить, что журналистика в Таджикистане была изначально тесно связана с литературой. И та, и другая обеспечивали политически нейтральным и цензурно допустимым содержанием больш-

шинство газет и журналов. При этом политическая жизнь как самостоятельный общественный институт в советском Таджикистане отсутствовала. Поэтому публицистика шла окольным путем, замыкаясь в более утонченной и опосредствованной сфере – литературных направлениях.

Теоретические и практические проблемы отечественной публицистики стали серьезно изучаться в конце 80-х годов XX века. Особенно этот процесс оживился в период упразднения тоталитарного государственного контроля над информационной деятельностью, что обуславливало поступательный процесс становления средств массовой информации как самостоятельного общественно - политического института, и вместе с тем предопределило необходимость поиска новых концептуальных подходов в определении природы публицистики. Следует подчеркнуть, что в этот период наблюдается заметный количественный и качественный рост самой публицистики по сравнению с предыдущими десятилетиями.

Примечательно, что в 90-х годах прошлого века отечественная журналистская наука обогатилась увидевшими свет работами И.Усмонова «Взгляд на сатиру Убайда Зокони», «Теория публицистики», «История таджикской печати» и «Журналистика». Не менее важный вклад в изучение проблем таджикской журналистики и публицистики внесли исследования А.Саъдуллоева «Особенности литературы», «Цвета жизни» и «Горизонты публицистики». В этих монографических работах были рассмотрены теоретические и практические аспекты отечественной публицистики, а также затронуты вопросы истории и теории публицистических жанров, проблемы документальной прозы и ее соотношение с художественной и публицистической литературой. На современном этапе становлению школы исследования теории и истории таджикской публицистики способствовала новая плеяда талантливых ученых республики, чьи работы существенно расширили представление как о теории публицистики в целом, так и о специфических особенностях, тенденциях развития отечественной публицистики в частности. К числу этих исследователей относятся труды П.Гулмуродзаде («Просвети-

тельство и новая мировая система»), М.Муродова («Из истории становления и развития публицистической сатиры в таджикской периодической печати»), Н.Бозорова («Значение факта в публицистике»), М.Касымовой («Публицистичность таджикской литературы периода Великой Отечественной войны»), А.Азимова («Публицистика и современность» и «Таджикская советская публицистика»), Ш.Б.Муллоева («Проблемы жанрово-тематических особенностей таджикской публицистики времен ВОВ 1941-1945 гг.»), М.А.Абдуллаева («Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике»). Особый интерес в контексте нашего диссертационного исследования представляют работы авторов, которые затронули вопрос о роли таджикской публицистики в период достижения суверенитета республики, изучили и проанализировали публицистические произведения отечественных писателей-прозаиков, политических и общественных деятелей, представителей журналистского сообщества, интеллигенции периода 90-х годов прошлого века. В их число вошли диссертационные исследования таких авторов, как Н.Н.Салихов («Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета»), Г.М.Бобомуродова («Роль и место Отахона Латифи в развитии таджикской современной журналистики (50-90 г. XX века)»), М.С.Назарова («Национальная и общечеловеческая тематика в поэзии Лоика Шерали»), Т.Г.Хасанов («Печатные СМИ о миротворческом процессе в Таджикистане»), М.М.Султонов («Периодическая печать постсоветского Таджикистана: формирование и основные тенденции развития»), И.В.Лекаркин («Народная газета» в системе периодической печати Таджикистана»), И.Х.Хужаназарова («Тенденции развития русскоязычных СМИ Таджикистана в условиях государственной независимости») и др.

Указанные работы представляют интерес также в плане характеристики роли и места русскоязычной отечественной публицистики периода гражданской войны. Вместе с тем, данный аспект еще не являлся предметом отдельного монографического исследования.

На сегодняшний день в целом отсутствуют научные изыскания, предлагающие объективный скрупулезный анализ событий и явлений начального периода государственного суверенитета Республики Таджикистан, времени гражданского противостояния, отобразившие авторскую интерпретацию в публицистических произведениях на страницах русскоязычных печатных СМИ. Учитывая данное обстоятельство, нами предпринята попытка изучить и проанализировать отечественную публицистику периода становления государственной независимости на страницах русскоязычных печатных изданий, акцентировать внимание на тематике, содержании, характеристике жанров, способах и стиля описания событий, отражения проблемы человека и общества в публицистических произведениях 90-х годов.

Цель и задачи исследования. Поскольку основным приоритетом данного исследования является изучение характерных особенностей развития русскоязычной таджикской публицистики периода гражданской войны, нами разработан и определен круг следующих задач:

- сформулировать отличительные особенности и специфику жанра публицистики в контексте достижения национального, языкового и государственного суверенитета Республики Таджикистан;
- определить особенности развития русскоязычной журналистики в период независимости Республики Таджикистан;
- исследовать особенности отражения событий и перипетий гражданской войны в публицистических жанрах русскоязычных изданий;
- проследить процесс отражения новых тенденций в публицистических произведениях ведущих русскоязычных таджикских публицистов;
- проанализировать жанрово-тематические особенности публицистических материалов русскоязычной печатной прессы периода гражданской войны.

Источниками и материалами исследования поставленных в диссертации задач и проблем служили главным образом публицистические сочине-

ния, изданные в период 90-х годов в русскоязычных газетах и журналах: «Памир», «Народная газета», «Бизнес и политика», «Вечерний Душанбе».

Методологическая основа исследования представлена методом системного анализа, структурно-функциональным методом, ретроспективно-историческим и теоретическим анализами, а также сравнительно-историческим анализом публицистических произведений. В ходе проводимого исследования автор диссертации аргументирован принципами литературно-художественного анализа, выработанными в трудах известных ученых Таджикистана и России, накопленным ими опытом научных изысканий по вопросам современной журналистики и публицистики. В первую очередь, к их числу относятся А.В.Абрамович, В.А.Алексеев, В.М.Горохов, Х.Асозода, Е.Журбина, В.И.Здровега, В.Я.Канторович, М.Н.Ким, С.Г.Корконосенко, Л.Е.Кройчик, Г.В.Лазутина, И.Г.Милевич, Ш.Б.Муллоев, А.Н.Нуралиев, М.А.Абдуллозода, Д.М.Садуллаева, М.Б.Муродова, Е.П.Прохоров, Г.Поспелов, Н.Н.Салихов, А.Садуллаев, Г.Я.Солганик, О.В.Соболевская, Л.Тимофеев, М.Г.Федотова, В.Н.Фоминых, Е.С.Щелкунова, М.С.Черепанов, В.В.Ученова, И.К.Усмонов, Я.Э.Эльсберг. Работы перечисленных ученых в области, имеющей самое непосредственное отношение к нашей теме, достаточно широко известны.

Научная новизна исследования. Автором впервые предпринята попытка исследовать, всесторонне изучить основные направления, специфику, жанрово-тематические и идейные особенности публицистических материалов русскоязычных СМИ периода гражданской войны в Республике Таджикистан, а также проделана работа по систематизации и обобщению теоретических выводов, отечественных исследователей в постсоветский период и в годы независимости. Важно подчеркнуть, что эти теоретические работы представляют безусловную ценность на современном этапе развития науки.

В настоящей диссертации впервые в теории таджикской журналистики не только ставится вопрос о неопределимой роли русскоязычной публицистики в формировании культурных ориентаций таджикского народа периода ста-

новления государственного суверенитета, но и осуществляется углубленный литературный, эстетически-художественный, историко-типологический анализ целостных и специфических особенностей публицистических материалов отечественных русскоязычных печатных изданий советского времени и периода независимости.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты позволяют обозначить социально-политические и культурные условия, при которых развивалась отечественная русскоязычная публицистика, аргументировать её теоретические жанрово-стилистические основы, выявить тематические и идейно-художественные особенности, раскрыть процесс трансформации таджикской русскоязычной публицистики в самостоятельное направление.

Практическая значимость исследования заключается в том, что основные её положения и выводы могут быть использованы в следующих направлениях:

1. В перспективном плане, подразумевающим дальнейшее изучение истории таджикской публицистики.

2. В более углубленном научном изучении особенностей жанровой природы, стилистических характеристик, тематического русла и идейно-художественных черт русскоязычных публицистических произведений таджикских авторов.

3. В сфере образования и педагогики – при создании новых учебников и вузовских пособий, которые могут быть использованы в циклах по изучению истории и теории таджикской журналистики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Публицистика представляет собой одно из многогранных, сложных и неоднозначных явлений современного гуманитарного знания, отражающее проблемы соотношения интересов человека и общества, личности и власти; проблемы общественной морали, нравственных ценностей, этических приоритетов.

2. Зарождение, становление и развитие русскоязычной публицистики Таджикистана тесно взаимосвязано с процессом, исторически предопределившим основополагающую роль русского языка в формировании ценностных ориентиров в таджикском обществе, его места в развитии духовной жизни и влияния на творчество выдающихся таджикских публицистов XX века.

3. Основные черты русскоязычного сегмента таджикской публицистики: творческое мышление журналистов, движение от конкретных социальных фактов к социологическим обобщениям. Своеобразие публицистики периода 90-х гг. определялось необходимостью объективного отражения жизни общества, исторического взгляда на современность, выявления круга социально значимых проблем и общественной психологии, а также трансляции нравственных критериев и личностного отношения автора, как участника и свидетеля, жившего в унисон с веянием того времени.

4. Публицистическое творчество на страницах русскоязычных изданий сыграли заметную роль в становлении и развитии новой гражданской мысли в начале XXI века. Освоение методики критического восприятия действительности позволило русскоязычным публицистам обозначить и исследовать как общественно-значимые проблемы, так и стоящие за ними константы национальной культуры. Для журналистов русскоязычных изданий такими константами в отражении социальной действительности стали мысли о простом человеке.

5. Условия большой востребованности жанров информационной оперативной журналистики, в которых издаются современные печатные издания, существенным образом влияют на контент русскоязычных газет, что обуславливает кризис традиционных жанров публицистики: очерка, памфлета, фельетона. Другими словами, несмотря на востребованность публицистики, свойственную в переходные моменты истории, на современном этапе русскоязычный сегмент отечественной публицистики представляет собой наиболее редкую, практически исчезнувшую категорию журналистского творчества.

Основные положения по теме диссертации нашли отражение в ряде публикаций на страницах ведущих научных изданий, реферируемых ВАК РФ:

1. Сущность и истоки русскоязычной публицистики Таджикистана // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2017. – №1(57). –С.232-237.

2. Социальная действительность в зеркале русскоязычной публицистики Республики Таджикистан в первые годы суверенитета // Вестник Таджикского национального университета. –Душанбе: Сино, 2017. – №4/1. –С.303-305.

3. Особенности сатирических жанров на страницах русскоязычных печатных изданий периода гражданской войны (1992-1997 гг.) // Вестник Таджикского национального университета. –Душанбе: Сино, 2018. – №1. – С.257-262.

4. Факторы формирования русскоязычного сегмента таджикской публицистики начала 90-х гг. // Вестник педагогического университета. –Душанбе: 2018. – № 4(76). –С.215-219.

Хронологические рамки исследования в основном ограничены творчеством отечественных русскоязычных журналистов и публицистов последнего десятилетия XX века (1992-1997 гг.) то есть периода государственного суверенитета, сопровождаемого кардинальными трансформациями, как структурной, так и идейно-тематической направленности публицистических произведений.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедр печатных СМИ и PR, отечественной и международной журналистики, телевидения и радиовещания Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет».

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и научной литературы. Содержание работы изложено на 165 страницах.

ГЛАВА I. ИСТОКИ И СПЕЦИФИКА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИ- КИСТАНА

Несмотря на то, что история и отдельные аспекты становления и развития таджикской журналистики и публицистики освещены во многих работах отечественных исследователей и историков, данная тема по-прежнему с существенными проблемами, которые затрудняют определение дефиниции публицистики, ее объекта и предмета, а также классификацию значений данного жанра журналистского и научного творчества. Не меньшую озабоченность вызывает отсутствие четких научных представлений о закономерностях и особенностях развития русскоязычной области отечественной публицистики, ее специфики, исторических этапах формирования, о ее роли и значении в процессе становления журналистики эпохи суверенитета республики, в том числе и в период гражданского противостояния в стране.

Однако рассмотрение данных вопросов предопределяет необходимость структурированного подхода, продиктованного логикой последовательности научного анализа и исследования. Исходя из этого, мы считаем, что в целях расширения представлений о таджикской публицистике следует исходить из первоочередности задачи исследования, то есть попытки теоретического осмысления проблемы публицистики, которая видится нам как «сложное, многоликое, поныне до конца неразгаданное явление культуры» [92, с. 4]. Значимость изучения уникальности русскоязычной публицистики в рамках теоретико-методологической модели названного периода продиктована тем, что в обобщении и систематизации накопленного научного материала видится наиболее наилучший путь решения ключевой задачи данного исследования.

1.1. Публицистика как особый вид творчества.

Прежде чем перейти к многоплановому изучению объекта исследования, необходимо согласиться со следующим фактом, что в современных концепциях публицистики имеется значительный пласт теоретических оснований, который, невзирая на широту и многоаспектность, не представлена целостная и обоснованная формулировка основных элементов природы публицистики и публицистичности. Как правило, ученые в большей степени акцентируют своё внимание на жанрово-тематических аспектах и явлениях публицистики, в то время как публицистика, по мнению российского исследователя П.П.Каминского, «представляет собой многоаспектный феномен, не имеет строго определенного предмета и может потенциально охватывать все явления действительности» [130, с. 99].

Бесспорно одно – публицистика выступает как одно из фундаментальных понятий в области гуманитарных знания, призванное воссоздать и отобразить многоплановость конфигураций социальной деятельности индивидуума. В течение нескольких десятилетий прошлого столетия, особенно на стыке исторических эпох, предопределивших судьбы постсоветских республик, исследователи неоднократно писали о публицистике как о сложном культурном явлении, которое еще не осознало себя как «единый и особый мир творчества» [67, с.5]. Большой пласт многожанрового материала, как правило ассоциируемого с публицистикой (публичная речь, газетная статья, короткий рассказ, фельетон, эпитафия, афоризм, эссе, письма в редакцию и даже мемуарные произведения), и их научное апробирование, на основе впечатляющих результатов научных исследований, свидетельствуют о том, что для теоретиков журналистики публицистика, как и раньше, является сложно разрешаемой проблемой со множеством противоречивых аспектов, предметом дискуссий и полемик, по той причине, что до сих пор всесторонне не рассмотрены и не выявлены все ее особенности. Вместе с тем ученое сообщество признает, что до сих пор «не выработано понимание публицистично-

сти и представление о соотношении этих понятий» [144, с.209]. Все это указывает на чрезвычайную сложность и многоаспектность рассматриваемого явления.

Стержневым моментом в упомянутой проблеме является тот факт, что отсутствует однозначное терминологически корректное определение термина «публицистика». Этот момент затруднителен сам по себе, поскольку при наличии таких теоретических аспектов, как типология определения самого понятия «публицистика», публицистика – жанр, род или вид литературы, публицистика, как журналистика, публицистика рупор политика, публицистика и современность, спецификация стержневого корня представляется весьма сложным. Важно очертить четкие, а не размытые границы, так как научному осмыслению поддается только конечное, только то, что обретает конкретные формы. Помимо этого, всякое явление поддается осмыслению при условии, «если все его многообразные проявления свести в определенную систему, установив их иерархию и закономерные связи между ними» [138, с.57]. Следовательно, при отсутствии общепризнанного, унифицированного понятийного аппарата установление границ предмета исследования и критериев его выделения становится исключительно важной актуальной проблемой, решению которой научному сообществу, безусловно, следует обратить пристальное внимание. Если рассмотреть типологию определений понятия «публицистика», опираясь на уже имеющиеся в словарях терминологические нормы, то символично можно рассортировать на несколько видов. Так, в «Словарях русского языка» С.И.Ожегова, Д.Н.Ушакова, С.А.Иванникова публицистика рассматривается как:

- «литература по общественно-политическим вопросам современности» [57, с.506];

- «вид литературы, посвященный злободневным общественно-политическим вопросам современности» [93, с.873];

- как «общественно-политическая литература на современные актуальные темы» [35, с. 813].

Из чего следует, что основными структурно-смысловыми компонентами данных определений являются понятия «общественный», «политический», «современный».

Соотнесение понятий «публицистика» и «журналистика», «публицистика» и «литература» также можно представить в нескольких видах, а именно, как:

- «особый вид литературных произведений» [9, с.1234];
- «вид литературы, посвященный обсуждению насущных социальных вопросов» [77, с.435];
- «область литературы, имеющая своим предметом актуальные общественно-политические вопросы» [49, с.355];
- «специфический род литературы, рассматривающий актуальные проблемы жизни и деятельности общества, его культуру, политику, философию, экономику и др.» [190].

Помимо всего прочего следует принять во внимание и частое упрощение понятия «публицистика», как «облегченной» формы литературы. Е.И.Журбина по этому поводу пишет: «Мы до сих пор слышим пренебрежительное «публицистика!» в тех случаях, когда хотят указать на отсутствие художественности, в то время как на самом деле художественность и публицистичность – не взаимоисключающие стихии» [29, с.302]. Однако принципы соотношения указанных понятий – одна из самых сложных проблем. Вслед за А.Л.Семеновым следует согласиться с очевидностью того факта, что «нельзя отождествлять публицистику (вид журналистской деятельности) с литературой (вид художественного творчества)» [141,с.71], но при этом необходимо принимать во внимание их несомненную близость.

В настоящее время, на наш взгляд, определились объективные причины важности переосмысления существующих формулировок литературы и журналистики, с учетом того факта, что в авторитетных толковых словарях не наблюдается комментирования поступательного процесса сотворения произведений такого типа. Хотя в свое время Е.П.Прохоров в одной из своих работ

привел пять значений журналистики, - «все они есть результат, в них нет первопричины появления журналистики» [66, с.16-17]. Нам представляется, что сегодня для рассмотрения соотношений вышеперечисленных значений и сфер с понятием «публицистика» необходимо обратиться к мнениям известных специалистов. Однако перед этим хотелось бы отметить, что довольно обширная научная литература по проблемам теории публицистики является продуктом советской эпохи, когда публицистика воспринималась, в первую очередь, как идеологическое оружие коммунистического режима. Подчеркивая эту особенность публицистики советского периода ряд известных современных исследователей как, И.Д.Фомичева, Е.П.Прохоров, Г.Першка, Г.В.Лазутина и другие, отмечают, что «это серьезно дискредитировало само понятие публицистики в журналистской науке на постсоветском пространстве, когда теория публицистики практически не разрабатывалась» [58, с 48]. В качестве аргументации приведем цитату из учебного пособия по источниковедению, в котором советской публицистике, включая публицистику периода перестройки, посвящена отдельная глава. В ней говорится: «В целом же публицистика советской эпохи оставила такой невыразительный материал, что данное обстоятельство не позволило даже выделить публицистику как вид источника в учебниках по источниковедению, поскольку в условиях идеологических ограничений нельзя было исследовать ни публицистику различных партий времен революции, ни тем более такое явление недавнего прошлого, как самиздат» [37, с.614].

Однако, со своей авторской позиции считаем необходимым отметить, что все же в теоретико-методологическом аспекте, результаты, полученные в течении советского периода, представляют огромную ценность для современной науки. Этот тезис можно подкрепить тем очевидным фактом, что основной объем теоретических концепций имеет в своей основе базис, закрепляющий за публицистикой право говорить о ней как об особом предмете изображения, чем признается общественная и политическая жизнь.

Авторитетные исследователи, такие как Е.Прохоров, М.Черепанов, В.Ученова, А.Тертычный склоняются к мнению, что публицистику необходимо рассматривать в контексте и литературы, и журналистики [90, с.32].

М.Скуленко считает, что публицистика «освещает вопросы политики и общественной жизни» [76, с.15-16].

Индивидуальное видение сущности публицистики озвучивает и В.И.Здоровега: «...публицистика и в широком, и в узком значении слова как вид общественно-политической деятельности и как совокупность определенного рода произведений, распространяемых преимущественно прессой, радио и телевидением...» [34, с.20]. Следует отметить, что с момента появления публицистики российские исследователи особое внимание уделяли феномену публицистики. Одним из ведущих исследователей российских исследователей Е.П.Прохоров, длительное время работавший над осознанием феномена публицистики как особого вида творчества, в одном из своих трудов пишет: «Понимание публицистики как особой творческой формы – специфического типа творчества – получает четкую определенность именно от ее задач по выражению и формированию общественного мнения. Идея строго детерминированной (при всей свободе творчества, возможности и необходимости бесконечных исканий и находок в сфере взаимодействия с общественным мнением) соотнесенности публицистики с контрагентом – общественным мнением – кажется чрезвычайно важной, поскольку позволяет многое понять» [67, с. 25].

Однако для данных определений характерна строгая категоричность. Следует признать, что сферой интереса публициста далеко не всегда является политика. По сути не существует такого тематического русла, который бы был исключительно публицистическим, – можно говорить об публицистическом исполнении исследуемой проблемы. Разумеется, некоторые социально значимые проблемы более востребованы для этой цели, другие востребованы в меньшей степени, в связи с этим определенные темы принято называть публицистическими. Но, следует согласиться с тем, что в сущности, значи-

мое и актуальное сочинение, можно написать и опираясь на злободневные вопросы в областях экологии, проблемы семьи, образования и воспитания и т.д. Вот почему можно согласиться с мнением А.Н.Тепляшина которая, давая свое определение понятию публицистика, считает, что публицистика есть своего рода «средство познания действительности» некая особая форма которая может вобрать в себя любые темы, отобразить различные события и явления [84, с.115-120]. По ее мнению, публицистика «осуществляет нравственный контроль за поведением членов общества, состоянием их жизненных позиций» [84, с.117].

Также мы считаем, что следует согласиться и с А.Тертычным, который склонен полагать, что «публицистика является интеллектуальной деятельностью, предмет которой – объективная реальность», а ее основной задачей является «социальное ориентирование читателей и формирование образа жизни» [85, с.115-120]. На наш взгляд, это вполне соответствует действительности. И конечно, мы солидарны с мнением довольно известного исследователя в области журналистики и публицистики. Кроме того, в настоящее время на фоне изменения общественных отношений, публицистика как вид творчества превратилась в интеллектуальную деятельность индивида. Здесь для подтверждения наших умозаключений обратимся к мнению классиков русской литературы в лице А.И.Герцена. Он в частности, размышляя о предмете исследования, уместно говорить: «слова публициста беспокоят, тревожат, будят... становятся силой, мощью и двигают иногда целыми поколениями» [17, с.120]. А также для нашего исследования представляются весомым и интересным само определения сути и предмета публицистики со стороны российских ученых.

Интересным представляются определения публицистики, представленные Г.Солганником, Л.Е.Кройчик и А.Е.Богоявленским [82, 201, 126, 152; 131, 13].

В наш изменчивый век современные исследователи публицистики прибегают к разным дефинициям в определении публицистики начала XXI в.

Так, В.И. Антонова подчеркивает, что «в современной публицистике все чаще проявляются несвойственные для классических жанров маргинальные формы» [108, с.12]. Для более устойчивого подтверждения наших мнений считаем уместным высказывания И.Милевича, который рассуждая о природе публицистики, считает ее «современной системой порождения мифов, которые отражают систему различных концептов, актуальных для общества, автор же выполняет «сервильную функцию» [53, с.49].

В настоящее время с учетом развития техники и технологий И.Дзялошинский справедливо указывает на то, что современная «публицистика приобрела насмешливо-негативный характер» [184]. Но, следует отметить, что мы не разделяем такую точку зрения, так как предметом публицистики являются реальные люди, и реальные истории. Кроме того, по его мнению, наряду с формами традиционной образности «публицистика активно использует некие универсальные контекстуальные образы-тезисы, содержание которых постоянно обогащается все новыми оттенками и зависит от того, в какой связи они употребляются» [184]. Не менее дискуссионным в научных кругах по-прежнему остается вопрос о принадлежности публицистики к роду и жанру. Так, в широко известной «Энциклопедии» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, а также в «Большой Российской энциклопедии» А.М.Прохорова предлагается трактовка, согласно которой публицистика отождествляется, во-первых, с «родом произведений, посвященных актуальным вопросам и явлениям, содержащих фактические данные о различных ее сторонах, оценки социального, с точки зрения идеала автора» [13, с.543] и, во-вторых, с «родом произведений, посвященных актуальным вопросам и явлениям текущей жизни общества и содержащих фактические данные о различных ее сторонах» [65, с.342]. Сходной точки зрения следуют А.Б.Есина и Л.В.Чернец в «Кратких словарях литературных терминов» [26, с.247; 101, с.212]. Л.В. Тимофеев, С В Тураев утверждают, что «публицистика (от лат. *publicus* – общественный) – жанр литературных произведений, стоящий на стыке собственно художественной литературы и научной прозы» [88, с.334].

На наш взгляд, это достаточно спорное положение, и ему не следует придавать доминирующую значимость. В данном высказывании авторы подразумевают определенную разновидность как литературы, так и журналистики. Мы склоняемся к мнению, что публицистику необходимо считать родовым понятием и в этом вопросе разделяем точку зрения современных российских ученых С.Г.Корконосенко и А.А.Юркова, рассматривающих публицистику как « отражение мира социальной реальности и творческого «Я» журналиста» [41, с.121; 105, с.102].

Отдельного рассмотрения заслуживает позиция В.Н.Фоминых. В научной статье, в которой исследователь попытался представить объективную трактовку термина «публицистика» и разъяснить его значение, выделены три его значения:

- 1) «образец журналистского мастерства»;
- 2) публицистика – это произведения, где отчетливо выявлена авторская мысль;
- 3) публицистика как особый, обладающий специфическими внутренними закономерностями род творчества [98, с. 68-69].

Однако точку зрения данного автора, который склоняется к мнению, что публицистику следует понимать исключительно как образец журналистского мастерства, трудно оценить в силу его неопределенности, поскольку под мастерством журналиста понимается многое. Тема может быть не публицистической, а журналистской, автор с позиции своего индивидуального видения может написать не публицистическое, а журналистское произведение, но в этом случае это будет не публицистика, а журналистика.

Весьма близок с мнением В.Н.Фоминых другой исследователь – В.М.Горохов, который также склоняется к мысли, что публицистику необходимо рассматривать как высший род журналистики. Правда, его точка зрения более аргументирована и объективна, поскольку признаками публицистики, по сравнению с информационной журналистикой, он считает ярко выражен-

ное авторское начало, концептуализм, масштабность выводов и обобщений, истолкования проблем жизни обществ [18, с. 23].э

Важно отметить, что многие теоретики публицистики, в том числе М.С.Черепанов, в своих научных работах понимают журналистику как систему средств массовой информации и область существования публицистики [100, с. 52].

Поскольку мы затронули вопрос о пересечении публицистики и журналистики, следует обратиться еще к ряду мнений известных теоретиков, для которых эти две сферы взаимоотнождественны. Так, Л.Е.Кройчик в работе под названием «Основы теории публицистики» предлагает следующее определение: «Публицистика – особый вид творческой деятельности, сориентированный на максимальное воздействие на аудиторию с помощью СМИ» [43, с.133].

Примечательной особенностью позиции данного исследователя, на наш взгляд, является то, что он акцентирует внимание на той роли, которую играет аудитория в коммуникативном процессе. Такой подход позволяет говорить о публицистике как об особом виде творчества, который материализуется в корпусе специфических текстов в разнообразных жанровых формах.

Подавляющая часть научного сообщества в качестве рабочего термина оперируют понятием «журналистика», подразумевая всю совокупность творческих процессов. Исходя из этого, публицистика понимается как составная часть журналистского творчества.

Очевидно, что подобная трактовка на первый взгляд кажется несколько субъективной, однако рассматривая современную практику СМК и СМИ заставляет задуматься над тем, что публицистический текст выполняет те функции, которые ранее относили также и к журналистскому. Можно определенно утверждать: представление о публицистическом тексте как о тексте, отличающемся специфическими приемами реализации авторской позиции, особым слогом, развернутой аргументацией, устарело [120, с.5]. Если затронуть вопрос о социальной деятельности и соотнести его с публицистикой,

используя последнюю в качестве объектива, то мы неизменно столкнемся с необходимостью в первую очередь дать определения целей социальной деятельности, ее объекта и предмета.

В данном контексте будет уместно предположение, что приоритетом публицистической деятельности как одного из способов социального постижения мира является создание общественного мнения, стремление к гармонизации жизни человека в социуме, соотнесение его поведенческих моделей и системы ценностей с общепризнанными, традиционными нормами культуры и нравственностями, «а потому в публицистической деятельности, - подчеркивает А.В.Полонский, - реализуется социально-нормативный (социально-кодифицированный) взгляд на происходящее, выражающийся, как правило, в категорической социальной оценке» [138, с.57]. В общепринятых научных концепциях существует согласованное положение, что объектом чаще всего выступают процесс или явление, которые порождают проблемную ситуацию, находящуюся в поле зрения исследователя. С данной точки зрения рассмотрение объекта публицистики позволяет нам заключить, что в большинстве своем за созданием спорной ситуации стоит конкретная личность, являющаяся, по определению А.В.Полонского, «не только субъектом социальных отношений и социального творчества, так как человек есть мера всех вещей, как утверждали античные философы» [138, с.58]. В процессе освоения собственной среды обитания, как социальной, так и внесоциальной, при наделении ее понятийными символами, индивидуум формирует особое, антропоцентрическое пространство. «Все, что только и может сделать человек, - как справедливо утверждает автор энциклопедии по культурологии XX в. С.Я.Левит, - это создать (в языке, религии, искусстве, науке) свой собственный универсум - «символическую вселенную», которая открывает перед ним возможность понимать и истолковывать, упорядочивать, синтезировать и обобщать человеческий опыт, а также обретать индивидуальность через приобщение к космосу культуры» [45, с.223]. В этой связи уместно привести глубокую мысль французского философа П.Рикера, утверждавшего, что объ-

ектом гуманитарных наук всегда является «то существо, которое, находясь внутри языка, окруженное языком, представляет себя, говоря на этом языке» [71, с.134].

Мы считаем, что, человек со всеми атрибутами социально обусловленного разумного существа является главным объектом публицистики. Его также следует рассматривать в качестве «субъекта социальных отношений и социальной деятельности, во всем многообразии его отношений к природе, обществу, самому себе и к актуальному времени» [138, с.58].

Говоря о предмете публицистики, следует отметить, опираясь на мнение исследователей, что «теория публицистики не выработала определения ее предмета», при этом некоторые ученые, в частности, М.С.Черепухов, обращают внимание на то, что генеральной особенностью предмета публицистики является «политическое постижение действительности, осуществляемое в агитационно-пропагандистских целях и имеющее своим конечным следствием воздействие на организацию социального поведения масс» [100, с.20].

С точки зрения Ю. Суровцева, предмет публицистики чрезвычайно многообразен и не сводится «ни к «политике», ни к «экономике», ни к «быту», ни к сфере «морали» [144, с. 17].

«Предмет публицистики – реальность во всем многообразии. Но в силу риторических истоков в публицистике генетически, а позднее и исторически, формируются предметные зоны предпочтений: идеология, политика, общественная деятельность и т. д» [130, с.100].

Опираясь на теоретические наработки и постулаты, мы склонны определить предмет публицистики в несколько ином ракурсе. Если под предметом следует понимать «внешний аспект объекта» [144, с.49], то предметом публицистики как одной из форм культуры – «мира человеческой деятельности» [39, с.14] – соответственно должны быть элементы, наделенные определенным смыслом, другими словами, это тот или иной факт, приобретший социальную значимость и общепризнанность, попросту – социальный факт.

Таким образом, напрашивается очевидный и бесспорный вывод, логическая обоснованность которого подкреплена твердыми аргументами, что предметом публицистики является факт, как «проявление одной из сторон окружающей нас объективной реальности» [77, с. 519]. В своей совокупности социальные факты формируют эмпирическую базу публицистики, без которой она не может состояться. По справедливому замечанию Е.П. Прохорова, «без устойчивой базы фактов публицистика невозможна» [67, с.275].

По нашему глубокому убеждению публицистика может развиваться в той среде, где с опорой на достоверный факт зарождается социально значимая мысль, выверенная как логикой, так и чувством. В свою очередь публицистическое познание факта – это его социальное открытие, интерпретация в системе социальных ценностей. Так, например, если ученый-астрофизик в процессе исследования ядерных реакций внутри Солнца предложит точное знание о составе элементов этих реакций, а поэт сравнит красоту девушки с обликом мистических небожителей, то публицист, вероятнее всего, обратится к проблеме возникновения озоновых дыр в результате халатной деятельности человека и попытается определить пути ее решения. Социальный факт как общественно значимое событие обнаруживает типичное явление, которое интерпретируется публицистом в определенной ценностной системе – системе социально значимых концепций и идей, ценностных парадигм идеологии.

Идеология как совокупность мировоззренческих основополагающих концепций, характерных для определенной социальной группы с учетом политического и общественного строя не может быть беспристрастной, поэтому и беспристрастность публициста эфемерна. «Публицист всегда выражает свою точку зрения, хотя степень и способ ее экспликации, безусловно, могут быть различными» [138, с.58].

Иными словами, публицистика – далеко не однородное, узколинейное понятие. Сущность публицистики также подразумевает и избрание темы, и процесс создания произведения, и написанные сочинения (тексты), и социальный резонанс публицистического материала. К выбору темы относятся ее

предварительное продумывание и изучение, поиск и обработка первоначальных фактов, так называемый предварительный пилотаж. Серьёзным вопросом является придание тексту качеств публицистического сочинения: привлекательности, динамичности, остроты. Е.С.Щелкунова в работе «Публицистический текст в системе массовой коммуникации» даёт наиболее полное определение этого вида текста: «Публицистический текст – связанный знаковый комплекс, сориентированный на взаимодействие автора и массовой аудитории для обмена актуальной социальной информацией, представлениями, мнениями и максимально актуализирующий потенциал текстовой динамики» [102, с.116]. Важна и публицистическая отделка работы: «включение особо выразительных мыслей, усиление нужных мест, избрание более действенных методов изложения, подбор наиболее точных слов, внимательная работа над языком и стилем» [135, с.106]. Публицистика использует те же методы исследования, что и наука, для нее также важны выводы, доказательства (разумеется, своеобразные), термины и понятия. Самое главное из доставшегося ей от искусства – это образ. Отсюда следует основная специфическая черта публицистического текста – его синкретизм, то есть использование одновременно в их нерасчленимом единстве как научных, рационально-понятийных, так и художественных, эмоционально-образных средств [68, с.246].

Осложняет понимание природы и сущности публицистики, препятствуя унифицированию понятийного аппарата, и наличие такого явления как писательская публицистика. По мнению некоторых исследователей, в частности, П.П.Каминского, это «переходное явление, в котором соединяются публицистическое и художественное мышление» [130, с.99]. Как и публицистика в целом, писательская публицистика – чрезвычайно многообразное явление: «Писатель может выступать в мире масс-медиа не обязательно как публицист-художник, а как аналитик-журналист, и это вовсе не унижает его авторского достоинства» [144, с.211].

Для писательской публицистики характерной особенностью является выражение прямого слова автора, творческий тип, предшествующий художественному или следующий за ним как авторский комментарий эстетики художественных текстов, выражение позиции по самым разным вопросам действительности. Кроме того, данный вид публицистики может иметь черты рассказа (фабульное повествование, яркая изобразительность), или аналитической статьи. При этом на нее может воздействовать особенности метатекста канала и типа СМИ, где автор выступает в роли публициста (расчетная аудитория, функциональная направленность, жанровые модели, тематика и проблематика, позиция, периодичность, метрический объем, потенциально допустимый объем публикации и другие типологические характеристики издания). Разнообразными могут быть писательские публицистические выступления, помещенные в общественно-политическом издании, литературно-художественном журнале, и высказывания на радио или телевидении.

Для упорядочения и систематизации значений публицистики и внесения ясности в толкование данного термина считаем необходимым подойти к данному вопросу с позиций функции и структуры понятия, которые являются наиболее характерными категориями для его научного осмысления и которые более полноценно представляют его сущность. Функция (лат. *function* – совершение, исполнение) – деятельность, роль объекта в рамках некоторой системы, которой он принадлежит; вид связи между объектами, когда изменение одного из них влечет изменение другого, при этом второй объект также называется функцией первого [187]. В различных отраслях знания применяются, как правило, оба понятия функции. Особую роль понятие функции приобретает в рамках системного подхода, где оно выступает в тесной связи с понятием структуры, примером может послужить структурно-функциональный анализ в социологии» [10, с.890].

Как известно, в условиях формирования и становления информационного общества роль публицистики возрастает, поскольку публицист приобретает доминирующую роль в медийном пространстве «как субъект высказыва-

ния, стоящий у истоков информационных потоков, как генератор идей, как своеобразный социальный контролер и организатор, участвующий в формировании общественных отношений, как инициатор самостоятельной творческой деятельности аудитории, как катализатор развития общественного самосознания» [140, с.53].

Опираясь на эту аксиому, современные исследователи Т.Б.Самарская и Е.Г.Мартиросьян предложили рассмотреть следующие функции публицистики:

- 1) коммуникативную – передача информации;
- 2) познавательную (эвристическую) – расширение представлений о мире;
- 3) аксиологическую – оценочную;
- 4) творчески-созидательную (приглашение к сотворчеству) – создание модели мира;
- 5) воспитательную – формирование, формулирование и выражение общественного мнения;
- 6) эстетическую – создание образа реальной действительности;
- 7) побудительную – побуждение к действию (при этом под действием подразумевается не только ролевая функция, но и возникновение переживаний) [140, с.53].

В контексте функциональной направленности публицистики особого внимания, на наш взгляд внимания работа А.В.Полонского «Публицистика как особый вид творческой деятельности», в которой ученый предлагает выделить следующие функции публицистики:

- 1) когнитивную, которая опирается на социальную практику человека;
- 2) коммуникативно-информационную – связующее начало в обмене информацией о насущных проблемах общества, явлениях, требующих осмысления;

3) социально-преобразующую – гармонизация жизни человека в обществе путем формирования социального сознания и стиля жизни, приемлемых в условиях современного, многополюсного общества;

4) социально-просветительскую – формирование определенных социальных знаний об окружающем мире;

5) социально -персуазивную – убеждение в правомерности и логичной обоснованности точки зрения публициста;

6) идеологическую – формирование системы идей и взглядов, исповедуемых той или иной социальной группой, с которой он себя соотносит;

7) эстетическую – создание образа реальной действительности;

8) языкотворческую – создание новых речевых образцов, утверждение их применения в обществе [138, с.59-60].

Структура – общий, относительно устойчивый, изменяющийся в пространстве и времени способ связи внутренних связей и отношений системы. Он определяет функциональную деятельность системы, линию ее поведения, характер взаимодействия и многие другие ее особенности. Понятие структуры отражает форму расположения элементов и характер взаимодействия их сторон и свойств. Структура есть не что иное, как результат движения элементов системы, итог их организации, упорядочение, и в этом значении она выступает как закон связи элементов. Именно связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура – таковы отличительные признаки любой системы [10, с.805]. Со своей стороны заметим, что вне этих категорий нет научных представлений – «любое понятие состоит из функции и структуры, того и другого вместе» [135, с.106]. По мнению Т.Ж.Машариповой, с позиции функциональной направленности и структурной организованности публицистики можно выделить четыре основных ее значения:

- выбор соответствующей темы и процесс создания публицистического произведения, придания ему заостренности (функция с отдельными элементами структуры, т. е. частями произведения);

- тип творчества (функция, переходящая в структуру);

- тексты (структура, отражающая частные функции);
- социальный институт (структура, содержащая глобальную функцию публицистики – ее влияние на другие общественные институты: политику, право, экономику, мораль, здравоохранение, образование, спорт и др.) [135, с.106].

Проявление публицистики в контексте функциональной значимости подразумевает создание произведения с одновременным приданием ему публицистического характера, насыщение сочинения публицистическими качествами, превращающееся в определенную структуру (слова и предложения). Процесс творчества (функция), переходящий в его определенный тип (устоявшуюся структуру), также трансформирует функциональное содержание в структурное.

Особого рассмотрения, на наш взгляд, требует четвертое значение публицистики как социального института. Строго говоря, социальный институт – это устойчивый способ организации жизни людей. Как известно, любое общество делится на социальные институты: политики, обороны, образования, спорта, здравоохранения, семьи, государства и т. д. При этом институты подразделяются на структурные (министерства, комитеты) и ценностные (традиции, обычаи). Характерной особенностью институтов является то, что они могут содержать и то, и другое.

Очевидно, что с позиции функционального проявления и структурного единства публицистика проявляет себя в тесных взаимосвязях и взаимодействиях с другими институтами общества: права, экономики, экологии, правительства и т.д. «Нет такого элемента структуры общества, о котором нельзя было бы писать публицистическое произведение, за исключением предусмотренных законом (государственная и коммерческая тайна, частная жизнь граждан)» [135, с.111].

Ощутимое влияние публицистов как представителей социального института при освещении ими жизни общества, общественных групп и лично-

стей обеспечивается совокупностью правовых и этических норм, мастерством и иными параметрами творческой деятельности.

При этом социальный институт выполняет следующие основные функции:

- 1) создает возможность членам этого института удовлетворять свои потребности и интересы;
- 2) регулирует действия членов общества в рамках социальных отношений;
- 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни;
- 4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов;
- 5) осуществляет социальный контроль [10, с. 993].

Специфика публицистики как социального института ведет к тому, что ведущей среди них для нее является функция общественного контроля. Именно в массовом тексте реализуется главным образом функция четвертой власти, то есть СМИ. Давление общественного мнения на личности, на общественных деятелей и руководящие круги есть ведущее проявление масс-медиа.

Что касается теоретических аспектов таджикской публицистики и принципов ее исследования, то в отечественных научных кругах их разработка имела свою специфику. Так, на основе изучения научных исследований в Таджикистане советского периода можно прийти к выводу, что проблемы публицистики в основном были в центре внимания ученых историков и исследователей истории и теории таджикской литературы. Среди них наибольший вклад в осмысление природы публицистики внесли такие известные ученые, как Ю.Бобоев, А.Маниязов, Х.Мирзозаде, А.Сайфуллаев, Р.Мусулмонкулов, С.Табаров, М.Шукуров. Однако следует констатировать, что в их работах публицистика рассматривалась исключительно как жанр художественной литературы. В сказанном можно убедиться рассмотрев огромное количество материалов, опубликованных на протяжении достаточно дли-

тельного времени в общественно-литературном журнале «Садои шарк» («Голос Востока»), в котором существовала рубрика под названием «Очерк и публицистика». Произведения публицистики рассматривались наравне с художественными критериями, и их теоретические осмысления опирались на основы литературоведения. С появлением в 60-70-х годах XX века поколения исследователей нового мышления, как П.Гулмурод-зода, А.Саъдуллоев, И.Усмонов, А.Нуралиев, проблемы истории и теории таджикской журналистики и публицистики стали рассматриваться совершенно под другим углом зрения с ориентацией на принципах глубокого теоретического анализа.

Так, в результате фундаментального исследования профессора И.Усмонова появилась книга «Теория публицистики», в которой автор предпринял попытку комплексного изучения вопросов теории таджикской публицистики, классификации жанров с учетом современных реалий.

Другой таджикский исследователь А.Саъдуллоев, опираясь на творчество ведущих советских русских и таджикских писателей, издал книгу «Хосияти адабиёт» («Особенности литературы»), в которой глубоко проанализировал различные взгляды на природу публицистики, разработав собственные теоретические концепции в этой области.

Позже в научные круги Таджикистана влилась новая плеяда исследователей журналистики и публицистики: А.Азимов, М.Абдуллаев, М.Абдуллозода, Н.Бозоров, М.Касымов, Ш.Муллоев, М.Муродов, Н.Салихов, Д.Садуллаев, С.Ходжазод и др., которые, несомненно, внесли свой весомый вклад в изучение различных аспектов журналистики, в том числе вопросов истории и теории публицистики.

В числе исследователей, нацеленных на всестороннее изучение теоретических проблем таджикской публицистики, особо внимания заслуживают новаторские исследования А.Азимова, М.Абдуллаева, П.Гулмурод-заде, Ш.Муллоева, М.Муродова, Н.Салихова. Так, если П.Гулмурод-заде исследовал публицистическую деятельность таджикских просветителей, то в исследовании А.Азимова всестороннему анализу была подвергнута история та-

джикской журналистики 1929-1970 гг., а также были рассмотрены и выявлены некоторые отличительные грани и особенности публицистики этого периода. Научные изыскания другого таджикского ученого М.Муродова посвящены изучению истории формирования и развития таджикской сатирической публицистики в республиканской периодической печати. Монографическое исследование Ш.Б.Муллоева – «Проблемы жанрово-тематических особенностей таджикской публицистики времен Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» отличается новой постановкой проблемы литературной публицистики в контексте журналистики и в основном выявлению особенностей таджикской публицистики конкретного периода. В монографии Ш.Б.Муллоева подробно описаны роль и место публицистики в пропаганде идей патриотизма в годы ВОВ, а также автором научно проанализированы материалы периодических печатных публикаций, изданных в данный исторический отрезок времени. А также, в работе названного исследователя определяется необходимость всестороннего изучения литературно- журналистского процесса военных лет. Художественно-публицистические произведения писателей, журналистов отражает их художественные принципы, способны выявить их мировоззренческие установки, понимание значения публицистики в годы борьбы с фашизмом. Отмеченное выше углубляет представления о творческой работе писателей, журналистов в период ВОВ. Научное исследование названного автора существенно расширяет представления о жанрово-тематических особенностях публицистики военных лет, многообразии форм работы известных таджикских публицистов и писателей и журналистов.

Благодаря научным изысканиям и теоретическим разработкам отечественных ученых были значительно расширены представления научных концепций относительно жанра и природы публицистики. Оставаясь по-прежнему многоаспектным феноменом, отечественная публицистика, выйдя за рамки теории литературоведения, в современных реалиях была призвана активно способствовать теоретическому и практическому обогащению обще-

ства, способствующему развитию национального самосознания и самопознания в условиях образования обновленного государства.

В итоге накопленного опыта научного осмысления публицистики, ее различных аспектов и сущности, можно с уверенностью утверждать, что любое исследование публицистики на современном этапе должно отображать:

- многообразия предмета и объекта публицистики;
- особенности воздействия публицистики на аудиторию через СМИ;
- функциональную направленность публицистических текстов;
- инструментарий публицистики как механизм формирования общественного сознания;
- своеобразия создаваемого контента, опирающегося на принципы научности и художественности.

В целом, в работах отечественных ученых в области журналистики публицистика отождествляется с особым видом творческой словесной деятельности, направленной на решение насущных социальных проблем с целью гармонизации жизни человека в обществе. Кроме того, многочисленные исследования публицистики на сегодняшний день убедительно доказывают, что публицистика находится в одном ряду с журналистикой, художественной литературой и наукой, закономерно, как что-то заимствуя у них, так и что-то отдавая.

1.2. Ретроспектива формирования и совершенствования русскоязычной публицистики Таджикистана

Исследуя историю возникновения и становления такого сложного и уникального вопроса отечественной журналистики, как русскоязычная публицистика, необходимо рассмотреть исторические предпосылки, социальные и культурные факторы, способствовавшие зарождению публицистики на раннем этапе формирования и развития отечественной периодической печати. её роли в формировании общественного мнения, взглядов, интересов и стремлений населения Таджикистана. Поэтому прежде чем перейти непосредственно к предмету нашего исследования, проследим поступательно-последовательный процесс, исторически предопределивший общественно-политическую ситуацию начала 90-х гг. прошлого века в нашей республике, а также этапы развития русскоязычного сегмента публицистики. Изучение истоков русскоязычной публицистики Таджикистана обосновывается необходимостью выявления не только предпосылок становления отечественной публицистики как особого вида творческой деятельности, посредством которого в судьбоносные, кризисные периоды истории творческая элита содействовала активизации духовного потенциала народа, но и выявления роли русского языка в формировании ценностных ориентиров в таджикском обществе, его места в развитии духовной жизни и влияния на творчество выдающихся таджикских публицистов XX века. Тот факт, что в объективе нашего исследования находится хронология, охватывающая более чем вековой период истории развития отечественной журналистики, неслучаен. Ретроспективный анализ позволяет определить значимость творческого, созидательного участия первых русскоязычных журналистов на территории Таджикистана в становлении отечественной публицистики как вида общественно-политической, творческой информационной деятельности, способной консолидировать общество на реальные социальные действия в созидательных целях в переломные, кризисные периоды истории. Таких периодов, как известно, было несколько: Октябрьская революция 1917 года, гражданская войны,

социалистическое строительство, Великая Отечественная война и период принятия суверенитета. Русскоязычная журналистика, сосредоточившая в себе лучший интеллектуальный потенциал страны, смогла выразить посредством публицистических произведений глобальные сдвиги в духовных и социокультурных процессах, переживаемых обществом в эти судьбоносные периоды. Однако в целях осознания и объяснения истоков и специфических проявлений русскоязычной публицистики необходимо проследить, как и в каких исторических реалиях, она зарождалась.

Сближение с русским языком и его носителями произошло в переломный момент истории народов Средней Азии, когда Российская империя, «создавая и распространяя религиозную, этическую, духовную среду православия, впитывала и перерабатывала культуру присоединяемых земель» [12, с.44].

Действительно, русский язык и русская культура сыграли важную роль в формировании таджикской журналистики, в воспитании первого поколения молодых талантливых публицистов, внесших впоследствии свой неоценимый вклад в зарождении современных печатных СМИ Таджикистана» [124, с.12].

Отмечая важную роль присоединения Средней Азии к России, ученый А.М.Аминов подчеркивает, что «это положительно сказалось на экономической, политической и духовной жизни среднеазиатских народов и имело прогрессивное значение для их будущего» [4, с.67].

В течение долгого времени в научной сфере доминировала устойчивая мифологема, согласно которой процесс становления русскоязычной прессы на территории Таджикистана и русификация Средней Азии начали осуществляться только с установлением советской власти. Вместе с тем, достаточно долгое время в современных научных кругах как российских, так и отечественных исследователей существовало мнение, что, что процесс формирования и становления русскоязычных печатных изданий относится к более раннему историческому периоду, когда произошло присоединение боль-

шей части Средней Азии к Российской империи и было создано на этой территории туркестанское генерал-губернаторство (1868г).

В качестве подтверждения этой мысли можно привести высказывание М.Е.Шишковой из рецензии на книгу Е.А.Глущенко «Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования»: «В постсоветскую же эпоху отсутствие необходимости у национальных историков бывших среднеазиатских республик придерживаться концепций, навязанных идеологическим диктатом КПСС, привело к попыткам по-иному взглянуть на историю своих стран» [147, с.113].

По-нашему твердому убеждению, ничто не появляется на пустом месте и сразу, в том числе такие социальные институты, как журналистика или публицистика. Возникновение и развитие периодической печати в Туркестане, происходившее в контексте территориальных приобретений Российской империи в Средней Азии в конце XIX века, было закономерным явлением, обусловленным требованием экономических, социальных и политических изменений в крае. Создание в Туркестане официальных печатных изданий преследовало цель сформировать общественное мнение в интересах правительства Российской империи и внедрить государственную идеологию. В дальнейшем с появлением частной печати газеты служили целям структурирования общественного мнения, обслуживания экономических потребностей, а также ретрансляции сведений об ином, неизведанном для европейцев мире восточного быта, культуры и традиций.

На рубеже XIX – XX вв. распространению знаний о Туркестане, стремлению отразить процесс присоединения народов Средней Азии к России как благородное, гуманистическое действие, с целью приобщения их к мировой цивилизации во многом содействовала публицистика русских исследователей: краеведов, исламоведов, путешественников, многие из которых являлись чиновниками и служащими колониальной администрации. На основе изучения творческого наследия дореволюционных исследователей можно говорить о том, что наравне с зарождением периодической печати в Туркестане проис-

ходил процесс формирования феномена русскоязычной публицистики Таджикистана и как творческого метода отражения действительности, и как социального института. Рассматривая этот сложный и судьбоносный для народов Средней Азии процесс, и учитывая то, что многие краеведы, востоковеды и исследователи, писавшие очерки, путевые заметки, дневниковые записи, посвященные Туркестану, не являлись представителями коренного населения, а были выходцами из России, уместно задаться вопросом об истоках самой русской публицистики, которая на волне культурно-идеологического воздействия способствовала формированию собственно таджикской журналистики и публицистики в период существования Туркестанского генерал-губернаторства.

Истоки публицистика как особого, уникального русского культурного явления восходят к «Слову о законе и благодати» Иллариона (XI в.), проповедям Кирилла Туровского (XII в.), обличительным произведениям Максима Грека (XVI в.), ярким публицистическим произведениям Ивана Пересветова (XVI в.), переписке публицистического характера Ивана IV и Андрея Курбского. В XVIII в. Высокое гражданственное звучание научных трудов и поэзии М.В.Ломоносова обусловили их просветительское и патриотическое значение; антикрепостническая направленность отличала публицистические произведения Н.И.Новикова, А.Н.Радищева. Русская общественная мысль и культура XIX в. развивались под воздействием публицистики, в которой отображалась борьба различных общественных течений. Передовая публицистика, выражая интересы народных масс, сама испытывала влияние их стремлений и чаяний. По существу к XIX в. публицистика стала неотъемлемым спутником передовой русской интеллигенции. Как отмечает А.Л.Дмитровский, «литературно-публицистическая деятельность (чтобы выработать новую, максимально общую и приемлемую для всего общества Идею-Цель) и стала «специфически сословным» интеллигентским трудом (как у крестьянина – выращивание продуктов питания, а у рабочего – производство промышленных товаров)» [128, с.119].

Сам термин «интеллигенция» был предложен и введен в оборот писателем П.Д.Боборыкиным в 60-х годах XIX века и, несмотря на то, что имел латинскую основу, именно из русского языка перешел во все остальные языки мира [9, с.311] (наряду со словами «публицистика», «правда» и «соборность»).

Если же говорить о русской интеллигенции как «классе», «сословии», «прослойке», то следует признать тот факт, что она начала складываться с начала XIX века и уже в 40-х годах XIX века вышла на историческую арену общественной борьбы в России наряду с дворянскими революционерами. По замечанию А.Л.Дмитровского, « в порождении такой силы проявилась особенность развития русского общества, его отличие от других стран (и цивилизаций)» [23, с.115]. Отмечая эту тенденцию, Максим Горький писал: «... являлись люди с гордой, самонадеянной силой, они шли вперед своим путем, не спотыкаясь о развалины прошлого, – а свой путь в ту пору мог быть лишь один – к народу, к массе крестьянской, значит, прежде всего – против крепостного права... В переходные эпохи всегда особенно ярки два типа людей – одни полностью воплощают в себе все отмирающее, все отжитое ... другой тип живет исключительно стремлением к будущему, совершенно чужд старине и враждебен ей – это для нас Белинский, Добролюбов, Чернышевский» [19, с.153].

Разумеется, мало, кто был способен охватить своей индивидуальной мыслью всю проблематику современного ему исторического бытия. Поэтому выработка нового подхода к отражению действительности через призму литературного творчества «как бы распадалась на решение частных, более «мелких» вопросов «интеллектуального труда» – в науке, культуре, социальном устройстве, политике и т.д.» [128, с. 120].

К концу XIX века по мере роста территориальных приобретений Российской империи одним из таких вопросов стало освещение социально-экономической, политической и культурной жизни Туркестана. Однако первоочередным являлось выяснение положительных факторов, сложившихся в

процессе ассимиляции среднеазиатских народов в русский мир Империи Романовых. Знаменитый российский ученый географ, этнограф и историк М.И.Венюков, отмечая позитивные изменения, происшедшие в Туркестане после присоединения этого края к Российской империи, одним из важнейших прогрессивных результатов считал повсеместное распространение здесь европейской науки. Он подчеркивал, что «только включение данного региона в состав России дало возможность беспрепятственно изучать Среднюю Азию, что до этого науке было недоступно [149, с.71]. М.И.Венюков в своих работах справедливо отметил большую заслугу таких русских ученых, как С.М.Бутаков, В.В.Григорьев, Л.Ф.Костенко, А.Л.Кун, Н.А.Маев и многих других, которых «к чести России мы можем считать даже не единицами, а десятками; здание, ими заложенное и отчасти выведенное, будет самым прочным из всех, которые нами созданы на среднеазиатской почве» [15, с.161-162].

Одним из важных источников для изучения вклада русских ученых в изучение социально-экономической, политической и культурной жизни, а также истории и этнографии Средней Азии, является периодическая печать Туркестана. Как известно, первой газетой края была газета «Туркестанские ведомости», которая выходила с 28 апреля 1870 г. до 15 декабря 1917 г. Несмотря на то что газета являлась печатным органом колониальной администрации и ее деятельность была направлена на внедрение государственной идеологии путем распространения официальной информации, она, по справедливому замечанию Н.А.Икромова, «сплотила вокруг себя местную интеллигенцию и пробудила интерес к изучению края в географическом, историческом и статистическом отношениях» [113, с.16]. Согласно своей редакционной политике и приоритетам деятельности, газета подразделялась на два отдела: официальный и неофициальный, причем в последней имелись такие рубрики, как «Внутренние известия», «Зарубежные известия», «Местная хроника», «По краю», «Фельетон», «С.- Петербург», «Письмо в редакцию».

В неофициальном разделе «Туркестанские ведомости» публиковала достаточно серьезные научные статьи, охватывающие широкое тематическое русло, которые играли роль важного источника освещения социально-экономической, политической и культурной жизни Туркестана. Газета являлась трибуной исследователей и специалистов, авторами же публикаций в начале её деятельности были в основном офицеры и чиновники различного профиля, которые публиковали материалы, тесно связанные с их непосредственными обязанностями. Но среди авторов статей нередко были также учителя, медики, агрономы, инженеры, которые занимали административные должности. Достаточно сказать, что только за 1870-1895 гг. в деятельности газеты «Туркестанские ведомости» участвовали 308 человек различных специальностей.

Это была категория людей, которую мы вслед за Н.А.Икромовым справедливо относим к русской интеллигенции. В свою очередь ее представители осознавали важность публичного внимания массовой аудитории к рассматриваемым проблемам или явлениям. На основе архивных документов, служащих важным источником изучения истории периодической печати Туркестана, можно утверждать, что основная задача русской публицистики местного значения (то есть охватывавшей вопросы жизнедеятельности Туркестанского генерал-губернаторства) заключалась в обширном и насыщенном отображении социальной действительности соответствующими способами для того, чтобы массовая аудитория имела представление о недостатках и возможностях реорганизациях общественной среды посредством идей произведения.

Одним из этих недостатков на тот момент являлось, к примеру, поверхностное представление о Туркестане. Под влиянием публикаций, выходивших на страницах российской прессы после присоединения Средней Азии к России, «формировался устойчивый стереотип о социально-политической неразвитости азиатских обществ, превращающий их завоевание более развитыми европейскими государствами во благо» [127, с.4]. Этот стереотип воз-

никал из представлений «... о полудиких ханах, слепых орудиях в руках дровишей; о занимающейся грабежами полуголодной армии; о трудолюбивых простых подданных, воспринимавшихся собственным правительством как стадо баранов, которых можно стричь, живущих в постоянном страхе за свою жизнь и собственность и видящих свое спасение лишь в чужеземном завоевании» [14, с.48].

Отсутствие четких научно обоснованных представлений о крае побуждало русских путешественников, востоковедов, историков к исследованию Туркестана, результаты которого находили отражение в различного рода дневниках, путевых заметках и очерках, содержащих огромный документальный материал. Их анализ позволяет констатировать, что в деле сбора важных сведений, правдивой информации исследователями применялись такие методы журналистики, как наблюдение, опрос, беседа, анализ документальных материалов и др. С целью получения обобщенных выводов и характеристик ученые также пользовались методами социально-исторического исследования и художественного творчества. Все это в совокупности приводило к созданию произведений, характеризующих и освещающих события и явления, также процессов текущей истории, с художественно-образным воссозданием картин жизни, портретов современников, характеров и судеб участников событий. Исследователи, таким образом, сочетали качества публициста с чертами ученого и художника.

Действительно, если рассматривать путешествие не просто как странствие по какой-либо малоизвестной территории, но и как произведение, повествующее о реально осуществленном путешествии, без всякого вымысла о всем увиденном в процессе такого путешествия в чужом краю, то оно по своей природной сущности располагается на стыке искусства и науки: в нем достаточно гармонично совмещается то, что, казалось бы, находится на диаметрально противоположных плоскостях: документы, цифры, статистика и мир образов, включающий в себя все его элементы: портрет, пейзаж, интерьер, а главное, самого автора как неперенный элемент, способствующий

формированию структурной целостности любого текста в жанре путешествия.

Особо следует отметить немаловажное обстоятельство, когда определенная часть исследователей рассматривают путешествие как жанр публицистики. Один из таких ученых, Н.Маслова достаточно категорично подразделяет путешествия на «реальные» и «фантастические» (вымышленные), подвергая анализу исключительно «реальные», то есть основанные на документах путешествия, всецело относя их к публицистике в узком смысле. Что касается путешествий из категории «фантастических», то есть вымышленных, то сам факт путешествия играет роль литературного приема. К числу жанровых особенностей путешествия Н.Маслова относит «создание целостной картины отображаемой социальной действительности, многосторонность ее описания и активную роль автора-путешественника, очевидца как действующего лица описываемых событий, субъективность авторского подхода» [51, с.72].

Традиция, сложившаяся в советской литературоведческой школе, которая нашла отражение в трудах таких ученых, занимавшихся жанровыми особенностями путешествия, как В.Михельсон, В.Канторович, Д.Молдавский, Б.Костелянец, не была предрасположена рассматривать путешествие в качестве отдельного, самостоятельного жанра, касаясь его лишь как разновидности очерка. Исследователь Н.Маслова дискутирует со своими коллегами, полагая, что путешествие следует рассматривать как самостоятельный жанр. Оставаясь последовательной в своей точке зрения по данному вопросу, она рассматривает путешествие исключительно как жанр публицистики. Предложенное ею деление путешествий исключительно на документально-публицистические и беллетристические, вымышленные, как нам кажется, сужает границы жанра.

Предметно-тематические, функциональные, жанровые, а также особенности методов изложения другой формы повествования – дневника, посредством которого русские исследователи отображали действительность, также

указывают на тесную связь с публицистикой. Одной из разновидностей жанра дневника являются путевые заметки или путевые дневники, ежедневное фиксирование происшествий того или иного путешествия. Путевые дневники – это слияние жанров дневника, поскольку в путевом дневнике также часто очень много личного, субъективного, а не объективного восприятия событий и жанра путешествия [189].

Тематическая направленность материалов охватывала множество русел. Достаточно сказать, что на страницах «Туркестанских ведомостей», а также газет, которые во множестве появились в начале XX в., освещались вопросы общей географии края, метеорологии и сейсмологии, флоры и фауны, истории и археологии, народонаселения и этнографии, особенностей народного хозяйства, торговли и финансов, путей сообщения края. К примеру, одним из ранних сообщений об истории и археологии Северного Таджикистана можно считать статью Д.М.Граменицкого «Заметка о древних урочищах Туркестанского края», опубликованную в газете «Туркестанские ведомости» в 1879 г. Данная работа по существу является путевой заметкой, в которой автор отразил свои наблюдения во время поездки в горах между Ангреном и Сырдарьей [132].

Большое публицистическое наследие в виде очерков и заметок о Туркестане оставил Н.А.Маев, занимавший должность редактора «Туркестанских ведомостей» в 1870-1892 гг. Помимо воинского чина штабс-капитана пехоты, он был известен и как выдающийся географ и этнограф, уделявший пристальное внимание изучению края, особенностей быта и нравов местного населения. За время своей журналистской и исследовательской деятельности из-под пера Н.А.Маева вышли такие произведения публицистической направленности, как «Очерки горных бекств Бухарского ханства» (1878 г.), «Очерки Гиссарского края» (1876 г.), «Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства» (1877 г.), «Долина Сурхана» (1879 г.) и др.

Интересные материалы к истории и культуре населения Северного Таджикистана можно найти в работах русского генерала, военного публициста

и писателя, востоковеда Д.Н.Логофета. О его вкладе в изучение истории и этнографии Таджикистана можно судить по данным, содержащимся в историческом очерке «Шугнан, Вахан и Рушан и славянские племена в Бухаре» (1897 г.), а также в «Очерке среднеазиатской пограничной жизни» (1901 г.).

С «Туркестанскими ведомостями» сотрудничал Н.П.Остроумов – молодой специалист, выпускник Казанской духовной академии, как подающий большие надежды, допущенный к чтению лекций в ее стенах, который в то же время работал и в местных духовной и учительской семинариях. В учительской семинарии он преподавал историю и географию. Однако его публицистика носила преимущественно богословский и миссионерский характер.

Активное сотрудничество в конце XIX русских авторов, с «Туркестанскими ведомостями», послужила основой научных исследований политических, экономических и культурных связей народов региона с Россией и другими странами Европы и Азии. Именно этим фактом можно объяснить то, что в начале XX века в русскоязычной периодике края наблюдается волна публицистических материалов разного направления, начиная с острых критических статей до метких суждений, направленных в адрес отдельных представителей колониальной администрации в Туркестане.

Как отмечает А.Л.Дмитровский, «хотя в трактовке общественно-политических вопросов писатели и журналисты не могли выходить за пределы правительственного либерализма, разрешение обсуждать в печати эти вопросы положительно сказалось на состоянии журналистики» [128, с.122].

Развитие периодической печати в Туркестане, деятельность русских исследователей, находившая отражение на страницах местных изданий, оказывала существенное влияние на формирование национальной культурной элиты, которая, находясь под впечатлением русской культурной жизни, пробудилась, выдвинув из своих недр авангард просветителей, таких, как Закирджан Фуркат, Исхакхан Ибрат, Махмудходжа Бехбуди, Мирмухсин Шермухамедов. Все они в качестве авторов статей и заметок сотрудничали с «Туркестанской туземной газетой», которая являлась русским изданием на языке

коренных национальностей края. Также огромную культурно-идеологическое влияние оказала Россия на Ахмада Дониша, государственная деятельность которого совмещалась с науками, литературой, поэзией, просветительством, философией, а также публицистикой.

На рубеже XIX- XX вв. распространению либерально-демократических и революционных идей в Туркестане во многом содействовала национально-буржуазная пресса, а также легальные и нелегальные издания различных партий, в том числе и большевиков. Так, в 1905 г. на промышленных предприятиях и в железнодорожных мастерских Туркестана среди рабочих распространялась газета «Пролетарий», издававшаяся в Женеве с мая по ноябрь 1905 г. Вышло всего 26 номеров. Ответственным редактором был В.И.Ленин. Газета широко пропагандировала материалы III съезда партии, на ее страницах напечатано свыше 400 корреспонденций из более 100 городов и населенных пунктов, в том числе Туркестанского края [186].

Следует отметить, что созданная В.Л.Лениным и партией большевистская печать стала школой партийной публицистики, выдающимися представителями которой были В.В.Боровский, А.В.Луначарский, И.И.Скворцов-Степанов, И.В.Сталин, М.С.Ольминский, С.Г.Шаумян, Е.М.Ярославский и др. Их работы, публикуемые преимущественно на страницах нелегальных газет, оказывали существенное воздействие на духовную жизнь Туркестана, стимулируя развитие национальной публицистики края. Публицистическая деятельность русских марксистов характеризовалась ориентированностью на коммунистические идеалы, приверженности научного осмысления, злободневной актуальностью, непримиримостью к оппонентам, четкостью, незамысловатостью и живостью смысловых образов, яркой образностью. По мнению современных исследователей, это творчество представляло собой «совершенный образец наступательной большевистской публицистики» [9, с.534].

Взгляды В. И. Ленина на роль публицистики имели свою трактовку. В-первых, он рассматривал соотношения политики и публицистики, во- вто-

рых, содержание любого публичного высказывания опиралось на учение о классовости и партийности. В статье «Партийная организация и партийная литература», опубликованной на страницах газеты «Новая жизнь», В.И.Ленин призывал литераторов и публицистов придерживаться принципа коммунистической партийности, осознавать ответственность за судьбу общественного развития. Возводя в ранг высшего приоритета новоиспеченные форматы публичного литературного творчества, выдвигая концепции политической ориентированности на нужды народа в содержании публикаций, Ленин писал: «...Для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или группы, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела... Литературное дело должно стать частью обще пролетарского дела...» [48, с.99].

В целом, характеризуя дореволюционный период становления русскоязычной публицистики в Таджикистане, можно отметить, что в процессе интеграции Туркестана в политическую и экономическую структуру Российской империи, сближению национальных культур русского и таджикского народов, определилась ведущая роль журналистики, в развитии которой уже на раннем этапе отчетливо прослеживалась прогрессивная публицистическая направленность. Хотя отображение и оценка ситуаций современности в произведениях русских авторов протекала в контексте исследовательско-просветительской миссии, их работы – путевые заметки, дневниковые записи, биографические и исторические очерки – носили яркий документальный характер как одна из характерных особенностей публицистики.

Дореволюционный период стал своего рода инкубационным периодом накопления эмпирических знаний о способах отображения и оценки ситуаций современности (в общественно-политической, экономической, культурно-идеологической и др. сферах). Существенную роль в этом процессе сыграла русская интеллигенция, деятельность представителей которой, в том числе и на ниве журналистского творчества, оказала положительное влияние на формирование прогрессивных отечественных публицистов, синтезирую-

щих культуры русского и таджикского народов. Последующие после Октябрьской революции 1917 г. годы ознаменовали новый этап формирования русскоязычной печатной прессы Таджикистана, параллельно с которым проходил процесс становления собственно национальной периодической печати республики.

Следуя директивам, утвержденным В.И.Лениным в «Декрете о печати», большевистская власть в Туркестане в декабре 1917 – марте 1918 гг., приняла ряд важных постановлений о приостановлении деятельности и упразднения буржуазно ориентированных печатных изданий – «Туркестанский вестник», «Туркестанское слово», «Туркестанский курьер» и др. Следует отметить, что мы солидарны с мнением таджикской исследовательницы И.Х.Хужаназаровой, отметившей, что русскоязычная дореволюционная пресса, сыграв важную роль в дальнейшем развитии СМИ Средней Азии, иначе говоря, выполнив историческую миссию, прекратила свою деятельность, уступив место новой печати – советской.

Придавая важное значение вопросу организации печати, как на русском, так и на национальных языках, еще в первые годы установления советской власти в отдаленных окраинах бывшей российской империи В.И.Ленин писал: «Все, что буржуазная культура создала, чтобы обманывать народ и защищать капиталистов, мы отняли у них для того, чтобы удовлетворять политические запросы рабочих и крестьян» [48, с.149-150].

«Власть большевиков, - отмечает М.М.Султонов, - серьезно взялась за издательское дело как за одно из основных средств пропаганды и укрепления своих позиций в отдаленных национальных регионах страны. Все издания, существовавшие к тому моменту в Центральной Азии, были закрыты, и новое правительство взялось за создание новой советской системы печати» [119, с.23].

Уже в марте 1918 года Совет народных комиссаров (СНК) Туркестана принял Декрет «О национализации типографии и литографии в крае», в котором отмечалось, что « все типографии и литографии в Туркестанском крае

объявляются национальной собственностью, и управление ими переходит в руки рабочих организаций» [119, с.126].

Стихийно возникнув буквально по горячим следам Октябрьской революции, самым первым советским печатным изданием в Средней Азии на русском языке стала «Наша газета». Издающаяся в Ташкенте с 8 ноября 1917 по 11 апреля 1919 гг., газета уделяла внимание исключительно партийно-правительственным документам, в которых декларировались цели и задачи Советской власти [89, с.17].

Вслед за «Нашей газетой» последовал целый ряд новых коммунистических газет и журналов на русском языке – «Коммунист», «Женщины Туркестана».

Однако большевистская власть очень быстро осознала, что коренное население Средней Азии нуждается не в стихийно-однодневных газетах и пропагандистских листках, а в национальной периодической печати, которая на всех распространенных в крае языках, в том числе и русском, могла бы всесторонне освещать не только вопросы политики, но и другие, не менее актуальные темы дня.

Следует отметить, что центральные издания, такие как «Правда», особое внимание уделявшие вопросам пропаганды, донесению до сознания трудящихся масс сути новой жизни, оказали существенное влияние на процесс развития русскоязычных изданий в крае.

Значительным подспорьем деятельности сотрудников среднеазиатской советской печати стала помощь агитационно-пропагандистского поезда ВЦИК «Красный восток», развернувший активную работу на территории Туркестана в марте 1920г. Примечательной особенностью этой миссии было создание отделения РОСТА, специализирующегося на выпуске многотиражной газеты «Красный восток» на русском и некоторых местных языках. Материалы данного издания охватывали три основные темы: положение в Советской России, международная жизнь и международное революционное движение, жизнь Советского Туркестана [89, с.23].

Активное содействие кадрам среднеазиатской печати оказали также опытные пролетарские публицисты, члены литературно-газетного кружка Коммунистического университета трудящихся Востока, издававшие журнал «Звезда востока», который выходил на 11-ти языках: татарском, персидском, азербайджанском, турецком, индусском, китайском, грузинском, армянском, осетинском, киргизском и русском.

Несмотря на то что вышеназванные издания позиционировались как русскоязычные и имели сферу распространения практически по всей территории Средней Азии, в том числе охватывая и большую часть современной Республики Таджикистана, они не относились к собственно таджикской периодической печати, потому что ее как таковой в первые годы Советской власти еще не существовало.

По существу не существовало и публицистики в том виде, в каком она была представлена на страницах центральных советских изданий. Это объяснялось тем, что система печати республики только формировалась, местная творческая интеллигенция в основном была представлена национальными писателями и публицистами, среди которых далеко не все в совершенстве владели русским языком настолько, чтобы связывать с ним свою публицистическую деятельность. Тем не менее, русский язык по праву считался проводником передовых прогрессивных идей, русской культуры, духовности и образования, оказывая благотворное влияние на развитие отечественной публицистики. Активная публицистическая деятельность в советской печати А.М.Горького, В.В.Маяковского, Л.С.Сосновского, М.Е.Кольцова, Н.Погодина, А.Колосова, М.Шагиняна, Б.Горбатова, фельетонисты К.Радека, Д.Заславского, А.Зорича, Г.Рыклина и других советских писателей и поэтов способствовала приобщению к публицистике многих представителей творческой интеллигенции республики: М.Турсунзаде, С.Айни, А.Дехоти, М.Миршакар, Р.Джалил, Дж.Икрами, М.Рахими, А.Лахути и многих других.

Крупные общественные и литературные деятели, неоднократно подчеркивали, что «без помощи русского народа невозможно было бы создание

кадров, способных решать проблемы экономического, социального и культурного характера» [177]. Немаловажным фактором популяризации русского языка был приезд в республику значительной массы русскоязычных специалистов различных сфер деятельности, благодаря которым преобразование Таджикистана шло ударными темпами. «Для многих из них республика стала второй Родиной, новым домом» [124, с.27].

Но, пожалуй, наиболее существенным шагом, предопределившим дальнейшую судьбу русскоязычной журналистики в крае, стало создание в 1925 г. русскоязычной газеты «Советский Таджикистан». Одним из приоритетных направлений этого издания стало обеспечение читателя более или менее современной оперативной информацией, « поскольку центральные газеты в республику доходили с очень большим опозданием. Газета была призвана активно участвовать в работе по созданию и укреплению таджикской советской республики» [124, с.28].

Отечественный исследователь П.Гулмурод-зода, характеризуя таджикскую печать 20-х годов прошлого века, отмечает, что на страницах периодики « публиковались статьи о целях и задачах Коммунистической партии и разъяснялись задачи трудовых масс, а с другой стороны – внимание трудящихся привлекалось к важным жизненным проблемам» [111, с.20]. Поэтому основными темами в «Советском Таджикистане» в этот период были противостояние с басмачеством, хозяйственное строительство, ликвидация безграмотности, строительство школ, борьба за раскрепощение женщин в Средней Азии [116, с.19]. Для оказания содействия работе газеты были привлечены ответственные партийные и культурные работники республики Медведев, Толпыго, Бурный, Летавин и др. Однако при этом, как отмечает И.Усмонов, «статьи «Советского Таджикистана» на местные темы были очень малочисленны, притом большинство из них освещало жизнь народа поверхностно» [121, с.8].

Жанровая палитра газеты в первые годы ее существования также не отличалась особым разнообразием, в ней преобладали статьи, заметки, доклады

партийных работников, объявления, рекламные материалы, звучали пропагандистские лозунги из резолюций и сталинских деклараций. Художественно-публицистические жанры (очерк, памфлет, фельетон, эссе и др.) на ее страницах были представлены в крайне незначительном объеме, что не позволяет нам говорить о русскоязычной публицистике Таджикистана в границах того измерения, которым характеризовалось развитие данного жанра в среде передовых советских писателей той эпохи. Этому же мнению придерживается отечественный исследователь И.В.Лекаркин: «В период с 1925 по 1927 гг. жанр очерка в газете был представлен слабо» [116, с.166]. В основном материалы в этом жанре заимствовались из других изданий, как правило всесоюзных, в большинстве своем посвящались В.И.Ленину и Февральской революции. В качестве примера можно привести публикации «Февральская революция» от 15 марта 1927 г. и «Ленин в военно-революционном штабе» от 7 ноября того же года. Редакция нередко публиковала материал, присылаемый читателями, среди которого встречались произведения публицистической направленности – очерки, письма, небольшие рассказы. Кроме того элементы публицистики в качестве выразительных средств и метода отображения действительности проявляли себя в ставшем популярным в конце 20-х гг. жанре зарисовки, «где автор через описание или рассказ о конкретном событии или человеке передавал его значимость» [116, с.165].

Одной из самых ранних зарисовок издания можно считать материал «Свободное время проводим с пользой» от 18 марта 1927 года, повествующий о досуге советских связистов.

В 30-е годы, по мере роста тиража газеты, улучшения материально-технической базы, совершенствования творческих навыков работников печати, русскоязычная публицистика все более отчетливо вырисовывалась на фоне других направлений журналистики. Заметно расширила свои границы и жанровая палитра, в структуре которой, помимо информационных и аналитических жанров, достаточно проявилась и художественно-публицистическая направленность. Так, во второй половине 30-х годов в газете, которая на тот

сменила название на «Коммунист Таджикистана», публиковались очерки исторического содержания, среди которых можно отметить «Записки Комдива» (1935г, 6 апреля), «Конец бухарского ханства» (1937 г, 7 ноября), «Усман из кишлака Янгалык» (1937 г, 26 ноября), «Как я поймал Ибрагим-бека» (1937 г, 1 декабря), «Звеньевой Юсуп Маджидов» (1938 г, 26 октября) и другие.

Развитие в газете «Коммунист Таджикистана» жанра очерка в 30-х годах прошлого века И. В. Лекаркин связывает «как с новым периодом в истории издания, которое, как отмечалось в первой главе, стало издаваться с большей периодичностью и с более качественными публикациями, так и с расцветом жанра очерка в период социалистической реконструкции» [116, с.166].

Кроме того, на наш взгляд, эта тенденция была обусловлена и тем, что «в 1930 г. А.М.Горький обратил внимание на широкое развитие советской очерковой литературы и потребовал внимания к очерковому жанру, к его успеху, к его возможностям в деле познания нового лица Советской Страны...» [31, с.12].

Наибольшее развитие в газете приобрел портретный очерк, героем которого, как правило, становились представители рабочего класса, врачи, учителя, представители интеллигенции. При этом это был «человек со своим духовным миром, характером, которые раскрываются в общественно- значимых действиях, конкретных поступках» [27, с.316].

Доминирующей функцией данного вида очерка явилось раскрытие образа человека и той пользы обществу, которую приносила его трудовая деятельность, хотя имелась и дополнительная социальная функция – наградная, когда, по словам М. Федотовой, «была равноценна помещению его портрета на доску почета, это было награждение славой» [95, с.136].

Одним из способов раскрытия характера героя очерка стало описание эпизода из его рабочей жизни. В качестве примера можно привести портретный очерк «Инспектор Хол Назар», опубликованный на страницах «Коммуниста Таджикистана» 10 апреля 1935 года. Важной особенностью этого очерка было использование детали, которой автор произведения, журналист газете-

ты С.Гремин, умело воспользовался «для создания символического образа, для создания связей, для обрисовок событий и внутренних человеческих проявлений» [72, с.22]. Такой деталью стал посох главного героя, посредством которого автор раскрыл рабочие качества своего героя. Выражаясь словами В. Шкляра, «через выделение каких-то внешних деталей автор, а вслед за ним и читатель, мог заглянуть в мир души человека, в мир его эмоций и чувств» [125, с.44].

Одновременно с портретным очерком значимое место на страницах «Коммуниста Таджикистана» имел и проблемный очерк, в котором композиция, сюжет, детали и авторские отступления служили для отражения той или иной проблемы, имеющей, как правило, общественный интерес. Характеризуя подобную разновидность художественно-публицистического жанра, таджикский исследователь И.В.Лекаркин считает, что она «нередко использовалась журналистами газеты не только для отражения проблем в таких темах, как промышленность, сельское хозяйство, образование, но и для адресной критики» [116, с.171].

В качестве примера классического проблемного очерка можно назвать материал под названием «Простофили из Шахринау» от 8 апреля 1935 года, автор которого описывает проблему местничества и некомпетентности руководящих кадров в колхозе.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на сокращение числа печатных изданий Таджикистана, разновидности очерка в совокупности с жанром фельетона и анекдота получили новый импульс развития. С первых дней войны в «Коммунисте Таджикистана», ставшим своего рода «флагманом» немногочисленных русскоязычных газет республики, систематически публиковались материалы, «в которых посредством яркого патетического стиля говорилось о подвигах советских бойцов и командиров. Жизни фронта и тыла были посвящены рубрики «Боевые эпизоды», «Изучай военное дело», «Наше дело правое», «На фронтах Отечественной войны», «Тыл и фронт едины» и др.» [124, с. 31].

Однако, несмотря на все усилия фронта и тыла, патриотические воззвания писателей и поэтов на страницах советских изданий, Красная Армия отступала, неся большие потери. Причем газеты и радио скрывали от своей аудитории подлинный масштаб беды. Другими словами, война с фашистской Германией и ее сателлитами со всей очевидностью продемонстрировала, что достижение победы невозможно без подъема морально-психологического и патриотического духа народа и армии. От четкой идеологической мотивации войны, определения целей и задач, стоящих перед народом в войне, во многом зависело состояние и настроение войск, готовность всего народа преодолеть невзгоды и лишения.

В этой связи публицистика приобрела исключительно важное значение в духовной жизни общества. Звучание советской публицистики периода Великой Отечественной войны достигало особой мощи, когда самой важной темой ее произведений становилась тема Родины. В тяжелых условиях военного времени, когда решалась судьба страны, не могли оставить равнодушной читательскую аудиторию произведения, призывающие к ее защите, к преодолению всех препятствий и лишений в борьбе с врагом. Особенностью данного вида творческой деятельности военного периода стало то, что традиционным газетным жанрам – статье, корреспонденции, заметке, – перо мастера слова придавали качество художественной прозы с ее ярко-выраженным экспрессивным характером. Исследователь А. Фатеев это связывает с тем, что «с первых дней войны Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б) были приняты решения об организации пропаганды и контрпропаганды. 24 июня на Совинформбюро (СИБ) возлагалось руководство освещением международных событий, внутренней жизни и боевых действий на фронтах в печати и по радио, организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской контрпропаганды» [94, с.14-17].

Публицистика стала основной формой творчества не только крупнейших мастеров художественного слова, таких как А.Толстой, И.Эренбург, К.Симонов, М.Шолохов, но и представителей русскоязычной творческой ин-

теллигенции Таджикистана, которые создавали произведения, несущие огромный заряд патриотизма, веры в победу. Несмотря на «сокращение материальных возможностей слабой полиграфической базы», [137, с.91] их творчество способствовало воспитанию масс в духе любви и преданности своей Отчизне. В их число вошли такие журналисты, как А.Туманский, Г.Васильева, А.Гойфман, Н.Печеронин, А.Сидоров и др.

Как и в предвоенные годы, героями портретных очерков становились уже не представители рабочего класса, а солдаты и офицеры Советской Армии. Причем посредством этого жанра не только раскрывались особенные черты главного героя и перечислялись отдельные эпизоды его жизни, но нередко описывалась целостная судьба человека, вставшего на защиту своей Родины. «Именно портретный очерк позволил наиболее полно и выразительно раскрыть атмосферу того времени и чувства советского народа» [116, с.168]. Тема подвига, ставшая доминирующей в тематической направленности очерков, затрагивала также трудовые свершения тружеников тыла. Особенно популярной темой портретных очерков стал подвиг таджикских женщин. Как отмечает С.Ашрапова, «война мобилизовала почти всех мужчин на фронт, на страницах периодической печати военных лет в большинстве случаев освещались трудовые подвиги женщин Таджикистана. Ставилась цель – воспитывать у населения убежденность в победе над фашизмом, вооружить его программой всенародной борьбы, помочь каждому найти в ней свое место» [109, с.143]. Так, в очерке, опубликованном в одном из майских номеров «Коммуниста Таджикистана», описывалось, как на волне патриотических чувств молодая таджикская девушка Рабия Камилова самоотверженно трудилась на благо Родины: «...*Чуть брезжит рассвет. От дома до дома раздаются девичьи голоса. Это Камилова Рабия заходит за подругами. Вот все шесть девушек идут на свое поле. Они дали обязательство дать не менее 10 центнеров длиноволокнистого хлопка с гектара*» [130]. Послевоенные десятилетия художественно-публицистические жанры на страницах русскоязычных изданий Таджикистана достигают наивысшего развития. В наибольшей

степени эта тенденция отразилась на эволюции очерка, где различная тематическая направленность приводит к внутреннему разделению жанра по различным типам и видам. Так, наряду с портретным очерком появляются такие разновидности, как индустриальный очерк, освещавший трудовые свершения строителей ГЭС, рабочих заводов и фабрик, и сельскохозяйственный очерк, в котором описывался самоотверженный труд на полях республики. Появление подобных жанрово- видовых форм было во многом обусловлено масштабными, колоссальными по объему преобразованиями народного хозяйства, повсеместным восстановлением и совершенствованием промышленной инфраструктуры. Благодаря публицистике сухие сообщения, информирующие об успехах на фронтах индустриализации, делались осязаемыми, напоминали читателям о самоотверженном трудовом подвиге советских людей. Вдохновенное слово русскоязычных публицистов позволяло читателю быть рядом с ними, видеть, как сооружаются Нурекская и Вахшская ГЭС, Яванский электрохимический комбинат, Регарский алюминиевый завод, Анзобский металлургический завод и ударными темпами осуществляется сбор урожая, возводятся новые города и поселки. Показательным примером может быть один из октябрьских номеров газеты «Коммунист Таджикистана», посвященный строителям Нурекской ГЭС. Практически все материалы носят ярко выраженный публицистический характер. Так, в очерке «Город в горах» рассказывается о росте и строительстве города Нурека, а в очерке «Ударными темпами» говорится о трудовых свершениях строителей Нурекской ГЭС. «Освещение строительства ГЭС на страницах газет имело большое значение, так как не только информировало читателей о строительстве, но и способствовало ускорению темпов строительства» [116, с.69].

Публикации, посвященные строительству, размещались под рубрикой «Шаги рабочей эстафеты». Ее появление было обязано решению творческого коллектива газеты, который серьезно подходил к вопросу о необходимости организационного подхода к освещению соревнований среди строителей и тружеников страны. Главной целью рубрики было «освещение процесса до-

срочного завершения строительных работ, «рабочих подвигов», определение важнейших проблем, достижение взаимосвязанности между заводами.

Нередко авторами материалов выступали рабочие коллектива того или иного завода» [116, с.70].

Новую направленность в своем развитии послевоенных десятилетий приобрел и проблемный очерк. Таджикистан переживал новый подъем промышленности и сельского хозяйства, поэтому перед отечественной прессой стояла задача отобразить не только личности и судьбу отдельно взятых героев индустриализации, но и их взаимоотношения в трудовом коллективе.

Примером того, как русскоязычные публицисты реализовывали эту задачу, может служить очерк «Молодые строители Дальверзина», опубликованный 12 января 1955 года на страницах «Коммуниста Таджикистана». В этом образце журналистского творчества автором было отображено сразу несколько тем – это и история старого трудового поколения, и проблема молодого, и социалистическое соревнование [164]. Принимая во внимание то обстоятельство, что жанровая природа очерка в значительной мере отвечала не только выявлению проблемы, но и воспроизведению роли человека в ее решении, тема трудового коллективного подвига в очерковых материалах «Коммуниста Таджикистана» была особенно популярна в 1960-1970 гг. В качестве еще одного примера проблемного очерка может служить материал под названием «Поединок», опубликованный в газете 26 февраля 1967 года. В нем автор, используя ярко выраженные экспрессивные краски представил борьбу человека с силами, которые на первый взгляд ему не подвластны. В самом начале автор использует прием художественной образности, олицетворяющий стихию, с которой приходится бороться рабочим, с живым, опасным существом: *«Земля заговорила. Под давлением около 170 атмосфер фонтан с грохотом вылетал из-под земли. Фонтан неистовствовал»* [173].

В процессе эволюции очерка, сопровождаемом творческими поисками мастеров слова, совершенствованием методов и средств отображения действительности, сформировался и развился жанр путевого очерка. Представ-

ляя собой «описание важных и интересных событий, происшествий, встреч с разными людьми, с которыми автор сталкивается в ходе своего творческого путешествия» [85, с.58], эта разновидность очерка заняла определенную нишу в жанровой палитре русскоязычных изданий.

Примером тому может служить путевой очерк А.Яблокова «Над снегами», который был опубликован 14 февраля 1973 года в «Коммунисте Таджикистана». Основным стилистическим приемом, к которым прибегнул автор, являются фрагменты-пейзажи. Их значение на первый взгляд выглядит недооцененным. Однако в данном очерке пейзажи – это не просто «костях» повествования, но и некая форма, в которой автор воплощает свое представление о месте, сопряженное с эмоциональным состоянием. «Не стоит отрицать тот факт, что форма нашего описания напрямую зависит от настроения» [78, с.44].

«За иллюминатором ослепительно сверкающая белизна. Белое безмолвие, торжественное и величественное, парит над горами, и только рокочущий гул нашего вертолета нарушает его» [166].

Поскольку в пути автор встречается с людьми, то в его очерке содержатся портретные зарисовки, которые выполняют несколько иные функции, чем в очерке портретном. Так, А.Яблоков в одном из эпизодов раскрывает профессиональные качества пилота вертолета. *«...И вот наш вертолет, точно штурмовик, на цель бросается в крутом пике, да так, что от резкого перепада высот мгновенно закладывает уши. Разворот рискованный, но за штурвалом первого пилота один из лучших вертолетчиков Евгений Валентинович Малахов. Он весь точно камнеет, сливаясь с машиной и ощущая малейшее ее движение» [166].* В советский период, вплоть до периода суверенитета, наряду с жанром очерка на страницах русскоязычных изданий интенсивно развивался жанр фельетона, который появился еще в 30-е годы. Как и ранее, будучи мощным орудием публицистики, он придавал печатным органам Таджикистана особую действенность и эффективность. Примечательно, что в фельетонах, как и в очерках, в качестве центрального объекта вы-

ступал человек. Фельетон, однако, отличался от очерка тем, что если очерк чаще был направлен на раскрытие положительных качеств человека, то в фельетоне, как правило, была ярко выражена сатирическая и юмористическая направленность изображения объекта.

Примечательной особенностью этого жанра было одно интересное обстоятельство – нередко к соавторству привлекались сотрудники правоохранительных и судебных органов, поскольку для фельетона, несмотря на его художественность, была характерна достоверность. Выражаясь иначе, фельетон выступал орудием критики тех или иных лиц или слоев общества. Причем, как полагает исследователь И.В.Лекаркин, «если другие жанры, критикуя того или иного человека, ставили целью только осудить его недостатки или нарушения, то фельетон, в дополнение к этому выполнял функцию осмеяния, показывая то, как относится или должно относиться общество к такой группе лиц» [116, с.184].

Подтверждением этого вывода И.В.Лекаркина могут служить такие фельетоны таких авторов Ю.Ю.Осупов (старший следователь прокуратуры г.Нурка), - «Лиса... со спичками», «Свадебные виражи» (авторы – Н.Наврузов, работник Госавтоинспекции и Э.Подобед), «На троих» (авторы – Н.Холматов, прокурор Ходжентского района и В.Бут). Сотрудничество профессиональных сотрудников органов правопорядка и журналистов, свидетельствует о том, что автор фельетона обязан братья за ту или иную тему только тогда, когда всесторонне изучен и проверен каждый факт, каждая деталь изображаемого события и явления. В проанализированных нами фельетонах было выявлено, что герой фельетона не всегда становится мишенью осмеяния и критики автора. Порой герой фельетона предстает в качестве собирательного образа, посредством которого вскрываются нарывы многих насущных проблем общества. По словам отечественного исследователя М.Муродова, «в прессе советского периода под воздействием взаимовлияния конкретных наблюдений и ярких впечатлений авторов существенно и широ-

ко распространились методы и способы создания положительных и отрицательных персонажей» [55, с.266].

Некоторые фельетонисты использовали популярные сказочные персонажи, которые по их замыслу должны были выступать в роли своеобразных посредников между читателем и автором. Часто в качестве такого героя выступал общий любимец народа Ходжа Насреддин, вечным спутником которого, согласно таджикским народным сказкам был его «мудрый и смекалистый» осел. Так, в фельетоне «Кому это удобно», опубликованном в спецвыпуске газеты «Коммунист Таджикистана» 21 октября 1972 года, автор описывает одно его комичных приключений Насреддина на всесоюзной стройке. Такой прием позволяет ему, через речи и деяния сказочного персонажа, раскрыть и выставить на всеобщее осуждение проблему питания. При этом в фельетоне высмеивается не сам комичный персонаж Насреддин, а, наоборот, выдвинутые автором проблемы и события [156].

Завершая ретроспективный анализ тенденции развития русскоязычной публицистики Таджикистана, хотелось бы отметить, что в предшествующие периоды суверенизации десятилетия советской эпохи, а также времена Туркестанского генерал-губернаторства сформировались базовые определяющие принципы публицистики – отображение действительности посредством яркого художественного образа. В каждом из рассмотренных периодов развитие этого вида творческой деятельности происходило параллельно с формированием системы периодической печати, которая выступала платформой, важным элементом в коммуникативном процессе между публицистом и обществом. В дореволюционном Таджикистане такой системой выступали печатные органы колониальной администрации, прежде всего, «Туркестанские ведомости». Поскольку данное издание в современных научных кругах принято отождествлять с первой русскоязычной газетой в Таджикистане, на наш взгляд, именно тот период, когда оно функционировало, уместно ассоциировать с начальным этапом формирования публицистики как особого вида творческой деятельности. Для советского периода развития публицистики

наиболее значимыми явились, во-первых, 30-е годы, когда были сформированы издания, опубликованные исключительно на русском языке, во-вторых, годы Великой Отечественной войны, когда за публицистикой закрепилось представление как о мощном эффективном средстве, способном мобилизовать духовный потенциал народа, в-третьих, 50-80-е годы, в течение которых публицистика наиболее всего проявилась в творчестве выдающихся мастеров слова, прежде всего журналистов, деятельность которых была связана со служением обществу и определению в нем человека – главного героя публицистики.

ГЛАВА II. СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ТАДЖИКИСТАНА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

2.1. Объективные факторы воздействия на публицистику 90-х годов Таджикистана

Анализ места и роли русскоязычного сегмента публицистики Таджикистана в процессе формирования новых общественно-политических и международных отношений, изучение основных направлений, форм и методов отражения социальной действительности, вместе с тем многие другие вопросы, связанные с этой проблемой представляют собой совершенно новые грани научно-исторического познания, являются областью новейшей истории и практики отечественной журналистики. Исследуемый нами период, охватывающий первую половину 90-х годов прошлого века, по мнению ряда современных таджикских ученых, приходится на период процесса динамичного развития публицистики.

«Это не случайно, - полагает Н.Н.Салихов, - так как бурное развитие публицистики приходится на переломные моменты социального развития, революционные эпохи, периоды освободительных войн, движений за национальную независимость. Данный период также является периодом борьбы за суверенитет Таджикистана, периодом политического противостояния и межтаджикского конфликта» [118, с.16].

Политическое противоборство на протяжении всей мировой истории представляло публицистику как самое действенное и эффективное средство, доступное широким массам. В публицистике на протяжении ее долгой практики выработались свои жанры, отвечающие ее содержанию, целям, задачам. Жанровые возможности публицистики широки. Публицистические произведения (во всем своем жанровом многообразии) позволяют раскрывать действительность во всем богатстве ее проявлений, во всех противоречиях и

тенденциях развития, действовать оперативно, оказывать постоянное влияние на общественное мнение.

Проводя историческую параллель, можно вспомнить Английскую буржуазную революцию XVII в., в развитии которой большую роль сыграла публицистика. Как отмечает Г.В.Прутцков, «за два революционных десятилетия в Англии было создано более трех тысяч памфлетов, как правило, отдельными брошюрами. Памфлеты создавали как монархисты, так и сторонники парламента. Но самые выдающиеся памфлетисты были противниками короля, среди которых Джон Мильтон, Джон Лильберн и Джерард Уинстенли» [69, с.91]. Известно, что английский король Карл I Стюарт был казнен постановлением парламента. Возможно в значительной мере на это решение повлияла и памфлетная публицистика того времени.

Стихотворный памфлет Даниэля Дефо «Гимн позорному столбу» (1703), в котором перечислены преступные кланы страны, – великолепная публицистическая характеристика морального облика Англии того времени.

Как пишут Ф.А.Муминов и А.Н.Нурматов в своей работе «История мировой журналистики», «Французская революция XVIII в. начала новый этап не только национальной, но и всей европейской истории. Печать страны того времени сделала большое дело для демократии, привязала к итогам Великой французской революции последующее культурное развитие не только самой нации, но и всего человечества» [36, с.196].

Пламенная публицистика устами лидеров Великой Французской революции (речи Ж.Ж.Дантона, М.Робеспьера, Л.Сен-Жюста, статьи Ж.П.Марата, Ж.Эбера и др.) воодушевляла народ на борьбу, способствуя его политическому просвещению.

В 1775-1783 гг. происходила борьба 13 североамериканских штатов за независимость, вошедшая в историю как Американская революция, на положительный исход которой в немалой мере повлияло творчество выдающихся американских публицистов. Одним из них был Томас Пейн, перу которого принадлежит памфлет «Здравый смысл». В нем, автор защищал идею суве-

ренитета народа и его право на революцию, доказывая необходимость разрыва североамериканских колоний с Великобританией, образования ими независимой республики; идеи памфлета получили отражение в Декларации независимости (1776). Во время Войны за независимость Томас Пейн стал добровольным помощником генерала Натаниэля Грина, написав 16 прокламаций под общим заголовком «Кризис» (1776–1783), подписав каждую: «Здравый смысл». Первая прокламация, начинающаяся словами «Бывают времена, испытывающие души людей», была по приказу Джорджа Вашингтона (командующего американской армией) прочитана перед войсками в Велли-Фордже» [183].

В Германии в 30-х гг. 19 в. значительную роль в развитии прогрессивного общественного движения «Молодая Германия» сыграли публицистические произведения Л.Берне и Г.Гейне.

Нечто подобное происходило в 90-е годы и в Таджикистане. Реструктуризация общественной системы, инициированная М.С.Горбачевым в конце 80-х – начале 90-х гг. в рамках перестройки, стала благоприятной почвой для появления в нашей республике новых общественно-политических партий и движений, которые активизировались в вопросах демократизации общества. Активная и целенаправленная деятельность новообразованных партий и общественных объединений в этот период способствовала тому, что Таджикистан стал авангардом демократического движения в Центральной Азии. 24 ноября 1991 г. состоялись выборы президента Республики Таджикистан, в результате которых к власти пришло правительство во главе с Рахмоном Набиевым. По инициативе лидеров сил оппозиции и президента республики Таджикистан было выработано и подписано соглашение, которое гарантировало не преследование деятелей оппозиционных сил, сотрудничество законной власти с ними, а также обязывало оппозиционные силы проводить свою деятельность только в рамках законов страны.

Провозглашение государственного суверенитета Таджикистана в 1991 году на первый взгляд предопределяло позитивные тенденции в развитии

общественно-политической ситуации в стране. Однако последующие события выявили неподготовленность таджикского общества к подобным кардинальным трансформациям. Итогом социального напряжения стала гражданская война, которая продлилась пять лет и надолго закрепила за Таджикистаном статус «горячей точки». Правда, на начальном этапе конфликта еще была возможность избежать вооруженного противостояния при условии, чтобы оппозиционные силы и правительство пошли на сотрудничество, обратившись к формату цивилизованных компромиссов. В этом случае, безусловно, вооруженное противостояние постепенно перешло бы в политическую плоскость. Однако вследствие неуступчивости оппозиционных сил в республике этого не произошло. Более того, в стране сформировались политические союзы, непримиримость которых усугубляла и без того напряженную обстановку в стране. Участие в одном из союзов образованной к тому времени Партии Исламского Возрождения Таджикистана – ПИВТ (ПИВТ в 2015 году объявлена террористической организацией в Таджикистане) только «подливало масла в огонь», поскольку ее лидеры и активисты составляли ядро оппозиционного блока Таджикистана, имели тесные связи со многими странами исламского мира, религиозно– экстремистскими партиями и «братья мусульмане» пользовались их моральной и финансовой поддержкой. Было очевидно, что на политическую жизнь республики заметное влияние оказывала исламская идеология. ПИВТ имела отлаженные структуры, разветвленную сеть первичных организаций на местах, своих депутатов в Верховном Совете. Она была тесно связана с новыми предпринимателями, бизнесом. Руководство ПИВТ умело пользовалось слабостью политической власти, наступившим хаосом в ее структурах. При этом имело поддержку в ряде районов республики, где оседали фанатики религиозного фундаментализма.

Журналистское сообщество в этот период также оказалось несвободным от массового психологического прессинга, в результате чего произошло разделение журналистов на три противоборствующие друг другу группы. Одна

из которых выступала в поддержку правительства, члены другой были противниками президента, а третья избрала позицию нейтралитета [123, с.52].

На фоне бурных политических и социально-экономических перемен первых лет независимости заметно возросла роль СМИ в общественно-политической жизни страны. В современных научных кругах первые годы независимости общепринято называть «золотым временем», кульминацией становления независимых СМИ, началом демократических тенденций и наметившихся преобразований не только в общественной среде, но и в прессе.

Одной из особенностей формирования системы независимых СМИ Таджикистана была нацеленность на оперативное освещение политической обстановки в стране, что являлось наиболее актуальной и волнующей темой для того времени.

А.Дмитровский, один из современных исследователей жанров публицистики, отмечая эти тенденции, констатирует: «Благодаря гласности, плюрализму мнений, открытости общества появилась возможность свободно обсуждать любые проблемы от собственного имени».

Усилилась политическая и идеологическая борьба – следствие «переходности» эпохи, требующей осмысления, оценки» [112, с.35].

Согласно мнению отдельных журналистов, в частности Тимура Клычева, учредителя и главного редактора частной русскоязычной газеты «Таджик-пресс», в начале 90-х годов журналистика Таджикистана с точки зрения свободы выражения мыслей и остроты материалов, поднимающих важные и насущные проблемы общественной жизни, нисколько не уступала российской журналистике и порой даже в чем-то превосходила её. «Это был рассвет таджикской независимой прессы. Когда шаг вправо, шаг влево означало потерю профессии, журналисты смело и активно взялись за освещение проблем, запретных ранее. Была действительная свобода слова, когда журналисты собирались по интересам, по взглядам для обсуждения насущных про-

блем. Это был очень волнующий и яркий период в истории таджикской журналистики» [119, с.62].

Этого же мнения придерживается и другой таджикский журналист, один из сотрудников газеты «Навиди бозаргон», впоследствии ставший корреспондентом таджикской службы радио «Свобода». Он отмечал: «В первый год независимости республики образовалась атмосфера почти полной свободы слова и мысли. В этот период сотрудники таких газет, как «Сухан», «Растохез», «Адолат», «Чароги руз», «Таджик-пресс», «Навиди бозаргон» и др., писали свободно обо всем актуальным для того времени. На страницах этих изданий печатались лучшие статьи, репортажи и аналитические материалы.

Кажется, тот запоминающийся период для СМИ и общества Таджикистана является безвозвратно потерянным, потому что после прихода новой власти и до настоящего времени в Таджикистане ничего подобного не наблюдается» [119, с.63].

Таким образом независимые издания Таджикистана рассматриваемого периода стали создавать ту, пусть еще зыбкую, платформу, на почве которой происходило формирование общественного мнения. В обществе сложилось мнение, что оно способно оказывать влияние на происходящие процессы. Что главным предназначением СМИ является своевременное и объективное освещение реципиентами всех событий и явлений, происходящих в республике, не оставляя без внимания и мнение народа. Можно сказать, что бурные перестроечные и социально-политические процессы стали той благоприятной почвой на ниве, которой в таджикскую журналистику влилась когорта сегодня уже известных и одаренных журналистов.

Вместе с тем, необходимо признать, что динамичное формирование и развитие свободной прессы рассматриваемого периода было обозначено во все не благосклонностью властей, а, скорее всего, результатом неспособности правительства существующего на тот период, которое не было способно всецело контролировать ситуацию в стране. Государство находилось в состоя-

нии переходного процесса от социалистического строя к новой, демократической системе построения современного общества.

Другая особенность заключалась в нацеленности отображения «правды» в основе политической программы той или иной партии и движения. Считаем необходимым подчеркнуть, что в первые годы обретения государственной независимости Таджикистан, с точки зрения процесса развития свободы слова и независимых СМИ, в сравнении с другими союзными республиками, занимал одно из ведущих мест. Свидетельством тому могут служить следующие статистические данные: во второй половине 1992 г. в республике насчитывалось свыше тридцати независимых и оппозиционных изданий, чего мы не можем сказать касательно многих других бывших советских республик Средней Азии.

Заметным явлением для таджикской журналистики стала отмена цензуры, что открыло путь без предварительного согласования публикации выхода журналистских материалов, минуя барьеры обязательного их согласования с должностными лицами государственных органов, организаций и учреждений.

По нашему твердому убеждению, при всех этих положительных явлениях нельзя сказать, что русскоязычная пресса находилась в выигрышном положении, так как помимо заметного сокращения потенциальных русскоязычных читателей, связанного с их оттоком с республики, русскоязычные газеты несколько уступали по своему охвату прессе на таджикском языке.

Глобальные социально-политические изменения в начале 90-х годов, стали причиной роста политизации СМИ, активного участия их в политических процессах, формировании общественного мнения и реализации новой политики.

Эпоха жесткого противостояния между демократическим движением и государственной властью способствовала формированию в СМИ конфронтационного, контрастного восприятия общественных процессов, разделению политических и социальных субъектов в информационном пространстве на

«чужих» и «своих» При этом все, что связывалось с новыми, объективно прогрессивными явлениями в общественной жизни, сознательно выводилось из зоны критики, и «одновременно активно создавался и демонизировался образ врага» [117, с.230] с одной стороны – в лице правящей государственной элиты и особенно силовых структур и правоохранительных органов армии, МВД, КГБ, судов и прокуратуры (в оппозиционных и независимых изданиях), с другой – в лице Партии Исламского Возрождения Таджикистана (ПИВТ), Объединенной Таджикской Оппозиции (ОТО) и ряда политических движений (в государственных изданиях). Выбранный курс преобразований, имевших под собой ярко выраженную радикально-демократическую платформу способствовал созданию благоприятных условий для развития деструктивных тенденций в СМИ. Пафосная окраска непрерывного противостояния различных партий и общественных движений в информационном пространстве постепенно было акцентировано на новое, только формирующееся государство, которое непроизвольно стало восприниматься как преемник прежнего тоталитарного государства, препятствие на пути развития реформ. Девиз «чем меньше государства, тем лучше» настолько активно был подхвачен в обществе, что приобрел черты стихийной неосознанной идеи, превратившись в доминанту, которая определяла отношение к происходящим в обществе процессам. Средства массовой информации всячески стремились поддержать власть, в провидимой ею реформ, вместе с тем журналисты при необходимости не отказывали себе в острой критике государства.

Например, в «Народной газете» наряду с официальными обращениями и указами, одним из которых было «Обращение председателя Верховного совета республики Таджикистан Набиева Рахмона к таджикскому народу» отображались и закулисные деяния Верховного совета. Так, к примеру, в этом же номере газеты был опубликован краткий материал под заголовком «Митинг решает по-своему», в котором автор сообщалось о ходе проведения митинга, инициированного движением «Растохез». Примечательно, что эта небольшая заметка была снабжена и фотоматериалом, «От кого защищаем-

ся?» изображающим баррикады на центральной улице Душанбе таджикского телеграфного агентства.

Встречались на страницах издания и материалы откровенно провокационного характера. Так, в номере от 9 ноября 1991 года была опубликована статья академика Академии наук РТ З.Усманова под громким заголовком «И будет президент свадебным генералом», в которой автор, ссылаясь на общую ситуацию в стране, говорил, что страна скатывается *«к глубокому кризису с самыми мрачными последствиями»*, а *«Президент республики превратится в свадебного генерала, неспособного завоевать среди жителей автономий хотя бы малейший авторитет»* [176].

Тот факт, что на первой полосе «Народной газеты» публиковались указы главы государства, а на второй – открытая критика в его сторону, свидетельствует о той самой свободе печати, о которой мы говорили выше. Таким образом, в объективе СМИ два неразрывных понятия «власть» и «государство» разделились, а сами издания превратились в площадку для острых дискуссий, с опорой на противоречивые и сомнительные идеологемы.

Бесспорно, первостепенная задача журналиста это написать, показать и озвучить. Однако, по мнению Т.Г.Хасановой, «в период вооруженного противостояния эта задача усложняется во сто крат, так как именно в этот период люди воспринимают происходящее еще более обостренно, и если при этом журналист защищает позицию того или иного лагеря, акцентируя внимание на потерях, жертвах и разрушениях, он становится невольным виновником разжигания конфликта» [122, с.98]. В такой ситуации при подаче того или иного факта необходимо считаться со сложившейся политической обстановкой.

15 декабря 1992 года новый Председатель Верховного Совета Таджикистана Эмомали Рахмонов заявил на экстренном совместном заседании Кабинета министров и президиума парламента, где рассматривалась оперативная общественно-политическая и экономическая ситуация в республике, о приверженности нынешнего руководства светскому демократическому пути раз-

вития, соблюдению всех международных пактов о правах человека независимо от национальности. Глава парламента предъявил серьезные претензии к некоторым средствам массовой информации, не всегда объективно и зачастую однобоко трактующим и без того сложную общественно-политическую ситуацию в республике. Эмомали Рахмонов дал понять, что новое руководство не допустит разжигания со страниц газет и телевидения межнациональной и межэтнической розни, подстрекательств к вооруженной конфронтации, призвал журналистский корпус к объективному и честному освещению происходящих в Таджикистане процессов [59, с.53].

Вместе с тем суверенное таджикское государство не имело в своем арсенале необходимых средств, чтобы оказать всестороннюю полномасштабную поддержку прессе. У субъектов же хозяйственной деятельности не было особой потребности в рекламе, как не было пока и свободных средств на ее размещение. Таджикская пресса из ежедневной редуцировалась до еженедельной. И то лишь в столице и других крупных городах. Пресса малых городов и районов выходила лишь от случая к случаю, фактически она перестала существовать.

Начиная с 1993г., в Таджикистане прекратилось ежедневное издание газет, некоторые из них, включая русскоязычные «Таджик-пресс», «Дом», «Полис», прекратили существование. За исключением нескольких правительственных изданий с трехразовым выпуском в неделю, остальные перешли на недельный и месячный график.

Для сравнения изменений в области СМИ Таджикистана 1992-1993 гг. ниже приводим таблицу по отчетам Госкомстата Таджикистана .

	1992	1993
Число газет (ед.)	119	93
Разовый тираж газет (тыс. экз.)	1294	459
Годовой тираж газет (млн. экз.)	93	24

Число журналов и других периодических изданий (ед.)	26	21
Годовой тираж журналов и иных печатных изданий (млн. экз.)	18,8	0,4

В таблице отражено, как после начала войны тираж печатных изданий страны, а также их количество резко снизились. Если разовый тираж всех газет в 1992 г. составлял 1294 тыс. экз., то в середине 1993 г. он снизился до 459 тыс. экз., а годовой тираж журналов по стране за год сократился в несколько десятков раз: с 18,8 млн. экз. до 400 тыс. экз.

В это сложное время лишь русскоязычная газета «Бизнес и политика», в прежние годы не особо выделявшаяся на фоне активной таджикоязычной прессы, была заметным исключением. Усилиями своего главного редактора Нины Максимовны Пак, личности незаурядной, экстравагантной, всегда энергичной, уважаемой всеми, включая и власти, и оппозицию, издание заняло значительное место в информационном пространстве республики. Н.М.Пак не делала различий между властями, оппозицией и их сторонниками. И те, и другие воспринимались ею как полноправные граждане одной страны. Редактор «Бизнес и политики» всегда умела сделать так, чтобы со страниц ее газеты были слышны все голоса, чтобы ее газета стала площадкой для их прямого или опосредованного диалога. Безусловно, издание газеты было делом хлопотным и недешевым. Примечательно, что практически никто и никогда не отказывал Н.М.Пак в просьбе посодействовать финансами в издании газеты. Такое содействие осуществлялось в том числе и в форме реализации проектов, в рамках которых газета представляла площадку, а спонсоры оплачивали размещение своего материала.

Среди русскоязычных газет в эти годы наиболее регулярно издавались правительственные «Народная газета» и «Голос Таджикистана», а также независимые издания «Вечерний Душанбе» и «Курьер». В марте 1994 г. газета «Вечерний Душанбе» организовала социологический опрос среди жителей столицы относительно популярности СМИ, в результате которого выяснилось, что наиболее популярной является русскоязычная пресса.

В 1992-м году работа редакции «Народной газеты» претерпела некоторые изменения. В мае коллектив редакции переехал в новое здание «Шарки Озод», где занял 7-й этаж. В июле 1992-го полноправным учредителем издания стало правительство РТ. Однако, по воспоминаниям В. Воробьева, это финансового положения газеты на тот момент не улучшило: «Никому до газеты дела не было. Уже всюду гроыхала война. В стране дефицитом становились мука, сахар. Не до газетной бумаги и офсетных пластин» [16, с.20-21].

Газета наряду с публикацией новых законов республики продолжала освещать жизнь республики. Основное внимание населения было приковано к митингам на столичных площадях страны. Примером этому может служить материал «Митинги продолжаются» от 8 апреля 1992 года. На этой же полосе размещено обращение «К участникам Митинга на площади Шахидон» от Председателя Верховного Совета республики С.Кенджаева. В номере от 28 апреля 1992 года опубликован материал Таджикского Информагентства «Ховар» «В Душанбе вновь многолюдные митинги», где рассказывается о протестующих площадях столицы «Озоди» и «Шахидон». Отдельной колонкой на полосе – требования и обращение митингующих с обеих площадей. Однако нельзя не отметить, что освещением многотысячных митингов занимались многочисленные независимые издания: «Адолат», «Сухан», «Чарогируз», «Растохез», «Таджик-пресс» и др. «Народная газета» наряду с этими и другими изданиями объективно освещала позиции обеих митингующих сторон, но, как отметил М.Султонов, конкуренция независимых изданий была очень весомой. Тогда, как отмечалось выше, газета претерпевала тяжелые финансовые трудности и по возможности отражала реалии жизни. Если тираж «Народной газеты» сразу после обретения независимости в 1991 году составлял 52 тыс. экземпляров, то в последующем он начал стремительно падать. В феврале 1992-го он составлял 41 тыс. экз., в мае того же года – 37 тыс. Уже в ноябре эта цифра упала до 15 тыс. экземпляров.

22 апреля 1994 года у газеты в очередной раз меняется учредительский состав. К кабинету министров прибавился еще один учредитель – Верховный

Совет и газета стала парламентско-правительственной. «Это было проявлением борьбы за газету. Осенью предстояли президентские выборы. Бывший премьер использовал прессу в агиткампании весьма эффективно, поэтому появилось Постановление ВС РТ «О республиканских газетах «Джумхурият», «Народная газета», и «Халк Овози» [16, с.25].

Во второй половине 90-х годов с постепенным преодолением гражданских и политических противоречий русскоязычное журналистское общество, наконец, смогло наметить для себя перспективы дальнейшего развития. В Душанбе в этот период, в частности, начинают появляться такие русскоязычные издания, как общественно-политический «Вечерний Курьер» (совместное издание газет «Вечерний Душанбе» и «Курьер Таджикистана»), независимая газета «Дайджест-пресс».

С началом мирных демократических преобразований в республике наметилась еще более значительная тенденция к увеличению количества печатных СМИ, издаваемых на русском языке. Появляются такие независимые издания, как «Крим-инфо», «Восточный экспресс», «Бизнесмен», «Факты и комментарии» и др. Но вместе с тем определилась и другая тенденция как характерная черта современных изданий: широкое распространение бульварной тематики и увеличение количества так называемой «желтой прессы».

Надо подчеркнуть, что, с одной стороны, обилие бульварных изданий объяснялось отсутствием знаний о предпочтениях аудитории, с другой – это было непосредственно связано с политической ситуацией в стране. С учетом жесткого государственного контроля за деятельностью СМИ, недоверия властей к инакомыслию владельцы независимых изданий во избежание конфронтации с правительственными структурами отдавали предпочтение далеким от политики и ориентированным на рынок и среднестатистического читателя темам. Из-за подобной практики большинство частных газет, несмотря на рост их количества в первые послевоенные годы, не в состоянии были интенсивно заполнить сформировавшийся в Таджикистане информационный вакуум [124, с.42].

К примеру, независимая русскоязычная газета «Курьер» не публиковала никаких новостей – она состояла из одних рекламных объявлений, гороскопов и программ телевидения. Тем не менее, издание являлось прибыльным во многом благодаря подобным публикациям. Таким образом, на фоне общего состояния республиканской прессы русскоязычная печать периода 90-х гг. являлась лишь отголоском той значимости и масштабности, которыми отличалась деятельность советской периодической печати. В то же время она олицетворяла собой наследие предшествующей эпохи, когда русский язык доминировал и в качестве государственного, и в качестве межнационального общения на территории всех республик бывшего Союза. Хотя русскоязычные СМИ Таджикистана и не испытывали на себе идеологического и политического прессинга, который можно наблюдать в некоторых государствах СНГ и странах Балтии, в период 90-х гг. говорить о них как о полноценных проводниках русской культуры, духовности и традиций, было довольно сложно.

Характерной особенностью русскоязычной прессы того периода, как отмечают аналитики и исследователи, стала двойственность ее статуса [124, с.91]. С одной стороны, периодическая печать, как и все средства массовой информации в целом, представляла собой институт, созданный для информационного обслуживания общества или какой-то его части. Но, с другой стороны, с возникновением в нашей республике информационного рынка газету и ее редакцию принято рассматривать как предприятие, деятельность которого всецело подчинена стремлению получать прибыль. Учитывая, что многие газеты издавались с одной целью – найти больше покупателей своего издания, эта экономическая сторона стала более приоритетной. Другими словами, подчиняясь требованиям рыночной экономики, русскоязычные печатные СМИ Таджикистана существовали преимущественно на коммерческой основе.

В то же время «ни для кого не секрет, - отмечает исследователь Ш.Б.Муллоев, - что русскоязычная пресса в Таджикистане была более популярна, чем периодическая печать на таджикском языке» [54, с.90].

Тенденция преобладания и популярности русскоязычных СМИ была обусловлена рядом существенных обстоятельств – большое количество иностранных организаций, различного рода НПО, офисы ООН, ОБСЕ, Красный крест, посольства и т.п. являются подписчиками русскоязычных СМИ. Серьезным фактором поддержки позиций русского языка в СМИ являлись тесные отношения с Российской Федерацией – главным стратегическим партнером и союзником республики на всем постсоветском пространстве. Ориентированность на экономическое и военное сотрудничества с Россией, сложившееся еще в начале 90-х годов, обусловила необходимость принятия решения по сохранению статуса русского языка как общепринятого языка межнационального общения. Если во многих республиках бывшего Союза русский язык подвергается целенаправленному гонению, а его носители – завуалированной или открытой дискриминации, то отрадно осознать, что в Таджикистане эта ситуация обстоит лучшим образом. Русский язык можно было услышать повсеместно – он по-прежнему часто звучал на улицах, в учреждениях, общественных местах и транспорте. Его изучению отводились определенные часы в образовательных программах школ и ВУЗов республики. Это свидетельствует о ценностных ориентациях касательно роли русского языка и его востребованности в условиях построения демократического общества в период 90-х гг.

Русский язык, несмотря на утрату большого количества своих непосредственных носителей – русскоязычных граждан, не исчез в Таджикистане окончательно и не подвергся гонениям и искоренению как одно из наследий советской «колониальной» эпохи. Его поддержание, как мы отметили, во многом было обусловлено необходимостью тесного взаимовыгодного сотрудничества с Россией. Огромная армия трудовых мигрантов в республике в этот период начала совершать ежегодные массовые поездки на территории

РФ и обратно, испытывая острую потребность в знании русского языка. Овладение и совершенствование навыков общения на русском языке становилось возможным только при непосредственном тесном контакте с его носителями – русским населением, которого было мало в Таджикистане, но очень много в России. Продолжительное время пребывания в ближнем зарубежье способствовало восприятию и усвоению образа жизни, мышления россиян, их культуры и менталитета.

С другой стороны, заинтересованность России в своем присутствии на территории нашей республики также не могло не сказываться на местном населении. Достаточно вспомнить, что в течение длительного времени, пока границы Таджикистана находились под контролем погранвойск РФ, значительная масса молодых военнообязанных граждан Таджикистана отдавало предпочтение службе именно в этих подразделениях, и это обуславливало необходимость обучения русскому языку. Ориентированность на ближайшего и самого надежного военно-политического партнера была ощутима и в общепотребительской сфере – большой популярностью пользовались российские телеканалы, русская современная музыка, зарубежные фильмы, переведенные на русский язык и т.п.

Полноценное знание русского языка обеспечивало коренному жителю республики преимущественные возможности в образовании, в общении, выборе своего потенциального будущего. В первую очередь это стало очень важно для сотен тысяч таджикстанцев, совершающих поездки за пределы страны, преимущественно на территорию Российской Федерации. Нельзя также сбросить со счетов русскоговорящих таджиков, для которых русский язык являлся вторым родным языком.

Можно сказать, что обретение суверенитета и ориентированность на правовое, светское общество являлось важнейшим достижением таджикского народа. Наступление эпохи гласности и демократии позволили средствам массовой информации достичь статуса независимой общественно – полити-

ческой сферы, призванной правдиво и объективно отображать явления жизни.

Прежние идеологические и политические установки, характерные для советской эпохи, исчезли, уступив место рыночным отношениям, которые полностью подчинили себе деятельность газет и журналов. Иными словами, пути выхода из кризиса печатных СМИ должны были искать сами, и наиболее оправданной стала альтернатива перехода на коммерческую основу.

Трансформация систем массовой коммуникации, связанная с появлением в 90-х гг. рыночных отношений в экономической сфере, предопределила тенденцию перехода русскоязычной печатной прессы Таджикистана на коммерческую основу и разделение СМИ на две группы. В первую группу – государственные СМИ – вошли правительственные издания, отраслевые газеты и журналы, находящиеся в ведомстве государственных учреждений и структур. Как отмечает Н.Н.Салихов, «основная характеристика этих печатных изданий заключалась в том, что все они финансировались из госбюджета, и их расходы на материально-техническое обеспечение покрывались государством» [73, с.143]. В отличие от частных, независимых изданий они были представлены меньшим количеством газет и в целом имели невысокие рейтинговые показатели. Единственным русскоязычным правительственным изданием стала «Народная газета».

Во вторую группу – негосударственные СМИ – вошли частные и принадлежащие к общественным организациям издания. Примечательная особенность этих газет заключалась в том, что их существование находилось в непосредственной зависимости от условий рынка, и они были лишены тех или иных государственных дотаций и помощи. Для сравнения: если пресса общественных организаций может полагаться на финансовую поддержку своих учредителей, то частным изданиям в этом случае приходилось рассчитывать на самих себя, то есть все необходимые средства для своей деятельности зарабатывать самостоятельно. Бюджет таких изданий в основном скла-

дывался благодаря доходам от реализации тиража, а также от рекламной акции, грантов и деятельности вне области журналистики [73, с.144].

Прекращение гражданской войны и переход к мирной жизни благотворно сказались на всех аспектах развития страны. Начала оживать экономика. Резко повысили свою активность такие международные финансовые институты, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития и т.д.

В страну потянулись самые различные международные организации, первые иностранные компании. Вся эта активность стала оборачиваться ростом денежных потоков и потребностью в информации в более или менее развитом медийном пространстве.

Одним из наиболее значимых новаций, обусловленных достижением мира, стало преодоление раскола в журналистском сообществе. Уже с 1997 года острого противостояния между журналистами, особенно независимыми, работающими в самом Таджикистане, и журналистами, работающими за его пределами, практически не наблюдалось. Начиная с 1997 года, были задействованы все основные направления освещения и анализа событий и процессов, которые в последующем стали общепринятыми в русскоязычной прессе. Это, к примеру, всемерная защита национальных интересов, неразрывной составляющей которых было укрепление таджикского государства и придания ему большей национальной идентичности, достижение единства таджикского народа, осуществление демократических преобразований, обеспечение социальной справедливости и т.д.

2.2. Степень идентификации действительности в русскоязычной публицистике Таджикистана периода гражданского противостояния

В процессе демократизации, коренной социальной и политической трансформации в первые годы независимости Республика Таджикистан вплотную приблизилась к своему качественно новому состоянию – информационному обществу. Журналистика, до этого момента функционировавшая лишь только в рамках тотального идеологического контроля, начала работать исключительно с информацией, более того, социально значимой информацией во всех ее смысловых проявлениях – «от фиксации факта до его чувственного отображения, от рационального суждения интеллектуала до аффективных кликов толпы, от кропотливого поиска значимых составляющих действительности до их массового тиражирования по каналам СМИ и т.д.» [83, с.45].

В условиях невиданного прежде увеличения потока функционирующей информации, что качественно повлияло на характер производства и потребления медиа-контента, характерной чертой журналистики стало социологическое мышление, «в котором взгляд на общество как на динамически развивающуюся систему определялось пониманием взаимообусловленности политических, экономических и социокультурных факторов, объективных и субъективных характеристик» [32, с.26].

В свою очередь это означало, что в дополнение к отражению социальной действительности, журналистика становилась доминантной частью той же действительности, более конкретно – поставленного на конвейер массового духовного производства.

В первые годы суверенитета журналистское познание социальной действительности постепенно начало вбирать в себя « все межличностное, т.е. связанное с совместной жизнью людей, формами их общения, что реально существует и развивается, несущее собственную сущность и закономерность в самом себе, а также содержащее в себе результаты своего собственного действия и развития» [42, с.429-430].

Демократические преобразования в республике predetermined условия, в которых журналистика как форма познания утвердилась среди феноменов общественной жизни, став «самой конкретной, эмпирической формой познания действительности – обыденно-обобщенным способом» [75, с.123], как пишет об этом Л.Г.Свитич. Данный исследователь называет журналистику «философией сиюминутности, ситуативной реальности. И делает различие между фундаментальной наукой – философией, которую она характеризует как познание сущности эволюции вселенной и человека, и журналистикой, воспринимаемой как отражение (хотя и не всегда адекватное) сегодняшней земной реальности» [75, с.124].

Таким образом, журналист выступает как субъект познавательной деятельности, при этом познание выступает как общественно-исторический процесс творческой деятельности людей, формирующий их знания, на основе которых возникают цели и мотивы человеческой деятельности и т.д. [97, с.432]. В познании журналистом социальной действительности можно выделить:

- чувственное и рациональное восприятие журналистом окружающего;
- первый акт познания, который начинается с потребности в новом знании;
- творческое усвоение и переработка познанного во время создания журналистского текста – акт формирования (сложения) знания, т.е. знание выступает как итог ему предшествующего процесса;
- выявление обществом смысла познания, ценности познания через обнаружение целей и мотивов деятельности субъектов познания [50, с.87].

Познание задает норму общественного бытия журналиста, потому что оно исследует собственно общественное бытие, которое и есть первичная материя, в том числе и по отношению к познанию. Актуальное общественное бытие диктует принципы, методы познания в журналистике и придания результатам познавательной деятельности соответствующих эпохе смыслов. Здесь воедино сходятся исторический, социологический, прогностический

методы, наличие чего объясняет первичность адекватной общественному бытию познавательной деятельности журналиста. И в этом аспекте познание нормально, т. е. укладывается в норму, а искажение знания является отступлением от нормы [142, с.119].

Сам факт возрастания потребности в информации в тесной взаимосвязи с журналистской практикой надо рассматривать как один из возможных ответов науки и публицистики на потребности социальной жизни. В основе подхода – представление о мыслительном процессе как активном элементе общественной жизни. Следует подчеркнуть, что в этом проявилось своеобразие зарождения, «биография» и методическая оснащённость отечественной русскоязычной прессы.

В современных научных кругах глубоко разработаны идеи о том, что своим оригинальным обликом отечественные СМИ обязаны их теснейшему взаимодействию с социумом. В дополнение к этим идеям предлагается понять, что современная пресса, по сути, начала функционировать в пространстве социальной действительности. В первые годы независимости журналистика получила мощный заряд публицистичности, что существенно повлияло на характер информационного материала. Ключевое положение в отечественной журналистской науке стала занимать проблема человека. Исследователи и публицисты стремились видеть в социальной действительности, прежде всего антропологический аспект, найти пути и формы разрешения социальных противоречий в пользу личности. Каждый журналист прекрасно осознает, что живет в реальности и использует свои творческие навыки, чтобы трансформировать свое познание мира в информацию о нем. Таким образом, масс-медиа становятся эффективным средством, оказывающим воздействие на бытие. И если, как выразился М. Фуко, «возникает необходимость поставить вопрос о бытии человека как основе всякой позитивности» [99, с.365], то именно журналистике, а, следовательно, и публицистике, оказалось, по плечу принять участие в поисках ответа на этот вопрос (хотя бы в качестве неутомимого собирателя социально значимой информации), «тем

самым подчеркнув, что познание следует воспринимать в качестве и сущности, и формы общественного бытия журналиста» [142, с.110].

История русскоязычного сегмента таджикской публицистики свидетельствует о важной доминанте в творческом мышлении журналистов: этому мышлению свойственно движение от конкретных социальных фактов к социологическим обобщениям и снова – к предметной социальной действительности. Кроме того, ретроспективный анализ отечественной русскоязычной публицистики подтверждает особую «сейсмографическую» чувствительность сферы ее творчества в отношениях человека и мира и во многом предопределяет сферу культурного творчества в целом. Публицистика оказывает достаточно сильное воздействие на формирование общественного сознания, подвижной «плазмы» социальных представлений и эмоций. Она фиксирует, прогнозирует меняющиеся отношения человека и мира, что, собственно, свойственно и журналистике. Как свидетельствует Г.Я.Солганик, «события и факты, которые трактует публицистика, разворачиваются, развиваются не только в физическом пространстве, но и духовном, т.е. публицистическом. Оно может заполняться политическими, религиозными, мифологическими, философскими и др. идеями. Однако главный вид публицистического пространства – социальное. Практически все публицистические сюжеты разворачиваются в социальном пространстве» [81, с.25].

В качестве подтверждения могут служить материалы русскоязычных изданий – газет «Коммунист Таджикистана» и «Бизнес и политика», журнала «Памир», авторы которых из фактов действительности могли отобрать наиболее яркие, производящие неизгладимое впечатление на читателя, побуждающие автора и читателя к совместному размышлению, предопределяя обобщения и выводы. С одной стороны, персонаж публицистического произведения вполне конкретен – журналисты указывают фамилию, имя, возраст, место жительства, род занятий. С другой – за каждым таким персонажем мысленно выстраивалась вереница однотипных людей – будь то простой дехканин, собирающий хлопок, сотрудник правоохранительных органов, от-

правляющийся на опасное задание, пограничник, бдительно охраняющий рубежи Отечества, ветеран Великой Отечественной войны, чей жизненный путь служит примером для молодого поколения, или рабочий, строящий Рогунскую ГЭС, обычные жители городов или видные деятели искусства и науки Таджикистана. К примеру:

- выдающийся человек, чья жизнь и деятельность имеют большое общественное значение;
- человек, совершивший какой-либо выдающийся поступок и тем самым привлечший к себе внимание общественности;
- человек, выделяющийся благодаря своим особым, не часто встречающимся в действительности качествам;
- обычный человек, «один из многих», типичный представитель каких-то слоев общества.

То есть публицистические русскоязычные тексты способствовали представлению о той или иной социальной группе общества, ее типичных злободневных проблемах, которые, в свою очередь, естественным образом приобретали черты значимости для всего таджикского общества. По своей природе данные публикации обязаны были «поспевать за событиями» и давать оценку явлениям текущей действительности, опираясь на фундаментальные социально-политические идеи и таким образом активно влиять на формирование мировоззрения.

Следует отметить, что далеко не сразу приходит к журналисту такого рода практико-теоретическое и теоретико-практическое осмысления действительности: необходимо сформировать в себе способность, во-первых, к системному анализу социальной реальности, а, во-вторых, – к рефлексии относительно самого себя. Эта способность предопределяет и означает интерес журналиста к тому, как он сам воспринимает и отражает в своем творчестве социальную действительность, насколько осознает специфику процессов, которые происходят с описываемым социальным фактом по ходу его творческого воплощения. Должное понимание закономерностей на уровне теории

позволяет автору совершенствовать свое мастерство. И только в завершении названных процессов может возникнуть особое явление журналистики – публицистика. Это особого качества творчество, в разнообразии которого намечается своя определенная градация: органическое переплетение социологии и публицистики.

В истории отечественной журналистики подобный синтез применялся широко и активно. Социология в публицистике – это, по существу, социально-философский анализ действительности и обобщение его результатов в журналистском тексте. Следует отметить, что в истории такая манера творческого труда оказалась наиболее свойственной писательской публицистике с ее хорошо зарекомендовавшим себя методом типизации социальных характеров и явлений.

Так, видный таджикский публицист Отахон Латифи на фоне конкретно обрисованной социальной действительности в своих статьях, очерках, путевых заметках, литературных записях «создал целую галерею образов людей высоконравственных, творцов, созидателей. Он был мастером показать человека во всем его многообразии» [106, с. 02]. При этом публикации Отахона Латифи были насыщены цифрами и конкретными фактами, содержали подлинные фамилии, имена персонажей и точные примеры из их жизни – всем этим он убеждал читателя, что его герои не являются вымышленными людьми. Обладая незаурядными личностными качествами, О. Латифи в отличие от некоторых нерешительных журналистов, избегавших острых тем, смело нацеливал свое перо на недостатки и трудности общества, за что ответственные лица и руководители высших звеньев отвечали признанием и уважением.

В основу школы публицистики О.Латифи было положено понятие, согласно которому каждый факт, событие и название должны содержать смысл и иметь непосредственное отношение к социальной действительности, иначе лучше о них не писать. Отечественный теоретик журналистики И.Усмонов констатировал: «Задача Отахона Латифи и других журналистов, которые, подобно ему, пишут для прессы за пределами Таджикистана и о Таджикистане,

заключается в том, чтобы хорошо познакомить читателей с Таджикистаном. Так, например, в литературе Расул Гамзатов рассказал народам мира о существовании дагестанского народа и о самом Дагестане, в вокальном искусстве Рашид Бейбутов и Муслим Магомаев познакомили советских людей с Азербайджаном. В области балета Малика Сабирова прославила таджикскую танцевальную школу, а Отахон Латифи сделал это для таджикской журналистики» [21, с.8]. Творения Отахона Латифи с самого начала вхождения в журналистику отличались особой новизной от сотрудников и соратников. Он без преувеличения сыграл заметную роль в таджикской советской журналистике 60-90-х годов. О. Латифи, как многоопытный журналист и публицист прославился особым стилем и методом сочинения среди читателей и коллег. По мнению специалистов отрасли быть сотрудником знаменитых газет того периода, таких как «Комсомолец Таджикистана» («Комсомоли Тоджикистон»), «Комсомольская Правда», «Известия» и «Правда» было непростым делом. Деятельность в союзных газетах требовала от журналиста высокого мастерства, знаний, широкого кругозора и остроты пера.

Латифи был плодотворным журналистом и публицистом, его сочинения чаще других таджикских журналистов печатались во всесоюзных и зарубежных газетах и журналах. Он являлся одним из предводителей творческой школы, воспитавшим немало талантливой молодёжи, и его творчество, будучи для молодого поколения журналистов школой приобретения опыта, может в дальнейшем помочь начинающим молодым журналистам.

Во времена Советского Союза, как мы уже отмечали, было несколько русскоязычных журналистов, чьи имена запомнились в науке и журналистике Таджикистана. Среди них Отахон Латифи, Гоиб Каландаров, Нурмухаммад Табаров, Масъуд Муллоджонов, Насрулло Асадуллоев, Умед Бобохонов и другие занимают особые места. Эти творческие личности представляли таджикский народ в центральной советской прессе и передавали мечты и надежды таджикского народа другим народам посредством печатных изданий.

У синтеза социологии и публицистики есть примечательная особенность: наиболее яркой, общественно заметной она становится в периоды острых социально-политических противоречий. Так что совершенно закономерным оказался всплеск общественного внимания к социальной действительности в первые годы суверенитета, особенно в начале 90-х гг., когда публицистами становились экономисты, историки, политики. Однако сводить активность этой категории людей в области публицистики только к периодам социальной трансформации будет, на наш взгляд, не совсем правомерно. Общественно-политическое назначение публицистики практически не утрачивается никогда, оно только видоизменяется. Как полагает В.А.Сидоров, «в годы эволюционного развития событий пафос уступает место раздумьям, оперативность публикаций – неспешности и тщательности ее подготовки, потому что в этот период истории взвешенное, глубоко продуманное слово ученого, раскрывающего перед своей аудиторией новые проблемы социального бытия, означает не меньше, чем в драматические времена острых политических коллизий» [83, с.114].

Другими словами, несмотря на остроту социально-политических противоречий начала 90-х гг., занимавших отечественную прессу, представители русскоязычного сегмента таджикской публицистики, отбирая наиболее убедительные для аудитории факты реальности и желая показать глубинные процессы общественной жизни в максимально обобщенных представлениях, обращались к теме человека, через жизненные эпизоды которого находили отражение те или иные проблемы общества. Так, в очерке Н.Морозовой «Крепче за Нурек наш держись, шофер!» в деталях были изложены общие проблемы и особенности строительства Нурекской ГЭС. *«Завидными были в ту пору заработки белазистов, но нелегко давались. Представьте, каково мотаться между карьерами и плотиной, особенно в июльское пекло, когда к нему добавляется жар от бешено работающего мотора, а дать ему и себе передохнуть невозможно: ты – звено в цепи таких же работаюг, не задерживать же следующих за тобой посреди дороги»* [165]. Так, через такие детали,

как обязанности и трудности работы шофера, Н.Морозова описывает динамичный и жесткий темп республиканской стройки.

В начале 90-х г.г. для русскоязычной публицистики центром внимания становится незаурядная, интересная человеческая личность, с ярко выраженным характером, заметно отличающимся от окружающих его коллег и друзей, своим видением мира. Так, в ходе анализа нами установлено, что наибольшим интересом для журналистов русскоязычных изданий на протяжении всего исследуемого периода пользовалась личность человека, чей жизненный путь отмечен испытаниями и невзгодами, выпавшими ему за годы Великой Отечественной войны. В частности, в «Народной газете» в каждом номере издания с января по май 1995 года в рубрике «К 50-летию великой победы» размещены очерки, посвященные тому или иному ветерану ВОВ. Вот некоторые из них: «За Берлин – орден Александра Невского» [160], «Хотя фронт был далеко...» [162], «Солдатская правда» [155], «О молодых тревога ветерана» [148], «Воин и учитель» [157] и др.

Одним из продуктивных принципов публицистического творчества 90-х годов XX века - обостренное внимание к людям имеющим свою позицию относительно происходящих социально-политических событий в республике, к собственной истории. Приметой времени стала нарастающая волна публикаций в периодической печати, посвященных различным проблемам, событиям, лицам недавнего прошлого. Неслучайно, внимание русскоязычных газет, как и многих таджикоязычных изданий, журналистов и писателей было приковано к различным аспектам общественной жизни суверенного государства. Русскоязычная публицистика стала больше степени заботится о необходимости трансформации способов и методов воздействия на массы, а следовательно формирования общественного мнения. Тем не менее, события 90-х гг. не могли не затронуть русскоязычную публицистику Таджикистана. Отображение общественно-политической ситуации в контексте социальной действительности не носило агитационно-пропагандистского характера, преследующего интересы той или иной политической силы.

В ходе анализа прессы того периода нами выявлены значительные по объему публикации, отображающие трагические события 90-х гг. Однако среди них материалы, соответствующие жанровым и типологическим требованиям публицистики, присутствуют в незначительном количестве. В качестве примера можно привести очерк М.Некрасовой «На горе», непосредственно посвященный событиям тех лет, написанный автором после посещения лагеря полевого командира Бахрома, захватившего в заложники группу представителей ООН и журналистов.

Данное произведение – один из множества эпизодов, из которых складывалась история независимости молодого таджикского государства. Однако перед нами не «сухая» информационная заметка или сообщение, а материал, совмещающий художественность и достоверность, пропущенный автором через собственное «я». К примеру, так видится М.Некрасовой специфика работы журналиста в условиях гражданской войны:

«...журналистские командировки в Таджикистан стали смертельно опасными. Но ведь всегда думаешь, что уж со мной-то ничего не случится! Это потом, когда маятник твоей жизни мечется между «вернешься – не вернешься», и амплитуда все шире, точки ее становятся все более крайними – «убьют – не убьют»... Это потом понимаешь, насколько она неромантична, твоя профессия, и какая она собачья, вся эта жизнь. Жизнь, к которой у каждого свои требования...» [168].

«Реальные процессы, события действительности и их особенности раскрываются публицистом как явления объективного мира. И он вправе высказать к ним свое отношение, передать свои мысли и чувства, которые подсказала ему собственная жизнь. Говоря же о себе, он на самом деле говорит об общем, о человечестве, обществе и его эпохе как их представитель и современник» [125, с.35].

Затем автор стремится ввести своего читателя в ту атмосферу, в которой происходят изображаемые им. *«Шли переговоры по рации. Бахром психовал, говорил, что правительственные войска его провоцируют, что бронетехни-*

ка стягивается к райцентру Оби-Гарм и что таким путем собираются освободить заложников, не выполнив требования боевиков. Вполне возможно, это была все та же игра. Она так переплелась здесь с обычной жизнью, что граница почти стерлась. Боевики говорили, что действуют по принципу политики Маргарет Тэтчер(!): оружие им нужно не для ведения боевых действий, а для демонстрации силы и независимости. Требование к властям заключалось в следующем: переправить из Афганистана отряд Ризвона Содирова – в обмен на заложников. Всем было понятно, что выполнение этих условий могло иметь самые негативные последствия для республики, осложнить ход межтаджикских переговоров, – ведь репутация членов отряда была отнюдь не безупречной. Станут ли вытаскивать заложников такой ценой? Тем более, что закулисная игра всегда важнее спектакля на сцене. Игра шла непростая. Вот Бахром хочет выступить в качестве «третьей силы» на межтаджикских переговорах. Потом «забывает» об этом. Декларируются вещи, которые и так лежат на поверхности: нестабильная обстановка в республике, плохая жизнь народа... Положение усугубилось двумя новыми акциями Бахрома: в центре Душанбе среди бела дня были захвачены две машины ООН, а в них - еще четверо заложников. После этого из Душанбе эвакуировались все международные организации...» [168]

В социальной действительности обозначился новый вектор проблем, например, борьба с незаконными бандформированиями, в руках которых в 90-е гг. находилось значительное количество огнестрельного оружия. Именно эта проблема затрагивается А.Ширяхиным в очерке «Сомненья прочь, уходит в ночь». В данном произведении автор акцентирует внимание на одном эпизоде из повседневной жизни сотрудников уголовного розыска МВД республики. Посредством коротких зарисовок, диалогов, деталей, создающих художественную картину очерка, передается атмосфера, в которой приходится работать милиционерам, опасности и сложности их нелегкой профессии. Так, через монолог главного героя произведения, командира группы Максуда Насырова, автор обрисовывает проблему, ставшую особенно актуальной в

первые годы суверенитета. *«Положение тяжелое. Мало того, что оружие попало в распоряжение политических группировок различного толка, враждующих между собой, – уголовный мир тоже не сидел сложа руки. Поэтому сейчас особенно важно эти автоматы изъять. Иначе они могут заговорить в самом недалеком будущем»* [180]. Публицистические произведения, опубликованные на страницах русскоязычных изданий в период 1992-1997 гг., привлекают наше внимание и являются ценными не только по той причине, что в них достоверно и объективно изображена жизнь общества, история современности, а также значимые социальные проблемы, но также и тем, что в них автор отразил нравственные качества и собственную биографию как исторического деятеля своего времени. Привязанность к хорошо отработанной собственной теме в публицистическом произведении способствует яркому и выпуклому отображению образа самого автора. И это вполне закономерно по той простой причине, что публицист не только переходит от темы к теме, не только следует за логикой событий, за реальным движением- историей, но и сохраняет логику собственного развития, собственной приверженности проблематике и манере письма. Подобная логика собственного развития и составляет духовную биографию публициста. Она интересна сама по себе, входит как исторически реальное и значительное явление в общую летопись эпохи, в историю духовной жизни народа. Одновременно публицистика – творение человеческого ума, его силы и направленности. За каждым из дошедших до читателя произведений стоит человек, автор-создатель, И он сам, его творческий замысел вызывают не меньший интерес, чем тот, о ком публицист пишет. Таким образом, проблему личности в русскоязычном сегменте таджикской публицистики можно охарактеризовать такими параметрами: отображением человеческой личности, воздействием на нее и ролью личности как творца. При исследовании механизма аффективного воздействия на человеческий фактор, большой интерес представляют характеристика личности в публицистике, как и самого публициста. Личностный потенциал публицистики находится в прямой и нередко синхронной зависимости его субъ-

ектов: героя – автора – читателя. В этой триаде отношения взаимосвязанные – не будь их, публицистика как творческая деятельность потеряла бы свой природный смысл и назначение. Человек-герой, человек-публицист, человек-читатель составляют личностную структуру публицистического творчества. Личностный смысл является доминирующим в характере, целях и способах публицистического творчества. Вместе с тем, личностный аспект представляет возможность проявления в каждом из звеньев указанной цепочки /герой – автор – читатель/ индивидуального, самобытного, характерного.

Индивидуальность реальной человеческой личности, отображаемая и интерпретируемая как неповторимо целое, является тем центром притяжения, к которому тяготеют и вокруг которого как бы располагаются элементы публицистического произведения. Своим социально-политическим, интеллектуальным и нравственным содержанием оно достигает определенного общественного резонанса, вызывая у читателей сопереживание, настрой на ход мыслей и чувств автора, волевые действия, эстетическое наслаждение, удовлетворение запросов. Как правило, такие стороны восприятия публицистических произведений обеспечиваются за счет индивидуально-неповторимого в своем типическом проявлении, что роднит публицистику и художественную литературу, публицистику и искусство в целом.

Принцип изображения человеческой личности с позиций того, как она реализуется в деле, во всей системе общественных отношений, – основной в публицистике. Осмысливая природу публицистического творчества, необходимо подчеркнуть значимость личности в ее индивидуально-типическом проявлении. Здесь важны, как полнокровная публицистическая индивидуализация, так и отображение типического с политико-идеологических и эстетических позиций. Концепция личности и сфере массовой коммуникации, а равно и публицистики, должна реализовываться с учетом социально-биологической, поведенческой, социально-организационной, социально-реляционной, социокультурной сторон личности.

Сущность оригинальности личности определяется способностью к самостоятельности и самоутверждению, поддержанию стабильности своего «я», самоконтроля, умением регулировать собственное поведение и эмоционально-психические реакции, сохранять свое мнение, брать ответственность на себя и т.д. В публицистике важно уделять особое внимание актуализации связей, т.е. способствовать переводу имеющихся у человека знаний, умений, навыков, различных форм поведения, а также психических процессов представлений, мыслей, движений, чувств и т.д., из потенциального состояния в актуальное действие.

Посредством публицистического слова вырабатывается и укрепляется ценностно-ориентационное единство как показатель групповой сплоченности, интегральная характеристика внутригрупповых связей, отношений, установок, позиций и оценок в деловой и нравственной сферах, в подходе к целям и задачам значимости совместной деятельности. Для публициста, как и для писателя, концепция личности определяется социально-политическими и нравственно-философскими аспектами и их отношениями. Раскрывая через призму этих аспектов отношение личности к миру, к другим людям, к своему делу, к самому себе, публицист приходит к выводу о наиболее доминирующих чертах современника: патриотизме, коллективизме, деловитости и т.д. При этом они воплощаются в конкретном образе, характере личности, ее делах и поступках как данности социально-психологической сущности человека.

В публицистике личностное восприятие тождественно индивидуальному в действительности. Это обстоятельство накладывает особые обязанности на творца, ведь глубина раскрытия личности находится в зависимости от меры, частоты, степени проявленности ее в жизни. В структуре конкретного произведения выявляются взаимосвязи объекта отображения и мастерства публициста, личности героя и личности автора, человеческого «материала» и умение творца акцентировать внимание на главном, в действиях и характере героя. Эффект своеобразного «укрупнения» человека – одна из творческих

установок в публицистике. Естественно, что на самом способе отображения личности лежит печать самого творца, четко проявляются его отношение и позиция, манера работы с материалом и принципы отбора его, расстановка акцентов, умение раскрыть красоту и диалектику человеческой души, выбор изобразительно-выразительных средств.

Творческая индивидуальность включает в себя многие аспекты, среди которых главными являются умственные способности, обостренное чувство восприятия мира, интеллекта, характера, которые в совокупности создают сложную систему человеческого «Я». Определяющим является то, что публицист – носитель определенной социальной функции, и его социально-значимые черты играют огромную роль. Центральная фигура личностной триады публицистики – автор. Главное в понятии «личностное публициста» то, насколько публицист гражданственен, насколько его личные устремления проникнуты общественным интересом, каковы его интеллектуальный, эмоциональный и волевой потенциалы, как тесно связаны два пласта его бытия – социальный и личный. Личностное публициста – это своеобразно развертывающийся в творческой деятельности процесс внутреннего осмысления и синтеза социально-политического и материально-культурного опыта человечества для решения актуальных задач современности, которые могут иметь и оперативный, и продолжительный характер.

Индивидуальность автора проявляется намного ярче в публицистическом произведении чем в художественной литературе. «Я» автора публицистического произведения определяет «накал», ритм, динамику произведения, стиль письма. Задавшись целью увидеть в единичном не только частное, но и общее, их связи и противоречия, публицист часто приходит к обобщениям, выражая собственные мысли с опорой на непосредственные жизненные представления, что позволяет ему достичь авторского эффекта самовыражения. Нерасторжимое диалектическое единство частного и общего, субъективного и объективного, индивидуального типического, гармоничного един-

ства значимых социально-политических, интеллектуальных, нравственных и творческих начал составляет суть личности публициста.

Рассмотрим конкретный пример – очерк М.Г.Некрасовой «Н-ская застава, южная граница», опубликованный в одном из январских номеров «Народной газеты» в 1995 г. Автор, описывая мельчайшие детали, стремится создать у читателя соответствующую атмосферу, наравне с читателем почувствовать окружающую ауру. Каждая деталь не просто описание увиденного, но и пропущенное через автора восприятие окружающего мира, что и придает данному жанру художественность: *«Желто-серые дали. За ближней цепью сопок – еще одна. Точно такая же, за ней – еще... Землю сковали усталость и лень. Сухо. Глиной пахнет дувал – так по-таджикски называется глиняный забор, которым обведена застава, толстый, с окошками-бойницами дувал, дающий приют цветам и змеям. Они гнездятся и в траншеях на стрельбище, где мы играем в войну. Стенки траншей пересыхают, обваливаются, в блиндаже паутина, полумрак, ничего не различишь после слепящего солнца, что-то шевелится, шуришит, и пулей вылетаешь обратно – к жаре, к выцветшему небу. Ничто не предвещает реки. Густые тугайные леса надежно охраняют подступы к ней. И вот – неожиданно она всплывает и гремит перекатами, и тем дорожке эти тугие серо-синие струи, их ледяное прикосновение. Стоит валуну вынырнуть из воды – и светлое сухое пятно появляется на нем – это солнце вторгается в реку. Редки прибрежные деревья, но под их ветвями река темнеет таинственно, и всплывает в памяти жутковатое слово «омут». Кажется, что ходят у самого дна огромные темно-зеленые рыбы, и ещё невесть что таится в темных глубинах. Как тут не вспомнить историю о мотоцикле: Колька с пятой заставы мыл его в речке, на перекате; мощным течением туда вынесло сома, который смел и мотоцикл, и его хозяина, благо, было неглубоко... И снова хочется солнца, сверкающей чешуйчатой ряби на воде, красок, блеска, которыми так богато таджикское лето...» [158].*

Подтверждая тезис о значении роли автора в публицистическом произведении, исследователь Е.Журбина приходит к выводу, что автор – есть главное действующее лицо, которое выстраивает череду фактов, рефлексий, публицистических выводов [28, с.130] предоставляя читателю возможность тем самым воспринимать события, вкрапленные в канву сюжета от первого лица. Так, в очерке А.Николаева «Ущелье Красных Скал» действительностью становится бой с отрядом афганских моджахедов: *«Снова все ирреально красное: наши флаги, наши лица и руки, низкое солнце в закатном небе над ущельем Красных Скал – весь мир смешался, клубясь в неистовом огненном вихре... Будто неведомая сила подняла меня, осторожно подхватила и понесла... понесла... понесла... Внизу «броня», опрокинутая чьей-то могучей рукой, ушла с откоса, кувыркаясь, как цирковой медведь и перемалывая «шурави»... Тех, кто не попал в ее жернова, поглотил огненный смерч... Еще вспышка – сдетонировал боекомплект... Яркая молния ударила в замыкающую «бээмпуху», прямо под башню, без лишних церемоний разбрасывая десант... Бэтээру взводного повезло больше: душман прицелился плохо, и граната прошла мимо. Отделение мигом рассыпалось по камням...»* [170, с.25].

Автор не просто описывает увиденное, отдельными штрихами создавая полотно произведения, но и пытается раскрыть перед читателем особенности и трудности военного ремесла, тесно связанного со смертельным риском. Детализация с опорой на художественность позволяют окунуться во внутренний мир автора, проникнуться его чувствами и мыслями, которые сопровождают его в момент боя. *«Неведомые ангелы все так же нежно опустили меня на дорогу в полтора десятках метров от дымящейся воронки... Лежу, обнимая предательскую колею... Медленно поднимаю голову: мир багровый – это кровь... Моя кровь. Она заливает глаза, струится по лицу, солёно трещит на зубах... Удивительно: разодранные до крови пальцы не выпустили «ствол»... Руки-ноги, кажется, целы... Не могу сориентироваться: такое ощущение, будто «духи» бьют отовсюду. На дороге я – легкая добыча... Собираюсь в комок. Прыгаю вперед, поднимаюсь и бегу, пригибаясь к ворон-*

ке, ныряю. В нос бьет острый запах горящего пластика и каленого железа... «Итальянский фугас», – мелькает короткая мысль... Опускаю предохранитель, сквозь пелену в глазах и едкий дым пытаюсь разглядеть противника... Ага: вижу... Прицеливаюсь, как получается, саднящим пальцем жму курок...» [170, с.26].

Важно подчеркнуть, что образ героя не всегда находится в прямой связи с реальной личностью, при том может адекватно проявляться в произведениях, кроме того сам публицист не стремится в каждом случае следовать этой схеме. И все же в той или иной мере в произведении создается нравственный, эмоциональный образ, облик создателя, как бы духовный автопортрет публициста. Текстовые и внетекстовые показатели личности в целом вытекают из ситуационной роли автора, его близости к сюжету и читателю. И образ автора может иметь формирующие признаки и в одной публикации, и в нескольких, как и в индивидуальном и общественном сознании читателей.

На наш взгляд, значение лучших образцов русскоязычной сферы таджикской публицистики начала 90-х годов XX в. было не столько в их взаимосвязи творческого и социологического освоения социальной действительности, сколько в некотором «очеловечивании» концепции социума. Журналисты стали тогда писать о человеческих проблемах – любви, семье, дружбе, смысле жизни, нравственном поиске и т.п. Человеческий фактор не только завоевал право на существование, но и стал постепенно оттеснять политический, подготавливая почву для новых раздумий и безответных вопросов. Каждая более или менее свежая газетная или журнальная публикация стимулировала следующую. Это был постепенный, но закономерный процесс, где за одним шагом неизбежно следовал другой. Оставляя в стороне содержательную сторону проблемы, необходимо отметить, что освоение методики критического восприятия действительности через актуальный и генеративный ракурсы, позволило русскоязычным авторам обозначить и исследовать как общественно-значимые проблемы, так и стоящие за ними компоненты национальной культуры. Для журналистов русскоязычных изданий такими

факторами в отражении социальной действительности, как и в предшествующие периоды, стали размышления о простом человеке.

ГЛАВА III.

ЖАНРОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ТАДЖИКИСТАНА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

3.1. Художественная публицистика и ее актуальность в русскоязычных изданиях республики 1992 - 1997 годов

В современной теории публицистики до сих пор не выработано целостное представление о системе публицистических жанров. Одна группа исследователей, таких как М.И.Стюфляева, М.С.Черепанов, В.В.Ученова, В.И.Здоровега, В.М.Горохов, Г.Я.Солганик, Ю.Суровцев не уделяет проблеме классификации достаточно внимания. Представители другой группы исследователей предметно анализируют какой-нибудь один из жанров публицистики. Так, например, Н.И.Глушков, Т.А.Беневоленская в своих работах пристальное внимание уделяют очерку; у Е.И.Журбиной в качестве объекта выступает фельетон; Е.П.Прохоров рассматривает публицистическое обозрение, эпистолярную публицистику и т.д. Некоторые ученые (А.А.Грабельников, Л.Е.Кройчик, Г.С.Мельник, А.Н.Тепляшина, С.Г.Корконосенко, В.В.Ворошилов, А.А.Тертычный, М.Н.Ким и др.), хотя специально занимаются вопросом классификации жанров журналистики, в своих трудах исследуют лишь одну из подсистем публицистических жанров.

Следует отметить, что классификация жанров публицистических материалов достаточно сложная задача, причём не столько потому, что, с конца прошлого века, для печатных СМИ стало характерным типологическое и стилистическое разнообразие текстов, а скорее потому, что определить однозначно жанровую принадлежность многих газетных публикаций практически невозможно. «Не случайно же понятие «жанр» постепенно вытесняется понятием «текст», которое объединяет речевые произведения разных жанров, но при этом не учитывает их отличительных особенностей. Однако следует заметить, что тенденция доминирования «текста» над «жанром» не лишена оснований» [134, с.96]. Так, Е.Е.Пронина, исследуя психологию журналистского творчества, при анализе всего разнообразия журналистских материалов

специально не прибегает к использованию термина «жанр», расставляя тем самым новые акценты в теории жанров журналистики, использующей современные информационные технологии [64, с.120]. Прежде чем описать подходы к решению проблемы жанровой классификации публицистических материалов, необходимо, как нам кажется заострить внимание, прежде всего, на самом понятии «публицистический жанр», которое, наряду с другими категориями неоднократно переосмысливалось в контексте современных представлений о профессиональной деятельности СМИ. «Содержание понятия «жанр», действительно, непрерывно изменяется и усложняется. Подлинное творчество многолико, оно не любит рамок и всегда нацелено на поиск новых путей самоусовершенствования – это не требует никаких доказательств» [143, с.107].

В общем виде понятие «жанр» принято рассматривать как класс текстов. Ретроспективный взгляд на процесс изучения жанров позволяет нам констатировать, что подавляющее большинство исследователи выделяют основополагающий признак жанра – устойчивость и повторяемость. Определение рассматриваемого понятия, сводящееся к утверждению о том, что «жанры – это устойчивые группы публикаций, объединенные сходными содержательно-формальными признаками» [85, с. 45], в теории журналистики считается общепринятым. Эта общепринятая традиционная в науке дефиниция не вызывает возражений, поскольку для жанров свойственно строгое сохранение, неременное атрибутивное проявление своих родовых признаков, хотя с течением времени они подвергаются различного рода модификациям. «Эволюция любого жанра есть диалектический процесс сохранения основных его признаков и развития их взаимоотношений в результате взаимодействия с другими жанрами» [79, с. 139]. Однако вышеприведенное определение, выдержанное в исторических традициях, нуждается в уточнении, так как оно абстрагировано от «человеческого фактора», столь важной составляющей современного журналистского творчества, где сегодня большую роль играет личностное начало, обусловленное выдвиганием на первый план той сторо-

ны категории автора, которая позиционирует его как творческую индивидуальность. Поэтому в контекст новых научных представлений о СМИ весьма удачно вписывается дефиниция публицистического жанра, предложенная Л. Е.Кройчиком. Подводя итоги общей характеристики публицистических жанров, включающей не только их морфологические и типологические признаки, но и аксиологические, творчески-созидательные, Л.Е. Кройчик пришел к мнению о том, что «публицистический жанр – это относительно устойчивая структурно-содержательная организация текста, обусловленная своеобразным отражением действительности и характером отношения к ней творца» [43, с.135].

Среди значительного многообразия научных взглядов о жанровой структуре публицистики, на наш взгляд, следует особо обратить внимания на позицию Г.В.Лазутиной и С.С.Распоповой, авторов работы «Основы журналистского творчества». Эти исследователи связывают данное понятие не с текстом, а с целостным представлением о творческой деятельности. «Для нас жанр, - считают они, - не тип текста, не «группа текстов, обладающих устойчивыми содержательно-формальными признаками», а вид определенного творчества, отмеченный устойчивыми особенностями не только на уровне продукта (текст), но и на уровне способа деятельности» [47, с.8].

Исходя из такой трактовки, выделяются жанры очерковой журналистики (житейская история, зарисовка, очерк, эссе) и смеховой журналистики (юмористика, сатирическая заметка, фельетон, памфлет). К общим признакам художественно-публицистических жанров следует отнести публицистичность, художественность и сатиричность (за исключением очерка и эссе). Публицистичность проявляется в актуальности и злободневности тем, к которым обращаются публицисты. Если для информационных и аналитических жанров журналистики больше присуща бесстрастность в изложении и трактовке фактов, то публицистическим произведениям свойственны открытость авторской позиции, страстная эмоциональность, прямая обращенность к публике. Знаменитые теоретики по изучению очерка и очеркисты неоднократно

отмечали, что образ человека преимущественно отражается в очерке не посредством представления и воображения, а на основе длительных наблюдений. Публицист ограничен реальностью. Он отражает человека и несёт ответственность за его дела и поступки, а не изображает вымышленную личность.

На наш взгляд, публицистику можно охарактеризовать как часть литературного творчества, как полноценное эстетическое явление. Главным образом это касается жанра очерка. Многие исследователи не дифференцируют роды словесного творчества как формы познания действительности, говоря о публицистике как о своеобразной разновидности словесного искусства. Мы считаем, что публицистика расширяет круг художественно-эстетического освоения действительности писателем. Некоторые ученые не считают очерк исключительно жанром публицистики. Теоретики публицистика интересуют и как определенная тенденция в литературном процессе, и как важная сторона творчества того или иного художника - писательская публицистика и публицистичность в художественной прозе. В этой связи наша позиция такова, что жанр очерка - пограничный, он воплощает как риторические признаки публицистики, так и признаки художественной литературы (образность, сюжетность), детерминированные, однако, самой логикой развертывания публицистического дискурса. Модусы объективного анализа и рефлексии, с одной стороны, и повествования (художественного изображения), с другой стороны, сложным образом взаимодействуют, их сочетания образуют переходные формы, поэтому строго определить жанровую форму того или иного текста в публицистике писателей (статья, эссе, очерк) зачастую оказывается невозможным. Публицист-очеркист, владеющий даром слова, воплощает всеобщее стремление выразить свой мир и себя, и в этом он подчиняется природному импульсу человеческой природы, а вместе с тем становится выразителем тех людей, кто не обладает способностью творческого самовыражения посредством слова. У такого очеркиста склонность к самовыражению обретает особую силу, ему кажется, что она является необходимым прило-

жением к его жизни, фактором, усиливающим её. Особенность творческого вдохновения очеркиста состоит в том, что его невозможно вызвать в результате какого-то принуждения, его можно только культивировать или стимулировать. Оставив в стороне случаи, когда творческая личность от рождения сохраняет способность использовать свои подсознательные функции более свободно, чем другие люди, которые возможно, потенциально являются в равной степени одарёнными.

Как отмечает В.И.Шкляр, «публицистичность в литературе – это не только непосредственный отклик на общественные явления, но и глубокий их художественно-психологический анализ в органичном соединении с силой политического напряжения. В ней – проявление искусства аналитической, постоянно пульсирующей мысли, способной вызвать ответную реакцию мыслей, чувств, действий. Публицистичность в литературе обладает действенным, целенаправленным характером» [103, с. 28]. М.Д.Феллер со своей стороны к общим категориям публицистического жанра причисляет оценочность, высокую эмоциональность, слитность, наличие четко сформулированного призыва, меньшую детализированность, большую широту значений, малую жесткость связей и т.д. [96, с.71]. По мнению исследователя, едва ли не наиболее характерной чертой публицистики является высокая ритмичность произведений, будоражащая мысль читателя и приносящая ему эстетическое наслаждение. Этот ритм публицистического произведения возникает благодаря интеллектуальной насыщенности, порождающей насыщенность эмоциональную [96, с.145-147].

Исследуя жанры публицистики, К.А.Долинин пришел к убедительным выводам, что для них характерны следующие жанрообразующие признаки: эксплицитная адресованность к большой группе людей, актуальность, направленность на определенную неречевую действительность, предписывающий характер, ролевой характер (адресант выступает как политический лидер), определенная абстрактность аргументированность, эмоциональность, наличие внутренней структуры, монологичность [24, с.69]. Ряд авторов отме-

чают проповедческую, гиперболическую приподнятость текстов публицистических жанров [104, с.226]. Следует также обратить внимание на ряд исследователей, полагающих, что «в публицистике происходит стилевой процесс сокрытия авторского «я» [1, с.204]. Однако нам со своей стороны хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство: если в произведении, тяготеющем к публицистике, авторское «я» и не фигурирует так явно, как хотелось бы, то данный факт по сути ничего не изменяет в сугубо персонализированном, авторском характере материала. Именно по этой причине еще одной характерной особенностью публицистического произведения необходимо признать отражение в нем ярко выраженного авторского отношения к теме и проблематике. Трудно также согласиться с мнением О.В.Соболевской, что «публицистике свойственна максимальная редукция психологизма и детализации, сведение символизации и произвольных ассоциаций к необходимому минимуму [80, с.837].

Также обратим внимание и на такое обстоятельство, как право автора-публициста на обладание широким спектром самовыявления. Основные задачи, решаемые в ходе создания образа автора (вне зависимости от жанра публицистики), заключаются в следующем: журналист как носитель идейного замысла произведения, во-первых, должен четко обозначить свою мировоззренческую позицию в отношении описываемых событий и, во-вторых, постараться проявить свою творческую индивидуальность. Данное положение, по мнению Ким, обусловлено тем, что «в публицистическом произведении читатель имеет дело не с вымышленным образом, а с вполне реальным лицом, т. е. с личностью публициста» [40, с.359].

Риторическая природа публицистических жанров заставляет учитывать при их выделении не только текстуальные признаки (структуру, композицию), но и коммуникативные, поскольку целостность публицистического произведения обеспечивает целостность мысли. Исходя из этого, классификация жанров публицистики возможна путем выделения в них таких общих жанрообразующих доминант, как предмет высказывания и позиция автора

(способ авторского действия, тип авторского поведения), который раскрывается, с одной стороны, в отношении предмета, с другой – в отношении адресата (коммуникативное намерение).

Таким образом, объединив все жанрообразующие признаки публицистических текстов, затронутые в работах тех или иных исследователей, но исключив те из них, которые относятся к литературному творчеству, этот список будет включать следующие показатели этого жанра: актуальность, злободневность, воздействующий на сознание и чувства читателя характер текста, всеохватность тематики, наличие пафоса (призыв, агитация, убеждение), стилистическая упорядоченность текста, многослойность смысла, обобщенность, эмоциональное нагнетание, прием лексического напряжения, оценочность, слабая детализированность, высокая ритмичность, адресованность, предписывающий характер, аргументированность, монологичность, проповедческая приподнятость, полемичность, тенденциозность.

Публицистические жанры на всех этапах развития русскоязычного сектора таджикской публицистики занимали важную позицию как средство выразительной реакции на злободневные, актуальные темы и проблемы общества. За более чем 80-летнюю историю русскоязычных изданий публицистические тексты были представлены на их страницах широкой палитрой жанров, которую составляли зарисовка, путевые заметки, очерк, эссе и фельетон. Более подробно в следующем разделе мы остановимся на очерке, как наиболее распространенном и востребованном публицистическом жанре русскоязычной журналистики исследуемого периода.

3.2. Особенности жанра очерка в русскоязычных печатных СМИ периода 1992-1997 годов

Очерк принято считать пограничным на рубеже документального и художественного жанров, сущность которого – в сочетании исследования (документальность материала) и рассказа (художественность). Построенный на строгом соответствии реальности фактов, оперирующий невыдуманными отношениями действительных героев, очерк облекается в художественно-обобщенную форму; для сообщений этого жанра характерна образность характеристик, значительная степень типизации [6, с.197].

Слово «очерк», по мнению некоторых ученых, русского происхождения и было введено в оборот советским писателем А.М.Горьким, который якобы произвел его от глагола «очерчивать», т.е. описывать определенный круг явлений и проблем [5, с.304]. В этом смысле оно близко к словам «эскиз», «набросок», и подобное его значение достаточно точно соответствует сущности рассматриваемого художественно-публицистического жанра. Однако сам тип публикаций, которые называют «очерками», естественно, существовал и до Горького [174, с.77]. По мнению В.А.Алексеева, в мировой журналистике первые прообразы очерка появились в Англии в XVIII в. Они представляли собой бытовые, нравоописательные сценки из лондонской жизни того исторического периода. При этом жизненные коллизии отдельной личности становятся объектом литературного и журналистского описания [3, с.9].

В первой трети XIX в. в очерковом жанре писали такие известные писатели, как Л.Берне, Г.Гейне, В.Гете и другие. К родоначальникам русского очерка относят В.Г.Короленко, А.П.Чехова, Г.И.Успенского, Н.В.Успенского и др. Значительное число выдающихся мастеров словесности зарекомендовали себя как профессиональные очеркисты в период существования советской журналистики, например, М.Е.Кольцов, Б.Н.Полевой, К.М.Симонов, А.А.Бек, А.А.Аграновский, В.В.Овечкин, Г.Н.Бочаров и многие другие [85, с.239].

Среди русскоязычных журналистов Таджикистана, представлявших республику в центральной советской прессе и передававших мечты и надежды таджикского народа другим советским народам посредством печатных изданий, в очерковом жанре заметно проявили себя уже упомянутые выше Гоиб Каландаров, Нурмухаммад Табаров, Масъуд Муллоджонов, Насрулло Асадуллоев, Умед Бобохонов. Среди этой группы важное и особое место занимал Отахон Латифи, публицистические работы которого охватывали все важные социальные темы, в которых всегда отражался образ таджиков. С момента выделения очерка из цикла литературных жанров неоднократно разгорались дискуссии, связанные с выявлением его характерных признаков, специфики, природы, функций и задач.

В 20-е гг. XX в. литературоведы и писатели дискутировали по поводу того, является ли очерк литературным или сугубо публицистическим жанром.

В 40-е гг. утвердилось мнение, что под очерком следует понимать «короткое повествовательное произведение, основной целью которого является образная иллюстрация или образная информация» [63, с.142].

В 50-е гг. Б.Полевой предпринял попытку дать более развернутую характеристику данного жанра. Исследователь однозначно полагал, что «...очерк является самостоятельным литературно-художественным жанром, находящимся на вооружении газеты. В отличие от других жанров публицистики он содержит элементы художественного, образного описания; в отличие от литературных жанров он основывается на конкретных фактах, содержит элементы публицистики, исследования» [40, с.368].

В 60-е гг. разгорелась полемика по поводу отличия очерка от других малых литературных форм.

В 70-е гг. характерной особенностью исследования очерка стало углубленное видение природы очерка. Исследователи рассматривают вопросы, связанные с законами выстраивания документального образа человека, опре-

деляют роль автора в очерковом произведении, обсуждают проблемы поэтики жанра и т.д.

Наконец в 80-е гг. в качестве доминанты проблемы становится изучение специфики отображения личности в публицистике. Помимо этого, исследователи всерьез размышляют о продуктивно-творческом взаимодействии очерка с художественной литературой, наукой и искусством. Как мы уже отмечали выше, в русскоязычных изданиях Таджикистана большое развитие очерк получил с начала 1930-х годов, что было связано как с появлением газеты «Коммунист Таджикистана», которая в указанный период стала издаваться с большей периодичностью и с более качественными публикациями, «так и с расцветом жанра очерка в период социалистической реконструкции» [116, с.166]. Также было отмечено, что наибольшей востребованностью стал пользоваться портретный очерк, посредством которого русскоязычная печать стремилась создать картину, отображающую жизнь и судьбу простого таджикстанца. Необходимо подчеркнуть, что личность в данном случае выступала именно как общественное явление, то есть рассматривалась и в своей индивидуальности, и как выражение характерных – в большей или меньшей степени – для современного общества тенденций и противоречий. Таким образом, социальное в очерке исследовалось через личностное, представляя «очеловеченным». Поэтому для очерка в русскоязычных изданиях республики был характерен психологизм, внимание к внутреннему миру людей. Учитывая тот факт, что социалистическое общество осуществляло движение в сторону прогресса, основанного на гуманизме, признавая человека высшей ценностью, очерк в итоге оказывался среди самых востребованных практикой жанров. Следует отметить, что и в том случае, когда очерк посвящался не человеку, а именно явлению социальной действительности (например, кишлаку в отдаленном районе страны с его особым жизненным укладом и традиционной нравственностью), оно все равно исследовалось через призму «очеловечения». Критерии, измеряющие человеческую сущность, появляются благодаря рассмотрению фактического материала через роль в социальной

действительности людей, а также благодаря авторскому – тоже личностному, человеческому – подходу к его осмыслению.

Функцией портретного очерка на протяжении всего развития русскоязычной печати являлся художественный анализ социальных явлений и человеческих личностей. В отличие от системного логического анализа, применяемого, например, в аналитическом жанре статьи, художественный анализ характеризуется субъективностью, соединением логической оценки изучаемых явлений с эмоциональным переживанием автором обнаруживаемых в них тенденций и проблем. Публицист самостоятельно выбирает те аспекты в предмете исследования, на которых он сосредоточит свое внимание в тексте очерка. Результаты художественного анализа очеркист, как и художник, представляет в форме образов, однако публицистический образ существенно отличается от художественного. Его основное отличие определяется таким важнейшим свойством, как документальность – образ в публицистике всегда создается на основе реальных фактов, причем факты не могут искажаться при их авторском, субъективном отражении.

В первые годы суверенитета, несмотря на отток профессиональных журналистов, зарекомендовавших себя в публицистике, портретный очерк укрепил свои позиции в ряде русскоязычных изданий, в числе которых находились «Народная газета», «Бизнес и политика», журнал «Памир». Их героями, как и в советский период, все так же оставался простой человек, через жизненные эпизоды которого журналисты отражали те или иные проблемы общества. Так, через судьбу простого жителя горной глубинки Махмуда Идиева А.Ларенок в своем очерке «Надежды и тревоги горной глубинки» смог в деталях передать общие проблемы и особенности жизни одного из отдаленных районов республики, жители которого постоянно сталкиваются со стихийными бедствиями. *«Попасть к председателю райисполкома Махмуду Идиеву оказалось не так просто: люди шли к своему раису по самым разным вопросам, но в основном с советами, что нужно сделать, чтобы быстрее*

ликвидировать последствия стихийных бедствий, которых в нынешнем году здесь было в избытке» [158].

Образ человека в портретном очерке принято обозначать искусствоведческим термином «характер». Здесь подразумеваются основные, наиболее значимые свойства конкретного человека, героя очерка, поскольку подробное воспроизведение личности в публицистическом тексте просто невозможно. Важную роль играет доминанта характера – основное свойство или комплекс взаимосвязанных свойств, которые определяют специфику, своеобразие личности человека в целом. Выделение доминанты позволяет обеспечить документальную точность отражения характера человека в его сущности (самом главном). Это главное обычно выводит героя очерка на уровень социального типа – типичного для определенной группы людей (широкой или, напротив, узкой) характера. Все другие значимые черты выстраиваются уже вокруг его доминанты.

Можно выделить два основных метода воссоздания характера реального человека (ведь он действительно воссоздается, а не создается, не моделируется автором по собственному усмотрению) в русскоязычной сфере таджикской публицистике – номинативный и динамический. В первом случае автор представляет характер героя в «готовом» виде – таким, каким он запечатлелся в его сознании, каким сам его увидел и как сумел понять. Например, в очерке «Старик и горы», опубликованном в одном из январских номеров «Народной газеты» за 1995 год, в описании главного героя Виктора Ивановича Титанакова ощущается личное авторское восприятие: *«Мы его почитатели, мы его поклонники. Мы – восторженная публика. Все здесь как на настоящем вернисаже по случаю далеко не ординарному – автору исполняется 80 лет... Кругом изменилось все. Изменились и мы. Но художник не хочет меняться. Он был и остался молодым... Он любит горы...» [148].*

Формирование и изменение характера в данном случае не изображается. Образ главного героя здесь предстает достаточно четко определенным, типич-

зированной, но несколько схематичным, ведь аудитория вынуждена верить автору, его прямым характеристикам, воспринимать героя с его слов.

Динамичный метод, напротив, основан на представлении характера в развитии, становлении, что неизбежно требует изображения человека в действии, отражения внутренних противоречий его личности и их преодоления. В этом случае характер предстает более «жизненным», убедительным, но может терять в смысле типологической определенности. Таким, например, предстает Малик, главный герой очерка «Лицом к лицу», в котором отражен один из многочисленных эпизодов гражданской войны в Таджикистане, когда таджик убивал таджика по политическим и идеологическим мотивам или на почве религиозных и национально-этнических взглядов. В начале повествования Малик изображается волевым и решительным человеком, поклявшимся уничтожить своего врага. *«Наконец-то Малик сойдется в беспощадной схватке со своим заклятым ненавистным врагом. Это будет его последняя встреча. Он уже слышит предсмертные крики, исторгнутые из груди его кровника. О, как долго он ждал этого часа, как мучился и терзался мыслью о неминуемой расплате»* [175].

Но придя в дом своего врага, Малик застал его за молитвой. *«Человек стоял на коленях спиной к нему, абсолютно беззащитный, повторяя «Аллах акбар, аллах акбар!»* Описывая характер своего главного героя в начале произведения, автор подчеркивает его решимость вступить в смертельную схватку, но Малик, увидев молящегося человека, растерялся. Он бессильно опустил автомат на землю. *В чертах его обветренного, покрытого щетиной лица пробежала растерянность, тоска, даже отчаяние. Божье слово стеной встало между ним и его врагом, которого он должен был убить. А вокруг стояла мертвая тишина»* [175].

В процессе исследования нами установлено, что в большинстве своем в очерках основным методом изображения характера реального человека является номинативный.

Не менее важным методом, посредством которого в портретном очерке создается документальный образ, то есть образ из реальной действительности, является типизация. Это – «выделение в изучаемом жизненном материале характерных для современного состояния общества в целом, то есть именно типичных закономерностей и тенденций, и представление их в публицистическом тексте в неразрывном единстве, синтезе с самим фактическим материалом» [188].

Типизация предусматривает два вида – собирательную и избирательную. При собирательной типизации в очерке, как правило, предстает некий обобщенный образ, в котором конкретные его воплощения учитываются в совокупности.

Например, житель районной глубинки Таджикистана – его обобщенный образ: из какой он семьи, работает ли он на государство или на себя, с какими трудностями ему приходится справляться, чем живет, к чему стремится и т.д. Или обобщенный образ ветерана ВОВ: его жизненный путь, первое боевое крещение, тяготы войны, надежды и стремления, с которыми он прошел Великую Отечественную войну. Избирательная типизация предполагает открытие общих типичных моментов в конкретных ситуациях и представление их через конкретный жизненный материал. К слову, общие для простых таджикистанцев характеристики выявляются на примере конкретного человека. Как выявил анализ русскоязычных изданий, в очерках исследуемого периода используется и собирательная, и избирательная типизация, но основную роль играет все-таки второй вид, ведь для публицистики как таковой всегда важна конкретная фактическая информация, и общие закономерности выявляются обычно через ее осмысление.

Например, у А.Ширягина – образ честного, бескомпромиссного, до конца преданного своему делу сотрудника уголовного розыска МВД республики рассматривается на примере конкретного человека – командира группы Максуда Насырова [180]. Также исследование показало, что в качестве средства создания документального образа в портретном очерке немаловажную роль

играет деталь – « значимая в идейном (смысловом) и художественном (эстетическом) плане фактическая подробность в публицистическом произведении» [188]. Использование детали, по мнению А.Садуллаева и А.Аминова, служит журналисту « для создания символического образа, для создания связей, для обрисовок событий и внутренних человеческих проявлений» [72, с.22]. Выделяя те или иные детали в очерке, автор тем самым выражает свое восприятие описываемых явлений и характеров, причем именно деталь является основным средством художественно-публицистической типизации, так как все остальные средства: портретная характеристика, речевая характеристика, характеристика действия, описание обстановки и пейзаж отображены с включением деталей. Как считает В.Шкляр, одна из функций портрета в публицистике заключается в том, чтобы «через выделение каких-то внешних деталей заглянуть в мир души человека, в мир его эмоций и чувств» [125, с.44].

Например, в очерке «В огне тени нет», посвященном российскому пограничнику, лейтенанту Олегу Хмелеву, описывая такую деталь, как холм, укрытый ночным мраком перед позицией десантно-штурмовой группы, автор пытается раскрыть душевное состояние героя, для которого эта возвышенность не просто часть рельефа местности, но олицетворение смерти, поскольку скрывает собой врагов, готовых вот-вот ринуться в атаку. *«Само обличье смерти, холм казался сплошной черной тенью, в которой вязли человеческие судьбы и из которой не было другого выхода, как только взорвать огнем эту непроглядную черноту»* [174].

Другими словами, в основе портретного очерка не просто описание человека, которое можно наблюдать в жанре зарисовки, но «через раскрытие характера этого человека, различных этапов его жизни показать его социальную значимость в его сфере деятельности, будь то производство на заводе или работа школьного учителя» [116, с.167].

Говоря о жанровых характеристиках портретного очерка в русскоязычных изданиях исследуемого периода, следует особо отметить, что ни одно из произведений подобного типа не обходится без представления в тексте про-

изведения особенностей внешности его героя (или героев), то есть портрета, благодаря чему эта разновидность публицистики и получила наименование – портретный очерк. В портрете автором, как правило, выделяются именно специфические, индивидуальные особенности внешности персонажей и особенности, характеризующие их внутреннюю сущность.

Вот как, например, описывает внешний облик ветерана войны Исмата Муртазаева автор очерка «Солдатская правда» Татьяна Каратыгина: *«Что-то удивительно милое и трогательное было в его лице, глаза, казалось так и бегали из стороны в сторону, как две загнанные светлые точки, словно боялись, что их непременно настигнет что-то тёмное и ужасное, но при этом от них исходил такой тёплый и приятный свет, что это невольно вызывало улыбку. Он был таким же веселым и беззаботным. Только при пытливом взгляде пронизательного человека можно было заметить, как сильно осунулись его плечи, как слегка впали глаза, как сохли руки... А какие это руки! Продолговатые, с выпирающими костяшками пальцев, посеревшие, измученные бесконечным держанием автомата и гранат... Сколько фронтовой пыли и крови осталось на этой состарившейся коже!»* [155].

Речевая характеристика также неизменная деталь портретного очерка. Посредством речи главного героя произведения – характерную лексику, манеру произносить слова, речевое поведение в определенных ситуациях и т.д. создается представление типичных особенностей личности героя. Например, через прямую речь главного героя уже упомянутого очерка «В огне тени нет» в момент, когда необходимо было принять трудное решение, автор стремится создать впечатление о командире группы как о человеке, знающем свое дело: *«Да, высоту брать нельзя. И выбор у нас невелик – смерть с позором от рук этих головорезов или смерть от арналета своих. Ну так что, пацаны, что выбираем?»* [174].

Как показало наше исследование, речевые детали присутствуют в высказываниях героя, включаемых в текст очерка в качестве прямой речи, диалога с другими героями или характеризуются самим автором. В портретном

очерке, как мы выяснили, часто используется и описание обстановки (предметный мир, описание вещей, окружающих человека и воплощающих его внутреннюю сущность, что всегда важно в очерке) и пейзаж (описание живой природы), которые также служат для характеристики героя, для передачи его эмоционального состояния в данный конкретный момент.

Например, в очерке «Старик и горы» автор особо акцентирует внимание на предметном мире своего героя – картинах. *«Его картины повсюду – висят на стенах, стоят у шкафа, на полу. Все здесь как на настоящем вернисаже»* [148]. А в очерке «В огне тени нет» помимо холма, скрытого темнотой и ассоциирующегося у героя со смертельной опасностью, предстает и такая деталь ночного пейзажа, как луна, которая также дополняет представление об эмоциональном состоянии персонажа. *«Без четверти одиннадцать со стороны Афганистана вошла луна. Источая мертвенно-бледный свет, она высвечивала наши лица, которые казались лицами мертвецов, освещала наши позиции – окопы, склады, вышки. Это была не та луна, что мы привыкли видеть из окна родного дома. Это была чужая луна, напоминавшая нам о близости смерти...»* [174]. Все средства очерковой типизации действительно основываются на выделении существенных деталей – портретных, речевых и др. – и их акцентировании в тексте очерка [188].

Кроме указанных разновидностей очерка, свое место на страницах русскоязычных изданий первой половины 90-х гг. занимал и путевой очерк, описывающий события, встречи и переживания журналиста во время его путешествия куда-либо. Известны несколько определений этой разновидности очерка. Одно из них было дано советским писателем В.Я.Канторовичем: «Путевой очерк – как раз та форма литературы, которой, как и гражданской поэзии, свойственно выражать личность самого писателя, его видение мира, его отношения к общественным проблемам своей эпохи» [38, с.164]. Другое определение гласит: «Путевой очерк – это поездки, встречи, путешествия, увиденные автором бытовые, социальные, ландшафтно-природные сцены и явления, пропущенные сквозь сито авторского «я», обработанные в его ду-

ховно-нравственном представлении» [191]. Путевой очерк, возник из популярного в прошлом жанра литературного путешествия. Наиболее полно и терминологически корректно, на наш взгляд, выглядит определение, данное этому жанру В.М.Гуминским: «Путешествие – литературный жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить дополнительные – эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи; особый вид литературных путешествий — повествования о вымышленных, воображаемых странствиях, с доминирующим идейно-художественным элементом, в той или иной степени следующие описательным принципам построения документального путешествия» [22, с.314-315].

Действительно, путешественники не только открывали новые материки и земли, но и охотно делились своими впечатлениями. Путешествие относилось к занимательному литературному жанру. Широкое распространение оно получило в эпоху Античности. Среди наиболее известных произведений можно назвать «Одиссею» и «Энеиду». Античные герои отправлялись не только в чужеземные страны, но и в потусторонние миры (например, в царство Аида). На протяжении всей истории русскоязычных изданий в Таджикистане журналисты охотно использовали возможности путевого очерка, потому что он позволял в свободной и непринужденной форме поделиться с читателями непосредственными наблюдениями и впечатлениями, передать мысли об увиденном, рассказать о человеческих типажах и о том, что происходило с автором во время его путешествия. Подобного рода публицистические произведения были популярны среди отечественной читательской аудитории, поскольку «путешествия могли удовлетворить разносторонние запросы аудитории, в частности потребности узнать то, что по ряду причин было недоступно для самостоятельного ознакомления. Произведения – путеше-

ствия обладали качеством очевидности, зрительной осязательности, наглядности описываемого» [52, с.5]. Читательская потребность в них была вполне обоснована, так как до наступления эпохи цифровых технологий и Интернета, то есть ввиду отсутствия развитых средств коммуникативной связи человек испытывал повышенный интерес к любой информации о внешнем мире.

«Роль путешествий в становлении очерка неопределима, - уверен М.Н.Ким, - так как именно в недрах этих произведений стали выкристаллизовываться те содержательные и структурные элементы, которые со временем образовали несущие конструкции такой разновидности очерка, как путевой» [40, с.377].

Существенное значение в этом жанре отводится присутствию авторского «я», «соединяющее воедино, цементирующее все элементы текста – сценки, эпизоды, пейзаж, портрет, описания, монологи и т.д.» [40, с.369].

Рассмотрим конкретный пример – очерк А. Ларенка «Я спросил: «Зачем идете в горы вы?», опубликованный в октябрьском номере газеты «Бизнес и политика» в 1993 г. Уже с самого начала своего повествования автор старается описывать все происходящее до мельчайших деталей, чтобы читатель наравне с ним мог прочувствовать окружающую обстановку. При этом он не просто описывает увиденное, но и пропускает это через себя, что и придает этому произведению художественность, также свойственную публицистике: *«...Выражи, еще вырази, и вот уже под нами гигантские, искрящиеся, будто сахар, зубья ледника Фортанбек, в который «впадает» ледник Москвина. Небольшое озеро. Аккуратные домишки оригинальной конструкции, палатки, ветряк и разноцветья флагов из самых разных стран мира»* [159].

Хотя в путевом очерке чаще всего описываются увиденные автором места и события, зачастую особое внимание уделяется раскрытию характеров и качеств отдельных героев, хотя и не так подробно «прорисованным», как в портретном очерке. Так А.Ларенок несколькими штрихами делает набросок портрета своего друга, альпиниста-профессионала Владимира Машкова, и

перед читателями предстает *«коренастый, загорелый до черноты мужчина с волевым, давно не бритым лицом»* [159].

Путевой очерк чаще всего бессюжетен. Он вмещает в себя несколько временных планов, связанных с отдельными героями и маршрутами, различные места, разнообразие географических описаний. Все они, как правило, связываются между собой одной идеей. Поскольку путевой очерк представляет собой описание неких событий, происшествий, встреч с разными людьми, то и сюжет очерка отражает последовательность этих аспектов, являющихся содержанием путешествия (приключений) журналиста. Выбирать из всех впечатлений автор должен самое важное и интересное для читателя.

К примеру, автор путевого очерка *«Тревожная ночь»* А.Яблоков посчитал необходимым поделиться впечатлением, которое у него сложилось за время путешествия по горным районам Таджикистана. *«Да, это был незабываемый полевой сезон! Голова едва не кружилась от множества впечатлений, полевые тетради были заполнены от корки до корки, фотопленки сняты до последнего кадра. Еще бы! Шесть и рек – все разные, как люди. Скалистая, врубленная в горную твердь долина Арнаванда, а у его устья – целая роща облепихи. Корытообразная селеопасная долина, по которой прокатывались грозные грязекаменные потоки. Перекрытый с обоих бортов гигантскими лавинами- снежниками объемом в сотни тысяч кубометров бурный Ширговат. Крутая теснина Сутарги с ее загадочными пещерами, почти висящими на склонах рощицами берез и ив и живописными высокогорными пастбищами, где мальчишки-чабаны угостили нас какими-то запеченными в горячей золе корешками, вкусом напоминавшие картошку»* [181 с.53].

Не меньшее впечатление от путешествия сложилось и у Д.Нуратова, которому посчастливилось посетить одно из самых известных курортных мест на планете, результатом чего стал путевой очерк *«Путешествие в Турцию»*.

«Что касается личного впечатления, то лицезря весь этот блеск, хотя и лежащий сейчас в руинах, я удивлялся колоссальной производительности древних, которые, по всей видимости, были просто одержимы страстью к

монументальности. Просто дух захватывало от художественного совершенства, великолепия скульптурных украшений, барельефов. Многие из нас еще со школьной скамьи помнят имена гениальных скульпторов древности – Фидия, Мирона, Скопаса, Праксителя... А посмотришь на это величие и невольно поражаешься – да у них тут в каждой городке, в каждом селении были свои Фидии и Мироны! Вот такие впечатления. Добавьте к этому поездку на комфортабельном автобусе по шоссе, которое, как серпантин, извивается по изрезанному профилю горной гряды и спускается в море. Монументальные в своем величии горы с одной стороны, ультрамариновая панорама моря с другой... Красота! Античный термальный бассейн, уникальный по своему замыслу, которым пользовалась когда-то сама Клеопатра, дал нам возможность испытать непередаваемое блаженство ощущений. А рядом располагалось всемирно известное природное чудо, включенное в перечень объектов мирового природного наследия – Памуккале с его белоснежными гирляндами бассейнов-чаи, образовавшихся за миллионы лет из отложений тех же термальных источников» [171].

Концовка путевого очерка также играет важную роль в конструировании логической последовательности временных планов произведения. В рассматриваемом нами примере автор подчёркивает, что даже после завершения путешествия полученные впечатления все еще отпечатаны в его памяти: «И вот Турция позади, мы летим домой. А я еще полон впечатлением от морской прогулки по волнам Южной Адриатики, совершенной в день отъезда, в памяти еще свежи фиолетовые оттенки античного города Теймиусса и монументы мегалитов необычной формы, торчащие из воды у самого побережья...» [171]. К отличительным особенностям путевого очерка в русскоязычных изданиях периода 92-97-х гг. можно, на наш взгляд отнести принцип панорамности в изображении действительности; ярко выраженное авторское «я»; свободный стиль изложения, который строится как в хроникальной последовательности, так и в свободной ассоциативной форме, а также широта освещаемых тем. По мнению Н.М.Маслова, «в произведениях та-

кого рода аудитория получает своеобразно скомпонованную, прошедшую предварительно через непосредственное восприятие и переработанную идейно-художественным опытом журналиста-современника информацию, содержащую сведения об экономическом, политическом, социальном, духовном развитии страны» [52, с.4]. К этому следует добавить, что путевой очерк является одним из самых субъективных жанров журналистики. При этом «субъективность авторского подхода в осмыслении окружающей действительности – один из важнейших признаков данного вида очерка» [40 с.378].

К разновидностям путевого очерка, как впрочем, и очерка вообще, вполне можно отнести и зарисовку, хотя некоторые исследователи считают ее самостоятельным жанром. Например, Г.В.Кузнецов, В.Л.Цвик, А.Я.Юровский отмечают, что «зарисовка – это жанр, где образность преобладает над информационностью. В отличие от очерка для зарисовки не обязательны композиционная завершенность, глубина, логичность» [44, с.204]. «В зарисовке отсутствует проблема. Это в основном цепь картин, ассоциаций», - полагает Н.Кенжегулова [185]. Однако, наш взгляд, вряд ли это обосновано, так как по всем жанровым признакам зарисовка практически полностью совпадает с очерком. Этому же мнения придерживается и М.Н.Ким, который считает зарисовку одной из разновидностей очерка, в частности путевого [40, с.377].

Если говорить об отличиях, то, пожалуй, единственным таковым является то, что данный жанр по своему объему и содержанию меньше очерка. Последний, безусловно, глубже прорабатывает исследуемый материал, масштабнее в выводах и обобщениях, тогда как зарисовка отличается более поверхностным подходом, образность в ней обычно больше проявляется на уровне изобразительности, чем собственно художественного анализа.

Ввиду необходимости оперативности публицистического творчества, отсутствия опытных журналистских кадров в период 90-х гг. замещение полноценного очерка его малой формой являлось оправданным. В русскоязычных изданиях исследуемого периода зарисовка представляет собой, скажем

так, более читабельный вариант очерка. Реализуемые посредством очерка творческие задачи, безусловно, актуальны, но развернутый очерк оказывается «слишком сложным для восприятия аудитории жанром, поэтому возникает явление компенсации жанра» [188]. То есть сам путевой очерк в чистом виде в период 90-х гг. редко встречался на страницах русскоязычных газет, но использовались как бы заменяющие его формы публицистических текстов. В подобной роли иногда выступала зарисовка.

В качестве примера зарисовки, описывающей путешествие, может служить материал под названием «Новое свидание с Багдадом», написанный заместителем Председателя Таджикского комитета солидарности народов Азии и Африки Назрулло Назаровым в ходе его поездки в Ирак в составе делегации парламентариев. Автор несколькими штрихами описывает начало путешествия: *«Автомашина марки «Пежо» мчалась по иранской дороге в направлении ирано-иракской границы. Водитель-иранец по имени Али охотно согласился довести нашу делегацию до границы... По мере приближения к границе равнину сменяют горы. Подъезжаем к Касри-Ширин, расположенному неподалеку от иракской границы. После войны он полностью восстановлен и превращен в сад с аккуратными, ухоженными аллеями. Многие дома, правда, еще ждут своих обитателей. Далее автор посредством небольшого наброска изображает столицу Ирака. Такой, какой он ее увидел: Шагая по знакомым улицам Багдада, замечаю, как выросли деревья, которые сажали советские специалисты на субботниках. Захожу в торговые лавки, заполненные товаром местного производства. Длительная блокада научила иракцев рассчитывать только на собственные ресурсы. Захожу в Сук-Сарай, где в основном сосредоточена книжная торговля. Интересуюсь новинками современной поэзии Ирака, и мне предлагают недавно вышедшую книжечку. Это был сборник блокадных стихов поэтессы Саджиды аль-Мусади. В нем привлекло мое внимание стихотворение «Иракская женщина»...Всюду, где мы побывали, чувствовали теплоту и симпатию иракцев, их*

заинтересованность в укреплении уз дружбы и партнерства с Таджикистаном» [167].

В приведенном примере угадываются черты путевого очерка, однако исследуемый материал менее глубоко проработан, описание путешествия характеризуется небольшим объемом.

В целом, можно отметить, что на страницах русскоязычных изданий исследуемого периода очерк использовался для образного анализа человеческих характеров и явлений социальной действительности посредством создания их документального образа в свете личностного восприятия журналиста. Очерк вполне справедливо можно назвать основным жанром художественной публицистики, хотя он и недостаточно был востребован в печати периода 1992-1997 гг. Даже в таком издании, как «Народная газета», в которой этот жанр в свое время был особо распространен.

3.3. Сатирические жанры на страницах русскоязычных печатных СМИ периода 1992-1997 годов

До начала 1990-х годов в таджикском обществе доминировала строгая система идеологических установок, отвергавшая то, что выходило за ее рамки. Как известно, существовал запрет на критику, по существу лишивший возможности беспристрастно взглянуть как на социальную действительность сегодняшнего дня, так и на историю. Однако, как считает М.М.Муродов, «невзирая на то, что исторические события и присущие им процессы построения общества, подгоняя литературу и публицистику под определенные социологизированные рамки, ограничивали созидательную свободу писателей и публицистов установками партийной идеологии, ущемляли их права на независимость и самостоятельность, они все же предоставляли литературе и культуре неограниченные возможности» [55, с.134]. Так, к примеру, благодаря закономерностям общественных процессов сформировалась периодическая печать нового времени как значимое средство духовной борьбы таджикского народа за независимость. А с наступлением эпохи суверенитета критика все больше становилась важнейшей функцией таджикской публицистики.

Вопрос о том, какое место занял русскоязычный сегмент таджикской публицистики на данном этапе в системе духовной деятельности общества, каковы ее специфические черты и функции в конкретной историко-культурной ситуации, существен не только для выявления художественной специфики того или иного публицистического жанра и принципов его воплощения в отдельном произведении, но и для определения установления жанрового своеобразия в периодической печати эпохи, для понимания особенностей жанрообразования.

Как мы уже отмечали, в качестве феномена духовной культуры отечественная публицистика на протяжении всего своего развития отражала закономерности в жизни всего общества и отдельно взятого человека. В основу понятия публицистика были, прежде всего, заложены комментарий, анализ и обсуждение вопросов, волнующих общество. Это определило взаимосвязь и

взаимовлияние публицистического, философского и художественного осмысления общественно-важных проблем. До 90-х гг. прошлого века публицистика являлась традиционно наиболее сильной ветвью отечественной русскоязычной прессы. В ней неизменно проявлялось стремление, присущее гуманистическому обществу, определять значимость постоянно возникающих явлений и оценивать эмоциональный аспект событий. Для этой цели как нельзя лучше подходили сатирические жанры публицистики, в первую очередь – фельетон и памфлет, задачей которых являлось, прежде всего, пробудить у читателя чувство превосходства над пороком, которое тяготило общество, и в конечном счете – избавление от этого порока.

О специфике смеха в борьбе с негативными явлениями жизни писали многие известные личности. Вот как об этом отозвался в свое время русский писатель М.Е.Салтыков-Щедрин: «Философы пишут с целью разъяснения подобных действий целые трактаты; романисты кладут их в основание многотомных произведений; сатирики делают то же дело, призывая на помощь оружие смеха. Это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех» [74, с.270].

В силу своей естественности и правдивости сатира была способна мгновенно приобрести широкую известность. «Именно этот фактор, именуемый в журналистике «молвой и пересудами», как бы предостерегал публициста и аккумулировал его внимание на «сигналах» общества, формируя к негативным явлениям критическое отношение» [55, с.124]. Как показал ретроспективный анализ, сатирические жанры публицистики занимали особое место в системе журналистских жанров русскоязычных изданий Таджикистана. Их востребованность и популярность были очевидны. Однако, учитывая тот факт, что сатира неразрывно связана с критикой, а критика, как известно, – одно из важнейших условий демократического развития общества, исследование жанровой специфики русскоязычных публицистических текстов пери-

ода гражданской войны было бы неполным без анализа сатирических жанров.

а) Фельетон

Фельетон – художественно-публицистический жанр, популярный в советской периодической печати, содержит в себе такие публицистические свойства, как актуальность, злободневность. В то же время фельетон должен сочетать в себе такие художественные средства, как образность, и, самое главное, сатирическое начало – один из основных признаков жанра. Термин «фельетон» – французского происхождения, образованный от слова «*feuille*» (листок). На рубеже XVIII - XIX веков во Франции так именовались приложения к газетам в виде вкладыша. В дальнейшем такие приложения уже не вкладывались, а размещались в самой газете в нижней части страницы (на журналистском жаргоне того времени – в «подвале») и отделялись от остальной информации толстой линией [115, с.8].

Фельетон содержал несколько текстов разных жанров, но по сути эта была разнообразная пестрая смесь: репертуар театров, всевозможные платные объявления, реклама моды, стихотворные шарады, загадки и т.п. Позже преимущество получают театральные рецензии, отчеты о выставках, научных заседаниях, публичных лекциях, стихотворения, отрывки из больших поэм. Печатались также письма читателей. Материалы фельетона представляли, в первую очередь, легкое, развлекательное, занимательное чтение (нередко здесь встречались аннотации, рецензии, обзоры) [84, с. 33].

Со временем термин закрепился в качестве обозначения одного текста обычно опять-таки развлекательного характера, использующего юмор. Постепенно фельетоны становились более серьезными по содержанию, затрагивая общественно важные проблемы и используя уже не беззлобный юмор, а обличительную сатиру и смех, которые призваны не просто веселить читателя, а, как писал А. Луначарский, выступать «орудием социальной самодисциплины» [8, с.440].

Важно отметить, что смех требовал сознательно- активного восприятия со стороны аудитории. По мнению исследователя сатиры, литературоведа Ю. Борева, «смех – это чрезвычайно доходчивая и острая форма критики. Насмешка, принижая то, что стало ее мишенью, стабильно связана со сферой комического» [11, с.208]. Так сформировался жанр фельетона в современном понимании как сатирический жанр публицистики.

Следует отметить, что в данном публицистическом жанре основное содержание составляют не «те события или факты, которые легли в его основу, а их авторская оценка, интерпретация, то есть то, что роднит фельетон с жанрами художественной литературы», - считает исследователь М.Савова [78, с.225].

Активно используемый в XIX веке в русской публицистике, фельетон сохранил популярность и в советское время. Кроме того, началось исследование жанровой специфики фельетона. «В разнохарактерной, чрезвычайно обильной литературе о фельетоне тех лет содержатся глубокие и принципиальные замечания об отличительных особенностях жанра» [84, с.79]. Можно говорить даже об обостренном интересе к природе фельетона.

В советский период довольно точно определилось разделение фельетона на две жанрово-стилистические модификации: публицистический и беллетризованный (фельетон-рассказ). «Споры об «адресе и красках» дали богатый материал для создания теории жанра с учетом его дифференциации. В процессах жанрообразования утверждается фрагментарность: синтез элементов разноплановых жанров. Опора на достоверный факт и деталь – существенный принцип художественной публицистики 20-х годов» [84, с.23].

Следует отметить, что на протяжении всего советского периода в научных кругах не смолкали споры вокруг жанровой специфики фельетона. Анализу генезиса фельетона в истории русской литературы посвящены работы Л.Ф.Ершова [25], Е.И.Журбиной [30, с.18-35]. Касаются эти ученые и теоретических вопросов жанра, но и тот, и другой аспекты рассматриваются с присущей советской науке тенденциозностью. Проблема границ фельетонно-

го жанра затрагивается в работе С.В.Курляндской «Фельетон – жанр сатирический», но и для данного исследования характерны односторонность, непоследовательность, особенно это сказывается, когда критик освещает полемику вокруг фельетона в 1920-е годы. Приведем лишь один довольно показательный пример, иллюстрирующий идеологическую субъективность советской критики. «Отчетливо прозвучала демаркационная линия между дореволюционным буржуазным фельетоном как развлекательным на потребу пресыщенной публике и новым, публицистически заостренным, сатирически издевательским, литературно оформленным» [46, с.24]. Автор данного высказывания та же С.В.Курляндская, которая в лучших традициях литературоведения своего времени подменяет собственно литературоведческий анализ «классовым» подходом в оценке явлений, нагромождением тенденциозных эпитетов и т.д.

Однако разные исследователи всегда сходились во мнении, что природа этого сатирического жанра исключительно художественно-публицистическая. В частности, А.Д.Заславский безоговорочно причислял фельетон к сатирическим жанрам и определял его как « сатирический жанр публицистики, решающий свою задачу средствами сатиры и юмора на основе анализа и типизации явлений» [33, с.63]. Но это определение также не раскрывает до конца сущность фельетона, сужая его границы. Современный российский ученый М.С.Кривошейкина таким образом комментирует позицию восприятия фельетона как жанра сугубо сатирического: «...сатира не всегда может безоговорочно принять фельетон в свое лоно. В сатирическом произведении документальный факт обязательно подвергается обобщению по законам сатирической типизации. В то же время в фельетоне достоверность фактов, используемых автором, является обязательным условием. Чаще всего факты освещаются сатирически и в фельетонах документальных, и в фельетонах, прибегающих к обобщенным образам. Но, тем не менее, факты эти не поглощаются замыслом автора, а остаются практически неизменными» [115, с.14]. «Наращение массива интересующей общество информации,

изменение социальных запросов аудитории, а в связи с этим функций и целей сатирической публицистики, развитие газетно-журнальных технологий лежат в основе формирования фельетона как особого принципа отображения жизни» [84, с.55]. Тексты фельетонов, как и творчество советских сатириков в целом, существенно дополняли картину социальной действительности. «Творческая задача фельетониста, - отмечал А.М.Пешковский, - при помощи комбинации взятых у художника готовых сочетаний завлечь читателя и умелым переключением малой темы в большую общественного порядка – получить чисто газетный эффект. Быстро и сильно повлиять на массового читателя» [60, с.158]. Это переключение малой темы на большую и являлось той особенностью жанра, которая была единственной, отличающей фельетон от юмористического рассказа.

Частично фельетон использовался в целях высмеивания врагов советской власти, однако нередко находил применение в целях критики недостатков внутри страны. «Он остро и гневно разоблачает и клеймит насмешкой врагов советского народа. Он служил задачам борьбы с пережитками капитализма в сознании советских людей» [139, с.111]. Своеобразным девизом советского фельетона стал лозунг, выдвинутый А.М.Горьким: «Если враг не сдается – его уничтожают» [87, с.143]. Осуществлялась идея насилия сатиры, ставшая одним из ведущих направлений советской публицистики. То есть за фельетоном закрепилось представление как об универсальном и эффективном средстве борьбы против «всех идейно-политических, нравственных отклонений от принципов и норм советского общества» [27, с.354].

Можно сказать, фельетон стал воинствующим жанром советской печати – он нападал и защищал. За свой боевой характер он пользовался особой симпатией у советских читателей. «На фоне неприкрытой пропаганды, официальной сухой лексики на страницах изданий 30-50-х годов фельетон был более привлекательным, чем остальные жанры. Он прочно вошел в жанровую систему периодической печати страны» [84, с.56]. Изобличать и воспитывать, чтобы общество и каждый человек становились лучше, было основ-

ной задачей советских фельетонистов. «Фельетонист ищет в жизни положительные явления. И если ему приходится писать об отрицательных, то только потому, что ищет он пристальнее других... Фельетон отличается от других жанров не тем, что он смешно написан. Он отличается углом зрения. Он берет проблему в этическом аспекте, в аспекте социологическом», - отмечал Л.Лиходеев [133]. Со временем советские публицисты осознали, что искоренить с помощью фельетона стяжательство и взяточничество, «стремление урвать побольше от общества, ничего не давая ему, бесхозяйственность и расточительство, пьянство и хулиганство, бюрократизм и бездушное отношение к людям, нарушение трудовой дисциплины и общественного порядка» [176], невозможно, но выставить на всеобщее обозрение можно превосходно. Фельетонист, в своем произведении, предоставлял значительный объем социальной информации, активно воздействуя на формирование общественного мнения и социальной позиции читателя.

Фельетон был одним из самых эффективных жанров печати, комический эффект вызывал острую реакцию общественности. Однако, если журналисты покушались на фельетонное изображение высоких должностных лиц или негативных явлений в государственном строе, эффект оказывался обратный. На страницах русскоязычных печатных изданий Таджикистана жанр фельетона утвердился параллельно с очерком в 30-е годы XX века и просуществовал до наступления периода суверенитета. Однако исследование русскоязычного сегмента таджикской публицистики выявило, что фельетон в период между 1992 и 1997 гг. встречается очень редко. Данное обстоятельство, согласно нашей точке зрения, обосновано прежде всего тем, что в указанный период из-за оттока профессиональных журналистских кадров в русскоязычных изданиях осталось крайне мало мастеров-фельетонистов.

Наряду с очерком в фельетонах чаще всего центральным объектом становился человек. Но если очерк чаще направлен на раскрытие положительных качеств человека, то фельетон, наоборот, использовал юмористические и сатирические приемы изложения на злободневную тему. Однако персонаж

фельетона не всегда становится объектом критики и раскрытия пороков, а иногда посредством образа раскрываются насущные проблемы общества. Так, по словам таджикского исследователя М.Муродова, «в прессе советского периода под воздействием взаимовлияния конкретных наблюдений и ярких впечатлений авторов существенно и широко распространились методы и способы создания положительных и отрицательных персонажей» [55 с. 266].

В качестве примера можно привести фельетон «Сон и явь Муюшкина» Александра Зиборова, опубликованный в одном из январских номеров «Народной газеты» в 1993 году. *«Председателю исполкома Муюшкину приснился удивительный сон: он был петухом! Большим, упитанным и важным. Хохлатки глядели на него, не налюбуются. Только и слышно: «Ах, Муюшкин! Какой лапочка!». Муюшкин, в экстазе от такого внимания, почувствовал прилив руководящих сил и взлетел на самый высокий насест. Набрал побольше воздуха и крикнул что было сил: - Ку-ка-ре-ку! Солнце, вставай! »* [154].

Через сон председателя исполкома Муюшкина, с которого начинается повествование фельетона, автор острым пером сатиры сравнивает больших чиновников с петухами, высмеивая в них такие качества, как карьеризм, напыщенность, чванливость. Посредством этого же метафорического сна раскрываются и проблемы общества: все ждут от петуха Муюшкина восхода солнца, но, несмотря на его старательное «кукареканье», проблема не решается. *«Петух Муюшкин ерзал на насесте. Чувствовал неудобство своего положения: да, сверху видно все и всех, но и тебя видно всем. Когда хвалят, лучше места не найти, а вот когда ругают...».* После пробуждения Муюшкина автор описывает аналогичную ситуацию и наяву: *«За окном стояла толпа с плакатами «Догоним и перегоним Африку!», «Хотим жить по-человечески!», «Хорошее слово будет, но куда лучше слово «есть»!». Муюшкин поморщился: вечно они всем недовольны, постоянно воду мутят, а ведь очень многое для них сделал, вон сколько хороших постановлений принято»* [154]. Таким образом, А.Зиборов мастерски раскрывает перед читателем про-

блему пустословия чиновников: как они принимают нерациональные указы и постановления, так и петух кукарекает в ожидании солнца посреди ночи.

Но не всегда вымышленный персонаж в фельетонах русскоязычных изданий был главным объектом осмеяния или подражания – порой он выступал своеобразным посредником между читателем и журналистом. Так одним из таких героев выступал сказочный персонаж Насреддин, путешествующий, как правило, на осле. Одно из его приключений описывается в фельетоне, рассказывающем о начальнике Согдийской областной транспортной инспекции и его нежелании решать транспортные проблемы области. *«И тогда Ходжа Насреддин принял единственное верное решение. Он решил пока не ходить в древний и славный город Истаравшан. « Если судить по рассказам людей, - подумал народный любимец, - история эта затянется до 2500-летия. А к тому времени или «генеральный визир» переменит свое решение, или мой осел издохнет. Боюсь, что случится, скорее всего, второе»* [153].

Не случайно исследователь Е.Журбина называла фельетон жанром еще более злободневным, чем очерк, ведь «фельетонист всегда в планах поисков фактов, которые бы с наибольшей остротой и четкостью при всей своей индивидуальной неповторимости олицетворяли бы типичные для времени актуальные социальные явления» [28, с.12].

Можно подвести итог сказанного о фельетоне и дать терминологически корректное определение этому жанру. Фельетон – художественно-публицистический жанр, предназначенный для художественного анализа негативных явлений социальной действительности путем создания их сатирического образа, выделения и заострения их комической сущности. Фельетон – своеобразный жанр, однако, как показал анализ, он нечасто фигурирует среди публикаций русскоязычных печатных СМИ периода 1992-97 гг.

б) Памфлет

Этот сатирический жанр принято считать разновидностью сатирической фельетонистики, сходство с чем очевидно и несомненно, но в то же время очевидно и их различие. Публицистичность здесь органично сочетается с ху-

дожественными достоинствами сатиры, критика в памфлете носит разоблачительный, уничижительный характер.

На сегодняшний день в научных кругах не существует однозначного и единого мнения по поводу происхождения слова «памфлет». Согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «памфлет» (англ., от «palme-feuillet» - листок, который держат в руке) - «термин не вполне определенного содержания, обыкновенно обозначающий небольшое литературное произведение публицистического и чаще всего вызывающе-личного характера» [13, с.486].

Современный Энциклопедический словарь предлагает понимать памфлет как «злободневное публицистическое произведение, цель и пафос которого - конкретное гражданское, преимущественно социально- политическое, обличение» [65, с.765]. В переводе с греческого («pamm fhlego») слово «памфлет» означает «все воспламеняю» или «все испепеляю». Это понятие имеет мифологическую основу и связано с представлением о гнев олимпийских богов, прежде всего – их главы Зевса-громовержца, поражавшего своими молниями врагов. Поэтому некоторые исследователи зарождение этого жанра связывают еще с античными временами. Как отмечает А.Н.Тепляшиной, «гневные речи Демосфена, Цицерона, сатиры Ювенала, Плутарха, Лукиана уже содержали экспрессивность, непримиримость, полемическую направленность, злободневность, тенденциозность – характерные особенности памфлета» [84, с.65]. Если говорить об истории этого жанра, то следует отметить, что термин «памфлет» впервые был употреблен английским церковным деятелем и публицистом Ричардом де Берн в 1344 году. Первоначально памфлетом именовались переплетенные брошюры без обложки, которые были предшественниками газет, выполнявшими не только пропагандистские, но и информационные функции. Как жанр памфлет начал формироваться во времена Реформации. Такие произведения, как «Похвальное слово глупости» Э.Роттердамского (1509 г.) «Письма темных людей» У. фон Гуттена (1515 г.), «Корабль дураков» С.Брандта (1494 г.), «Сказка о бочке» (1704), «Письма суконщика» (1724), «Скромное предложение» (1729) Дж.Свифта, для кото-

рых характерны развернутая картина окружающей действительности, заданность моральных критериев, пародирование схоластической риторики, что явилось основой зарождения жанра памфлета [20, с.458].

По мере усиления политической направленности религиозных коллизий памфлет насыщался социальным содержанием. В эпоху Просвещения памфлет стал мощным политическим оружием. Основоположниками европейского памфлета более позднего времени принято считать французского ученого, философа Блеза Паскаля, автора «Письма к провинциалу» и английского писателя Бернарда Мандевиля, написавшего «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными», которым присущи особенности памфлета.

В России зарождение памфлета было связано с формированием общественного движения, то есть с появлением противостоящих политических сил. Первые признаки этого жанра различимы уже в письмах Ивана Грозного князю Курбскому - памфлеты против боярства и его притязаний. Историю русской фельетонистики принято вести с появления первых русских журналов. В журнальных выступлениях Н.Новикова (журнал «Трутень»), Д.Фонвизина («Собеседник любителей русского слова») зародилось формирование жанра памфлет. С памфлетным творчеством этих писателей и публицистов связывают появление в российской словесности эзопова языка. В условиях жесткой цензуры общественной жизни России только в этой манере и возможны были критические выступления против монархии и правящего класса. Однако в России классический памфлет не получил особого распространения, поскольку этому активно препятствовала официальная царская цензура. Предварительной цензуре не подвергались лишь книги свыше 20 печатных листов. Одним из первых памфлетистов был Радищев с его «Путешествием из Петербурга в Москву». Среди представителей русских памфлетистов особо выделяется имя Д.И.Писарева. Его известный памфлет «Пчелы» принято считать образцом политической сатиры на существующее общественное устройство. Также авторами памфлетов выступили В.Г.Белинский («Письмо к Н.В.Гоголю», 1847), А.И.Герцен, Д.И.Писарев, народники,

Л.Н.Толстой («Не могу молчать»). Примером политического памфлета можно считать работу В.И.Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Великолепными памфлетистами, работавшими на протяжении десятков лет в советской печати, были А.М.Горький («Город желтого дьявола », «Русский царь», «Прекрасная Франция», статья «С кем вы, мастера культуры?»), Л.М.Леонов («Тень Барбароссы»), Я.А.Галан («На службе у сатаны»), М.А.Стуруа («Болезнь легионеров») и ряд других мастеров сатирического слова.

Достаточно памфлетов публиковалось в советской прессе в годы Великой Отечественной войны, где памфлетисты подвергали беспощадной критике немецких захватчиков. Особенно активно с памфлетами выступали И. Эренбург и А.Н.Толстой.

В русскоязычных изданиях Таджикистана, несмотря на огромное количество и жанровое многообразие публицистической сатиры, памфлет был наименее широко используемым и распространенным жанром, уступая в этом отношении фельетону. Данное обстоятельство связано с тем, что для памфлета характерно негативное, обличительное отображение социальной действительности – общественные явления, события, факты, политические и государственные деятели, социальная и политическая система. Следует согласиться, что в условиях господства цензуры, главного орудия тотальной идеологической системы, об отображении действительности советского времени в нелицеприятном свете не могло быть и речи. По мнению И. Шатуновского, если памфлетист настойчиво говорил о том, о чем ему говорить не полагалось, его ждали серьезные неприятности: Он пишет: «Оказалось, что с каждым отдельным сатириком можно расправиться. Что и делалось. Я выжил. Но не выжили, то есть не дошли до читателя многие мои произведения» [146 с.44].

Действительно, данный жанр обладал опасной сатирической силой. Не случайно выдающийся французский публицист, автор знаменитого «Пам-

флета о памфлетах» Поль-Луи Курье, называл памфлет «сочинением, полным яда». Редактору газеты, который собирался разместить на страницах своего издания памфлет, необходимо было помнить, что данный жанр следует использовать лишь в крайних случаях, когда все остальные известные средства сатиры перед лицом социального зла бессильны. «Сатира не должна быть осмеянием пороков и слабостей, но порывом, энергиею раздраженного чувства, громом и молнией благородного негодования. В ее основе должен лежать глубочайший юмор, а не веселое и невинное остроумие», - писал В.Г.Белинский [182]. Жанру памфлета присущ особый драматизм, ярко выраженная конфликтность. Известный французский памфлетист Жюль Ренар оригинально и точно описал непростую суть своей работы: «Нынче для того чтобы сделаться памфлетистом, надо сначала быть великим лириком. Эпоха булавочных уколов миновала. Читатель позабавится лишь в том случае, если мы будем швырять друг другу в головы целые дома» [70, с.251].

Кроме того, для памфлета характерны типичность, масштабность. Если фельетонист обращает внимание на некоторые черты героя и высмеивает их, то объектом памфлетиста, как правило, становится человек, социальный тип в целом, так как значимой содержательной спецификой памфлета в его социальной глобальности. В этом его главное отличие от фельетона. В памфлете могут затрагиваться и политические темы, при этом разоблачаться не просто какие-то отдельные стороны общественного явления или политического лидера, а уничтожаться, как явление, как общественно опасная идеология. По этому поводу российская исследовательница А.Н.Тепляшина отмечает: «Памфлет критика не нравов, а социальных явлений. Это злободневное сатирическое произведение, смысл которого в конкретном социально-политическом обличении, направленном на полную дискредитацию объекта критики» [84, с.67]. Еще одна специфика памфлета заключается в комическом обличении, основанном на использовании сарказма. Последний представляет собой вид комического, предполагающий едкую, язвительную насмешку над изображаемым. Другими словами, памфлет строится на едкой,

язвительной, уничтожающей насмешке, причём сарказм дидактичнее иронии, его оценки более откровенны и назидательны. Иногда автором памфлета дается пояснение, трактуемое иносказание, которое может появиться в прямом авторском комментарии. Идеологическая острота содержания и саркастичность насмешки – это две ведущие особенности памфлета как сатирического жанра.

Интересное определение этому жанру дает В.А.Гуторов: «Если злая насмешка носит политический характер, то такое произведение называется памфлетом» [62, с.374].

Если фельетон призван критиковать резко, но не гневно, то памфлет, наоборот, предполагает слабо завуалированную гневную критику, проявление непримиримого и крайнего неудовольствия, когда объект изображения находится в диаметрально противоположной позиции по отношению к автору и требует своего развенчания и уничтожения.

С исчезновением системы идеологических установок и снятием запрета на критику в первые годы независимости в Таджикистане, в эпоху, принятую называть «золотыми годами» журналистики, памфлет, казалось бы, получил возможность открыто продемонстрировать весь потенциал, заложенный в природу жанра. Однако в 90-е годы в связи с оттоком большого числа профессиональных русскоязычных журналистов жанровое разнообразие изданий заметно поблекло. Ограничившись оперативными информационными жанрами и перепечаткой материалов из российской и зарубежной прессы, русскоязычные газеты поставили во главу угла создание небольших по объему материалов, не требующих от автора наличия особых творческих дарований. Журналистов, способных создать публицистический текст в жанре сатиры, практически не осталось. Тем не менее, в ходе исследования нами установлено, что жанр памфлета, хотя и крайне редко, но появлялся на страницах некоторых русскоязычных изданий.

В качестве примера приведем памфлет под названием «Хорошо там», опубликованный в одном из августовских номеров «Народной газеты» в 1995

году. Уже с первых строк становится очевидным, что главная содержательная специфика произведения – его социальная глобальность. *«Тошно, обрыдло все! Страна словно летит в тартарары; остервенелая спекуляция, бешеные цены, гулкие пустые магазины, всеобщая коррупция и всесильная мафия с крестными отцами и их стриженными сынками, перестрелками, безработица и полная безответственность»* [179]. В данном случае откровенным обличением, автор по ходу повествования при помощи таких приемов, как сарказм, едкие, гневные ремарки, высказывает свое отношение к объекту критики. Правдивая критика направлена на сатирическое заострение и обобщение. Далее автор описывает свое отношение к объекту: *«Бежать от этого всего хочется с последней космической скоростью. Только куда – сам не знаю. Крутил глобус, но подходящего места не сыскал. Может, другой глобус посмотреть? Ведь тянет, тянет куда-то со страшной силой»* [179].

Кроме того, автор саркастически заостряет проблему, характерную для переходного времени – смене идеологических ценностных установок: *«Иные времена – иные краски. Прорабы коммунистической стройки моментально переквалифицировались в прорабы перестройки того, что они до того сооружали. Нас принудительно заставляли расхваливать их социальные успехи и прожекты под неусыпным надзором экспериментаторов и с самым суровым наказанием ослушавшихся и инакомыслящих»* [179]. Концовка памфлета также играет важную роль в конструировании обличительной критики социальной действительности. В рассматриваемом нами примере автор посредством гротеска изображает рождение нового и исчезновение старого: *«Вдруг я мгновенно прозрел и все понял! Мысленно воскликнул: «Да это же золотые слова – хорошо там, где нас нет! Теперь я знаю, куда меня тянет и где мне будет жить хорошо. А вот вслух сказать постеснялся. Что толку говорить с этими господами, у которых все – кулаки, деньги и власть»* [179].

Использование гротеска усиливает негативную окраску произведения. «Понимание гротеска и отыскание смысла в величии и капризах эстетической логики, - отмечает В.П.Москвин, - в первую очередь найти эти качества

в режиме реального противоречия, что его вызвали и сформировали. Нередко в памфлете ирония становится гротескной. Это используется чаще всего для усиления впечатления от прочитанного текста» [136, с.39].

Приведенный пример памфлета – явление эпохи, когда критика социальной действительности стала повсеместным, характерным атрибутом деятельности периодической печати. При этом автор данного памфлета не просто критикует, а изображает эту действительность в негативном свете, стремясь вызвать у читателя негодование. В таком же негативном свете изображена реальность и в памфлете Павла Гейвандова «Без забот и хлопот», опубликованном в одном из февральских номеров газеты «Вечерний Душанбе» в 1994 году. Используя приемы сарказма и гротеска, автор с помощью стилизованных персонажей – маленького мальчика и его отца, обостряет внимание читателя на социально- бытовом аспекте одной из актуальных проблем 90-х годов – экономической стагнации. Сюжетно-композиционное построение памфлета основано на диалоге персонажей в процессе небольшой экскурсии по квартире, устроенной отцом для сына, чтобы показать, как жить в новых условиях.

«Подойдя к газовой плите, отец сказал:

- А здесь когда-то горел газ.

- А что такое газ? – спросил мальчик.

- Это такое топливо, которое мы использовали, чтобы приготовить еду. Потом, заметив, что взгляд сына вопрошающе устремлен на люстру, висящую на потолке кухни, объяснил и ее назначение.

- А эта штука давала свет. Нажимали на вон тот выключатель на стене и в доме становилось так светло, словно днем.

- Значит у нас дома когда - то было свое маленькое солнышко? - удивился мальчик.

- Было, - печально вздохнул отец, - а сейчас осталась только эта люстра...» [151].

В приведенном примере суждение, содержащее едкую, язвительную насмешку над изображаемым, достигается главным образом с помощью пространенного приема: автор, исходя из знания характерных особенностей своего времени, используя обобщенно-стилизированные персонажи, в которых, тем не менее, читатель легко узнает себя, создает вымышленную комическую ситуацию. Безусловно, квартира, где на каждом шагу, как в музее, содержатся экспонаты из прошлого – это гротеск, преувеличение, позволяющие произвести ощущение аномальности, неестественности описываемой ситуации. Но сквозь смех автор заставляет задуматься над тем, что, если экономическое положение в стране будет только ухудшаться, вымышленная и преувеличенная ситуация согласно требованиям жанра может превратиться в печальную действительность. «Памфлетный текст, - как отмечает российский исследователь А.Н.Тепляшина, как и всякая идеологическая конструкция, создает новую реальность. Но он не может создать полностью адекватную картину мира. Памфлетный текст – это всегда суждение, сделанное на основе оценки, это отбор фактов, выбор образов, изобразительных, риторических средств и т.д.» [84, с.66]. В целом можно резюмировать, что памфлет представляет собой произведение обличительного характера, в котором сатирическое начало составляют сарказм, гротеск и гневная экспрессивность, а публицистическое – злободневность, оперативность, документальность и крупномасштабный объект обличения, в качестве которого, как показало исследование, могут выступать социальные и политические картины дня. Одновременно памфлет – сложный жанр публицистики, требующий от журналиста высокого профессионального мастерства, поэтому на страницах русскоязычных изданий исследуемого периода, когда отток профессиональных журналистов не позволял внести разнообразие в жанровый ландшафт изданий, памфлет встречается крайне редко.

Подводя итоги анализа художественно-публицистических жанров на страницах русскоязычных газет периода гражданской войны в республике, можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на трудности, сопровож-

давшие печатные СМИ в первые годы суверенитета, в особенности касающиеся нехватки профессиональных кадров, жанровая палитра материалов всё-таки характеризовалась определенным разнообразием. В большей степени это проявилось в наличии очерковых текстов, которые, как мы убедились, в некоторых изданиях, в первую очередь в «Народной газете», присутствуют практически в каждом номере. Самой распространенной разновидностью очерка, является портретный очерк. Это объясняется концепцией публицистики, которая отображала, прежде всего человека, его внутренний мир, достоинства и недостатки. В других разновидностях жанра, таких, как путевой, также достаточное внимание отводится раскрытию характера персонажей.

Говоря о группе сатирических жанров публицистики, несмотря на свойственную им востребованность, особенно в переходные моменты истории, в исследуемый период они пошли на убыль. В течение 1992-1997 гг. жанры фельетона и памфлета на страницах русскоязычных газет встречались редко. Это связано как и недостаточным количеством журналистов высокого профессионального мастерства, создающих на русском, так и с непопулярностью художественно-публицистических жанров в эпоху, когда все большим спросом стали пользоваться жанры информационной оперативной журналистики, не требующие навыков, необходимых для публицистических текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанной работы, в ходе которой были обстоятельно и систематически исследованы и изучены особенности развития русскоязычного сегмента таджикской публицистики периода гражданской войны 1992-1997 гг., хотелось бы остановиться на некоторых важных ее аспектах.

1. Становление и развитие русскоязычных средств массовой информации в конце XIX века явилось, безусловно, важной исторической вехой, предопределившей зарождение не только таджикской журналистики в начале XX века, но и сыгравшей важную роль в формировании базовых определяющих принципов публицистики, главным из которых является отображение действительности посредством яркого художественного образа. Еще в дореволюционный период периодическая печать колониальной администрации царской России выступала платформой, важным элементом в коммуникативном процессе между публицистом и обществом.

2. Исходя из представлений, сформированных на основе современных научных разработок, согласно которым «Туркестанские ведомости» принято отождествлять с первой русскоязычной газетой в Таджикистане, мы пришли к убедительным выводам, что данное издание уместно ассоциировать с начальным этапом формирования отечественной публицистики как особого вида творческой деятельности. И хотя отображение действительности в произведениях русских авторов, сотрудничавших с «Туркестанскими ведомостями», осуществлялось в контексте исследовательско-просветительской миссии, их работы – путевые заметки, дневниковые записи, биографические и исторические очерки – выражали яркую документальность, что также является одной из характерных особенностей публицистики.

3. Мы убеждены в том, что наиболее сложным временным отрезком развития русскоязычной публицистики в советский период были, 30-е годы, когда происходило формирование группы изданий, появление которой можно объяснить необходимостью учета интересов русскоязычного населения в

Таджикистане, национально-территориальным размежеванием в Средней Азии и дальнейшим укреплением советской власти в регионе; второй период пришелся на годы Великой Отечественной войны, когда за публицистикой закрепилось представление как о мощном эффективном средстве, способном мобилизовать духовный потенциал народа; третий и наиболее эффективный период развития публицистики, этап – 50-80-е годы, на протяжении которых публицистика нашла своё яркое воплощение в творчестве выдающихся мастеров слова, прежде всего журналистов, деятельность которых была связана со служением обществу и определению в нем человека – главного героя публицистики.

4. В 1992-97г.г. журналистика Таджикистана, освободившаяся из под прессинга идеологического контроля, приобрела мощный заряд публицистичности, что существенно повлияло на характер информационного материала. В свою очередь это означало, что в дополнение к отражению социальной действительности, журналистика становилась доминантной частью той же действительности, более конкретно – поставленного на конвейер обширной духовной информации.

5. В данный отрезок времени многие русскоязычные издания, столкнувшись с финансовыми трудностями и динамичным процессом перестройки своей деятельности, оказались в состоянии кризиса, усугубленного массовым оттоком профессиональных творческих журналистских кадров.

6. Апеллируя к тезису о вовлеченности отечественных СМИ в гражданский конфликт и ответственности их в ангажировании национальных, идеологически и политических разногласий, мы не обнаружили никаких фактов, которые могли бы свидетельствовать, что русскоязычный сегмент таджикской публицистики, равно как и сами издания, сыграли какую-либо деструктивную роль в общественных процессах периода 1992-1997 гг.

7. Переход на коммерческую основу и **систему самофинансирования** обусловленные необходимостью существования в реалиях рыночных отно-

шений, позволили русскоязычным изданиям выжить и занять свою нишу в структуре отечественных СМИ.

8. Несмотря на то, что в годы гражданской войны в республике, большая часть русскоязычного населения – основной потребитель продукции указанных изданий – вынуждено было покинуть страну, русскоязычная пресса республики продолжала свою созидательную миссию, обеспечения информацией общество.

9. Однако в условиях возросшей конкуренции на печатном рынке в Таджикистане, связанной с появлением новых независимых газет и журналов, таким изданиям, как «Народная газета», «Бизнес и политика», «Вечерний Душанбе», журнал «Памир» пришлось сместить акценты в пользу производства оперативной информации в ущерб художественно- публицистической продукции, которая в указанный период стала менее востребованной.

10. Вместе с тем, исследование показало, что публицистика не исчезла окончательно со страниц русскоязычных изданий. В условиях нового времени, в публицистике ключевое положение стала занимать проблема человека. Следует отметить, что журналисты все явления жизни старались показать, прежде всего, в призме, антропологического аспекта, то есть найти пути и формы разрешения социальных противоречий в пользу личности.

11. Исследование и анализ материалов лучших образцов русскоязычного сегмента таджикской публицистики периода 1992-1997 гг. XX века убедительно свидетельствует о синтезе творческого и социологического мышления, благодаря которому в концепции социума в качестве доминанты выступал человек. В настоящем исследовании нами было выявлено, что освоение методики критического восприятия действительности через актуальный и **генеративный ракурсы**, позволило русскоязычным авторам обозначить и исследовать как общественно - значимые проблемы, так и стоящие за ними константы национальной культуры. Для журналистов русскоязычных изданий такими константами в отражении социальной действительности стали мысли о простом обывателе.

12. Невзирая на остроту социально-политических противоречий начала 90-х гг., представители русскоязычного сегмента таджикской публицистики, акцентируя своё внимание на наиболее убедительных для аудитории факты реальности и желая показать ей глубинные процессы общественной жизни в максимально обобщенных представлениях, обращались к теме личности.

13. Сравнительный анализ публикаций русскоязычных газет позволил прийти к выводу, что главными героями публицистических материалов чаще всего выступали следующие категории: простые труженики села, рабочие, занятые сооружением крупных промышленных объектов, воины-пограничники, чья нелегкая служба на границе отягощалась гражданским конфликтом, заслуженные воины-ветераны, жизненный путь которых служил примером для молодого поколения, и, наконец, простой человек, представитель какой-либо группы общества, выделяющийся своими особыми качествами.

14. Исследование жанровой природы русскоязычных публицистических текстов периода гражданской войны в Таджикистане показало, что на фоне доминирования информационных и аналитических групп жанров, материалы публицистического характера представлены далеко не богатой жанровой палитрой, несмотря на то, что в некоторых изданиях, в частности, в «Народной газете» публицистика в той или иной форме присутствует практически в каждом номере.

15. Как показал ретроспективный анализ, в исследуемый период самым распространенным жанром публицистики на страницах русскоязычных изданий является очерк. Если же говорить о его жанровых разновидностях, то из таковых наиболее широко представлен портретный очерк. Это объясняется тем, что в концепции изданий прежде всего на первый план выдвигалось явление социальной действительности, олицетворением которой, как мы уже отмечали, служила личность человека. Другие жанровые разновидности – путевой и проблемный очерк представлены менее всего.

16. Анализ сатирической группы жанров публицистики на страницах русскоязычных изданий показал, что несмотря на актуальность сатиры, свойственной в переходные моменты истории, в исследуемый период она практически находилась на грани исчезновения.

17. В период 1992-1997 гг. такие жанры сатиры, как фельетон и памфлет можно встретить крайне редко. Это связано как с недостаточным числом журналистов высокого профессионального мастерства, пишущих на русском, так и с низкой популярностью художественно-публицистических жанров в эпоху, когда все большей востребованностью стали пользоваться жанры информационной оперативной журналистики, не требующей навыков, необходимых для написания публицистических текстов.

Таким образом, проводя исследование, мы предприняли попытку расширить представления о роли и функции русскоязычной публицистики в годы гражданского противостояния. Однако многогранность и многоаспектность русскоязычной публицистики Таджикистана, а также вопросов, связанных деятельностью русскоязычного сегмента в Таджикистане диктуют необходимость в проведении дальнейших научных изысканий в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

А) Монографии, учебные пособия, сборники:

1. Абрамович, А. В. Особенности структуры описания и его композиционная роль в жанрах публицистики / А.В.Абрамович // Вопросы стилистики. – М. Изд-во МГУ, 1966. – С.203-214.
2. Азимов, А. Публицистика и современный мир / А.Азимов. – Душанбе, 2004. – 138 с.
3. Алексеев, В.А. Русский советский очерк / В.А.Алексеев. – Л., 1980. – 120 с.
4. Аминов, А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период) / А.М.Аминов. – Ташкент, 1959. – 128 с.
5. Анохин, А.И. Язык и стиль телевизионного очерка / А.И.Анохин // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2006. – С.303-307.
6. Багиرو, Е.Г. Основы телевизионной журналистики / Е.Г.Багиро, Р.А.Борецкий, А.Я.Юровский. – М., 1987. – 239 с.
7. Бозоров, Н. Мохияти факт дар публицистика / Н.Бозоров // Боли сухан. – Душанбе, 2004. – С. 29-30
8. Бойко, К., Весенин Е. Советский фельетон. Антология. – М. : Госполитиздат, 1959. – 528 с.
9. Большая советская энциклопедия / под ред. А.М.Прохорова.– М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983. – 927 с.
10. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия) / гл. науч. ред. и сост. С.Ю.Солодовников. – Мн.: МЦПФ, 2002. – 1008 с.
11. Борев, Ю. О комическом / Ю.О.Борев. – М.: Искусство, 1957. – 272 с.
12. Брежнева, С.Н. «Цивилизаторская миссия» как оправдательный нарратив наступления России на Туркестан в трудах русских ориенталистов:

- конец XIX – начало XX в. / С.Н.Брежнева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – М.:2004г – №8-3. – С.44-46.
13. Брокгауз, Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь / Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. – М.: Изд-во «Русское слово», 2002. – 5547с.
  14. Васильев, Д.В. Россия в Центральной Азии: мифы об имперской окраине / Д.В.Васильев // Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 4: Восток: история, политика, культура. – М.: Институт бизнеса и политики, 2007. –152 с.
  15. Венюков, М.И. Россия и Восток / М.И.Венюков // Сборник географических и политических трудов. – СПб., 1877. – С. 155-212.
  16. Воробьев, В. Газета – это мы. Сборник Воспоминаний / В.Воробьев. – Душанбе: Истеъдод, 2010. – С. 20-21.
  17. Герцен, А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т.14 / А.И.Герцен. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1965. – 674 с.
  18. Горохов, В.М. Закономерности публицистического творчества: (Пресса и публицистика) / В.М.Горохов. – М.: Мысль, 1975. – 187 с.
  19. Горький, М. История русской литературы / М.Горький. – М.: Госполитиздат, 1939. – 340 с.
  20. Горкин, А.П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / А.П.Горкин. – М: Росмэн, 2006. – 984 с.
  21. Гулов, С., Атовуллоев, Х. Школа мастерства: Творческое наследие О.Латифи / С.Гулов, Х.Атовуллоев. – Душанбе, 2009. – 132 с.
  22. Гуминский, В.М. Путешествие / В.М.Гуминский // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С.314-315.
  23. Дмитриевский, А.Л. Сбежавшие (зарождение публицистики) / А.Л.Дмитриевский // Эпоха. Текст. Контекст: сб. статей / под ред. В.И.Грешных. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С.114-124.

24. Долинин, К.А. Интерпретация текста / К.А.Долинин. – М.: Изд-во Просвещение, 1985. – 304 с.
25. Ершов, Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы / Л.Ф.Ершов – Л.: Изд-во «Наука», 1977. – 284 с.
26. Есин, А.Б. Краткий словарь литературных терминов / А.Б.Есин. – М., 2003. – 187 с.
27. Жанры советской газеты / под ред. М.Черепанова. – М.: Высшая школа, 1972. – 269 с.
28. Журбина, Е. Искусство очерка / Е.Журбина. – М., 1957. – 221 с.
29. Журбина, Е. Повесть с двумя сюжетами. О публицистической прозе / Е.Журбина. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. писатель, 1979. – 376 с.
30. Журбина, Е. Современный фельетон (опыт теории) / Е.Журбина // Печать и революция. – 1976. – Кн. 7. – С. 18-35.
31. Журбина, Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров / Е.Журбина. – М.: Мысль, 1969. – 235 с.
32. Журналистика и социология: учеб. пособие / под ред. И.Д.Фомичевой. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2005. – 119 с.
33. Заславский, Д. Истоки и пути фельетона / Д.Заславский. – М.: Огонек, 1931. – 96 с.
34. Здоровега, В.И. Слово тоже есть дело. Некоторые вопросы теории публицистики / В.И.Здоровега. – М.: Мысль, 1979. – 174 с.
35. Иваннико, С.А. Словарь русского языка. – СПб., 1998. – 1536 с.
36. История мировой журналистики: учебник / Ф.А.Муминов (руководитель группы), А.Н.Нурматов и др. – Ташкент: Изд-во национального общества философов, 2006. – 432 с. (на узб. яз.)
37. Источниковедение. Теория. История. Метод / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. – М. 1998. – 701 с.
38. Канторович, В.Я. Заметки писателя о современном очерке / В.Я.Канторович. – М.: Сов. писатель, 1973. – 543 с.
39. Кармин, А.С., Новикова, Е.С. Культурология / А.С.Кармин,

- Е.С.Новикова. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с
40. Ким, М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов / М.Н.Ким. – СПб.: Питер, 2011. – 400 с.
  41. Корконосенко, С.Г. Основы теории журналистики: учебник для вузов / С.Г.Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 287 с.
  42. Краткая философская энциклопедия / сост. Е.Ф.Губский и др. – М., 1994. – 576 с.
  43. Кройчик, Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е.Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / ред.-сост. С.Г.Корконосенко. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – С. 125-167.
  44. Кузнецов, Г.В. Телевизионная журналистика / Г.В.Кузнецов, В.Л.Цвик, А.Я.Юровский. – М, «Высшая школа» 2002. – 304 с.
  45. Культурология XX век. Энциклопедия / под. ред. С.Я.Левита. Т.1. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алтейя», 1998. – 447 с.
  46. Курляндская, С.В. Фельетон – жанр сатирический (по материалам советской литературы и критики 20-х годов) / С.В.Курляндская. – М.: Издательство МГПУ им. В.И.Ленина, 1967. – 32 с.
  47. Лазутина, Г.В., Распопова, С.С. Жанры журналистского творчества / Г.В.Лазутина, С.С.Распопова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 320 с.
  48. Ленин, В.И. Партийная организация и партийная литература / В.И.Ленин // КПСС, – 4 изд. Т.12., 1965. – 104 с.
  49. Литературная энциклопедия. Т.9. – М.: Изд-во: Советская энциклопедия, 1935. – 428 с.
  50. Мансурова, В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации: монография / В.Д.Мансурова; М-во образования РФ. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 237 с.
  51. Маслова, Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра / Н.М.Маслова. – М.: Знание, 1980. – 116 с.
  52. Маслова, Н.М. Путевые заметки как публицистическая форма (Станов-

- ление и развитие жанра путешествия в публицистике) / Н.М.Маслова. – М., 1977. – 153 с.
53. Милевич, И.Г. Сопоставительный когнитивно-дискурсивный анализ языка современной публицистики: коммуникативные стратегии / И.Г.Милевич // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета: труды и материалы / под общ. ред. К.Р.Галиуллина. – Казань, 2004. – С. 45-50.
54. Муллоев, Ш.Б. Роль русскоязычных СМИ в информационном пространстве Республики Таджикистан / Ш.Б.Муллоев // Проблемы русскоязычных СМИ в Таджикистане. – Душанбе: РТСУ, 2010. – С. 90-93.
55. Муродов, М. Публицистическая сатира в таджикской периодической печати / М.Муродов. – Душанбе: Истеъдод, 2011. – 336 с.
56. Нуралиев, А.Н. Информационные жанры печати / А.Н.Нуралиев, Н.И.Брукер, А.А.Афсахзод. – Душанбе, 2005. – 131 с.
57. Ожегов, С.И.; Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – Изд. 4-е, доп. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
58. Основные понятия теории журналистики: (Новые подходы к проблеме) / И.Д.Фомичева, Е.П.Прохоров, Г.Пёршка, Г.В.Лазутина, И.М.Дзялошинский, И.М.Фролова; под ред. Я.Н.Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 206 с.
59. Панфилов, О. Таджикистан: журналисты на гражданской войне (1992-1997) / О.Панфилов. – М.: Права человека, 2003. – 564 с.
60. Пешковский, А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики / А.М.Пешковский. – М.; Л., 1930. – 176 с.
61. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т.1 / Г.В.Плеханов. – М.: Госполитиздат, 1956-1958. – 845 с.
62. Политология: учеб. / под. ред. В.А.Ачкасова, В.А.Гуторова. – М.: Высшее образование, 2009. – 560 с.

63. Поспелов, Г. Теория литературы / Г.Поспелов. – М., 1940. – 96 с.
64. Пронина, Е.Е. Психология журналистского творчества / Е.Е.Пронина. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 320 с.
65. Прохоров, А.М. Большой энциклопедический словарь / А.М.Прохоров. – М.: Изд-во: Большая Российская энциклопедия . – Норинт, 1999. – 1456 с.
66. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика» / Е.П.Прохоров. – 6 изд. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 293 с.
67. Прохоров, Е.П. Искусство публицистики: Размышления и разборы / Е.П.Прохоров. – М.: Изд-во «Сов. Писатель», 1984. – 360 с.
68. Прохоров, Е.П. Исследуя журналистику: Теоретические основы, методология, методика, техника работы исследователя СМИ / Е.П.Прохоров. – М.: РИП-Холдинг, 2006. – 202 с.
69. Прутцков, Г.В. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII в.: уч.-мет. комплекс / Г.В.Прутцков; под ред. Я.Н.Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 433 с.
70. Ренар, Ж. Дневник (1887-1910). Избранные страницы / Ж.Ренар; пер. с фр. Н.Жарковой и Б.Песиса. Составл. и вступит. статья Б.Песиса; прим. А.Паевской. – Калининград: Калининградское книжное изд-во «Янтар. Сказ», 1997. – 482 с.
71. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П.Рикер; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С.Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
72. Садуллаев, А., Аминов, А. Очерк: генезис, развитие и современное состояние / А.Садуллаев, А.Аминов. –Душанбе: Ирфон, 2012. – 216 с.
73. Салихов, Н.Н., Султонов, М.М. Место рекламы на страницах русскоязычной прессы Таджикистана / Н.Н.Салихов, М.М.Султонов // Проблемы русскоязычных СМИ в Таджикистане. – Душанбе: РТСУ, 2010. – С. 142-147.

74. Салтыков-Щедрин, М.Е. Полное собр. соч.: в 20 т. Т.16 / М.Е.Салтыков-Щедрин. – М., 1974. – 623 с.
75. Свитич, Л.Г. Феномен журнализма / Л.Г.Свитич. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2000. – 255 с.
76. Скуленко, М.И. Убеждающее воздействие публицистики / М.И.Скуленко. – Киев: Изд-во «Вища школа», 1986. – 174 с.
77. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.
78. Смелкова, З. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты / З.Смелкова, Л.Ассуирова, М.Саввова, О.Сальникова. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
79. Смирнов, В.В. Жанры радиожурналистики / В.В.Смирнов. – Ростов н/Д: Ньюанс, 2006. – 472 с.
80. Соболевска, О.В. Публицистика. Литературная энциклопедия терминов и понятий / О.В.Соболевска. – М. НПК «Интелвак», 2001. – 1598 с.
81. Солганик, Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г.Я.Солганик // Язык современной публицистики. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С.13-30.
82. Солганик, Г.Я. Поэтика публицистики / Г.Я.Солганик. – М., 1990.– 315с.
83. Социология журналистики: учеб.пособие для студентов вузов / под ред. С.Г.Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 318 с.
84. Тепляшин, А.Н. Сатирические жанры современной публицистики: учеб. пособие / А.Н.Тепляшин. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 110 с.
85. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А.Тертычный. – М., 1998. – 193 с.
86. Тимофеев, Л., Венгеров, Н. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л.Тимофеев, Н.Венгеров. – М.: Учпедгиз, 1963. – 511 с.
87. Тимофеев, Л. Теория литературы: Основы науки о литературе / Л.Тимофеев. – М., 1976. – 548 с.

88. Тураев, С.В., Тимофеев, Л.В. Краткий словарь литературоведческих терминов / С.В.Тураев, Л.В.Тимофеев. – М., 1974. – 509 с.
89. Усмонов, И.К. Журналистика. Ч.2 / И.К.Усмонов. – Душанбе, 2005. – 205 с.
90. Ученова, В.В. Беседы о журналистике / В.В.Ученова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мол. гвардия, 1985. – 205 с.
91. Ученова, В.В. Основные направления разработки теории публицистики: учеб.-метод. пособие / В.В.Ученова. – М., 1978. – 70 с.
92. Ученова, В.В. От вековых корней / В.В.Ученова. – М., 1985. – 176 с.
93. Ушаков, Д.Н. Словарь современного русского языка / Д.Н.Ушаков. – М., 2005. – 1216 с.
94. Фатеев, А. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. / А.Фатеев. –М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. – 261 с.
95. Федотова, М.Г. Теория и практика массовой информации. Ч.II / М.Г.Федотова. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2006. – 400 с.
96. Феллер, М.М. Стиль и знак. Стиль как способ изображения действительности / М.М.Феллер. – Львов: Изд-во при Львовском ГУ изд. объединения «Вища школа», 1984. – 167 с.
97. Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова. – М., 2001. – 720 с.
98. Фоминых, В.Н. К спорам о публицистике (о трехзначном смысле термина «публицистика») / В.Н.Фаминых // Журналистика развитого социализма: вопросы теории и методики. – Свердловск, 1980. – С.65-70.
99. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М.Фуко; пер. с франц. – СПб., 1994. – 408 с.
100. Черепанов, М.С. Проблемы теории публицистики. – 2-е изд., перераб. и доп. / М.С.Черепанов. – М.: Мысль, 1973. – 267 с.
101. Чернец, Л.В. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины: учеб. пособие. – М.: Высшая школа; Академия, 1999. – 556 с.
102. Щелкунова, Е.С. Публицистический текст в системе массовой комму-

никации: специфика и функционирование / Е.С.Щелкунова. – Воронеж: Родная речь, 2004. – 189 с.

103. Шкляр, В.И. Энергия мысли и искусство слова / В.И.Шкляр. – Киев: Вища школа, 1988. – 199 с.

104. Эльсберг, Я.Е. Изменение действительности и развитие стилей советской прозы. Проблемы художественной формы социалистического реализма: в 2 т. Т.1. Аспекты изучения. Художественная форма и действительность / Я.Е.Эльсберг. – М. Наука, 1971. – С. 221-228.

105. Юрков, А.А. Этика журналистского творчества / А.А.Юрков; науч. ред. Б.Я.Мисонжников. – СПб.: Изд-во «Роза мира», 2003. – 142 с.

106. Якубова, М. Люди и вершины / М.Якубова. – М.: Фонд имени И.Д.Сытина, 2011. – 212 с.

Б) Диссертации, авторефераты:

107. Абдуллаев, М.А. Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике: конец XIX – первая половина XX веков: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Абдуллаев Масрур Ахматович. – Душанбе, 2011. – 47 с.

108. Антонова, В.И. Трансформация типологической и жанровой систем в современной журналистике: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Антонова Вера Ивановна – Саранск, 2006. – 104с.

109. Ашрапова, С. Освещение вклада женщин Таджикистана в победу Великой Отечественной войны на страницах периодических изданий: дис... канд. филолог. наук: 10.01.10 / Ашрапова Сурайё – Душанбе, 2004. 112-113с.

110. Бобомуродова, Г.М. Роль и место Отахона Латифи в развитие таджикской современной журналистики (50-90г. XX века): дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Бобомуродова Гульноз Мирзоахмадовна – Душанбе, 2015. – 152 с.

111. Гулмуродзода, П. Становление таджикской советской публицистики: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Гулмуродзода Пайванд –

- М., 1989. – 175 с.
112. Дмитриевский, А.Л. Эссе как жанр публицистики: дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Дмитриевский Андрей Леонидович – СПб., 2002. – 202 с.
  113. Икромов, Н.А. Роль русских востоковедов в изучении истории, археологии и этнографии северного Таджикистана: дис... канд. истор. наук: 07.00.02 / Икромов Назирхон Ашурбоевич – Худжанд, 2015. – 188 с.
  114. Касымов, М. Публицистичность таджикской литературы периода Великой отечественной войны: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Касымов Мухаммад– Душанбе, 1984. – 21 с.
  115. Кривошейкина, М.С. Жанр фельетона в журналистском творчестве М.А.Булгакова (период работы в газетах «Гудок» и «Накануне»): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Кривошейкина Мария Сергеевна – Тверь, 2004. – 18 с.
  116. Лекаркин, И.В. «Народная газета» в системе периодической печати Таджикистана: дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Лекаркин Игорь Вячеславович – Душанбе, 2015. – 206 с.
  117. Мельник, Г.С. Массовая коммуникация как фактор политического влияния: дис... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Мельник Галина Сергеевна – СПб., 1998. – 467 с.
  118. Салихов, Н.Н. Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Салихов Нурали Назарович. – Душанбе, 2010. – 48 с.
  119. Султонов, М. Периодическая печать постсоветского Таджикистана: формирование и основные тенденции развития (1991-2004 гг.): дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Султонов Мирсаид. – М., 2005. – 174 с.
  120. Тулупова, К.В. Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект: дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Тулупова Ксения Владимировна – Воронеж, 2008. – 195 с.
  121. Усмонов, И.К. Становление и развитие таджикской партийно-советской

печати (1917-1929 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 10.01.10 / Усмонов Ибрагим Кенжаевич – М., 1976. – 24 с.

122. Хасанова, Т. Печатные СМИ о миротворческом процессе в Таджикистане: дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Хасанова Тахмина – Душанбе, 2011. – 173 с.
123. Ходжазод, С. Роль радио «Таджикистан» в формировании общественного мнения в период независимости: дис... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Ходжазод Саидмурод – Душанбе, 2015. – 311 с.
124. Хужаназарова, И.Х. Тенденции развития русскоязычных СМИ Таджикистана в условиях государственной независимости: дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Хужаназарова Идимох Хасановна – Душанбе, 2013. – 163с.
125. Шкляр, В. Публицистика и художественная литература: продуктивно-творческая интеграция: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Шкляр Владимир – Киев, 1989. – 54 с.

В) Статьи, опубликованные в периодических изданиях:

126. Богоявленский, А.Е. ПР и публицистика: ретроспектива смысла (Из цикла «Эскизы к теории ПР») / А.Е.Богоявленский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2005. – №2. – С 149-168.
127. Васильева, И.В., Васильев, Д.В. Образы жителей Туркестана и его завоевателей в литературных произведениях Н.Н.Каразина / И.В.Васильева, Д.В.Васильев // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – Вып.№6 (25) . – С.2-18.
128. Дмитровский, А.Л. Русская публицистика: истоки. Роль. Сущность (философско-антропологический аспект) / А.Л.Дмитровский // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – Вып.№ 3. – С. 110-122.
129. Дубовицкая, И.М. Н.П.Остроумов и становление СМИ в Средней Азии в конце XIX начале XX вв. / И.М.Дубовицкая // История и современ-

- ность. – 2009. – Вып.№2. – С.195-199.
130. Каминский, П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П.П.Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – Вып. №1. – С.97-103.
131. Кройчик, Л.Е. Публицистический текст как жанр и как дискурс / Л.Е.Кройчик // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – 2005. – №3-4. – С.11-17.
132. Лекторский, В.А. Принципы воспроизведения объекта в знании / В.А.Лекторский // Вопросы философии. – 1967. – №4. – С.47-54.
133. Лиходеев, Л. Куда сатирику поддаться? / Л.Лиходеев // Книжное обозрение. – 1989. – № 52, 29 дек.
134. Ляпун, С.В. Новые подходы к классификации газетных жанров в теории и практике журналистики / С.В.Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – №4. – С.95-100.
135. Машарипова, Т.Ж. Сущность публицистики / Т.Ж.Машарипова // Вестник ВГУ. Серия: Филология, Журналистика. – 2015. – №1. – С.105-113.
136. Москвин, В.П. Изучаем гротескный стиль / В.П.Москвин // Русский язык в школе. – 2011. – № 6. – С.38-41.
137. Одинаев, А. Деятельность работников печати и радио в условиях военного времени / А.Одинаев // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б.Гафурова. Гуманитарные науки. – 2012. – №4 (32). – С. 91-99.
138. Полонский, А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности / А.В.Полонский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №1. – Т.11. – С. 56-61.
139. Пустовойт, П. Через жизнь к слову / П.Пустовойт // Вопр. литературы. – 1959. – №8. – С. 109-114.
140. Самарская, Т.Б., Мартиросьян, Е.Г. Публицистический текст: сущность,

специфика, функции / Т.Б.Самарская, Е.Г.Мартиросьян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведения. – 2011. – №4. – С.53-58.

141. Семенова, А.Л. Своеобразие русской публицистики 1900-х гг. / А.Л.Семенова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2009. – №54. – С. 70-73.
142. Сидоров, В.А. Познание как сущность общественного бытия журналиста / В.А.Сидоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2003. – №2. – С.110-120.
143. Соловьев, Г.М. Жанрообразующие факторы современного медиатекста: проблема верификации / Г.М.Соловьев // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп. – 2010. – №3. – С.106-109.
144. Суровцев, Ю. О публицистике и публицистичности / Ю.Суровцев // Знамя. – 1986. – №4. – С.208-224.
145. Тертычный, А.А. Очерк – король жанров / А.А.Туртычный // Журналист. – 2001. – №5. – С.76-85.
146. Шатуновский, И. Булыжники для фельетониста / И.Шатуновский // Журналист. – 1996. – №5. – С.42-46.
147. Ширяхин, А. Сомненья прочь, уходит в ночь / А.Ширяхин // Бизнес и политика. – 1992. – №1, 1 янв.
148. Шишкова, М.Е. К изучению опыта управления Туркестанским краем в начале XX В. (Рец. на кн.: Глущенко, Е.А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования) / М.Е.Шишкова // Новый исторический вестник. – 2012. – №34. – С.113-118.

Г) Периодические издания:

149. Васильева, М. Старик и горы / М.Васильев // Народная газета. – 1995. – №3, 28 янв.
150. Венюков, М. И. Очерк географических исследований в Азиатской России / М.Венюков // Военный сборник. – 1877. – №7. – С.66-75.

151. Все на благо Родины! // Коммунист Таджикистана. – 1945. – №25, 9 мая.
152. Гейвандов, П. Без забот и хлопот / П.Гейвандов // Вчерний Душанбе. – 1994. – №7, 8 фев.
153. Граменецкий, Д.М. Заметка о древних урочищах Туркестанского края / Д.М.Граменецкий // Туркестанские ведомости. – 1879. – № 12, 5 марта.
154. Зиборов, А. Верное решение / А.Зиборов // Народная газета. – 1997. – №11-12, 14 фев.
155. Зиборов, А. Сон и явь Муюшкина / А.Зиборов // Народная газета. – 1993. – №1, 1 янв.
156. Каратыгина, Т. Солдатская правда / Т.Каратыгина // Народная газета. – 1995. – № 5, 18 фев.
157. Кому это удобно // Коммунист Таджикистана. – 1972. – №87, 21 окт.
158. Кулбусинова, Н. Воин и учитель / Н.Кулбусинова // Народная газета. – 1995. – №7, 1 марта.
159. Ларенок, А.Я. Надежды и тревоги горной глубинки / А.Я.Ларенок // Бизнес и политика. – 1997. – №9, 27 фев.
160. Ларенок, А.Я. Я спросил: «Зачем идете в горы вы? / А.Я.Ларенок // Бизнес и политика. – 1993. – №40, 5 окт.
161. Марченко, М. За Берлин – орден Александра Невского М.Марченко // Народная газета. – 1995. – №2, 21 янв.
162. Марченко, М. О молодых тревога ветерана / М.Марченко // Народная газета. – 1995. – №6, 23 фев.
163. Марченко, М. Хотя фронт был далеко... / М.Марченко // Народная газета. – 1995. – №3, 28 янв.
164. Митинг решает по-своему // Народная газета. – 1991. – №39, 25 сент.
165. Молодые строители Дальверзина // Коммунист Таджикистана. – 1955. – №3, 12 янв.
166. Морозова, Н. Крепче за Нурек наш держись, шофер! / Н.Морозова // Народная газета. – 1997. – №31, 18-25 июля.
167. Над снегами // Коммунист Таджикистана. – 1973. – №20, 14 фев.

168. Назаров, Н. Новое свидание с Багдадом / Н.Назаров // Народная газета. – 1997. – № 31, 18-25 июля.
169. Некрасова, М.Г. На горе / М.Г.Некрасова // Народная газета. – 1997. – №32, 1 авг.
170. Некрасова, М.Г. Н-ская застава, южная граница / М.К.Некрасова // Народная газета. – 1995. – №2, 21 янв.
171. Николаев, А. Ущелье Красных Скал / А.Николаев // Памир. – 1995. – №4. – С.24-31.
172. Нуратов, Д. Путешествие в Турцию / Д.Нуратов // Народная газета. – 1996. – №4, 4 фев.
173. Осененный доблестью и славой // Коммунист Таджикистана. – 1978. – №45, 20 мая.
174. Поединок // Коммунист Таджикистана. – 1967. – №18, 26 фев.
175. Попов, В. В огне тени нет / В.Попов // Народная газета. – 1995. – №2, 21 янв.
176. Суруш, М. Лицом к лицу / М.Суруш // Народная газета. – 1997. – №38, 5-12 дек.
177. Сусло, М. Верность идеалам коммунизма: Всесоюзное совещание идеологических работников / М.Сусло // Правда. – 1979. – №88, 18 окт.
178. Турсунзаде, М. Путь партии - путь дружбы великой нашей страны / М.Турсунзаде // Комсомолец Таджикистана. – 1932. – №25, 5 мая.
179. Усманов, З. И будет президент свадебным генералом / З.Усманов // Народная газета. – 1991. – № 43, 9 нояб.
180. Хорошо там!.. // Народная газета. – 1995. – №14-15, 3 авг.
181. Ширяхин, А. Сомнения прочь, уходит в ночь / А.Ширяхин // Бизнес и политика. – 1992. – №1, 1 янв.
182. Яблоков, А. Тревожная ночь / А.Яблоков // «Памир». – №6. – 1992. – С.34-38.

Д) ИНТЕРНЕТ – ресурсы:

183. Белинский, В.Г. Разделение поэзии на роды и виды. [Электронный ре-

- сурс]. – Режим доступа: http://knigolubu.ru/russian_classic/belinskiy_vg/razdelenie_poezii_na_rodya_i_vidya.1509/?page=13
184. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во «Астрель», «АСТ», 2009. – Режим доступа: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**
185. Дзялошинский, И. Российская журналистика в поисках модели развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/roll-pressa/dzyalosch.html>
186. Кенжегулова, Н. Художественно-публицистические жанры журналистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kgu-journalist.ucoz.ru/publ/zhanry_zhurnalistiki/khudozhestvenno_publicisticheskie_zhanry_zhurnalistiki_narbin_kenzhegulova/6-1-0-84
187. Муллоев, Ш.Б. История таджикской публицистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mulloevsharif.wordpress.com/история-таджикской-журналистики/>
188. Новейший философский словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/149350/1315/Gricanov_-_Noveiishiii_filosofskiii_slovar%27.html
189. Основные жанры художественной публицистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://userdocs.ru/literatura/8385/index.html>
190. Ромашкина, М.В. Дневник: эволюция жанра. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15447>
191. Словарь терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/g1_sch2.cgi?R1dLoyuhouty
192. Сущность и особенности жанра путевого очерка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studbooks.net/768987/literatura/suschnost_osobennosti_zhanra_putevogo_ocherka

